

УЧЕБНИКИ
И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

**ПОЛНЫЙ КУРС
УГОЛОВНОГО
ПРАВА**

Том IV

ЮРИДИЧЕСКИЙ

Учебники и учебные пособия
(Юридический Центр Пресс)

Коллектив авторов

**Полный курс уголовного права.
Том IV. Преступления против
общественной безопасности**

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Коллектив авторов

Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс) / Коллектив авторов — «Юридический центр», 2008 — (Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс))

ISBN 978-5-94201-545-9

Курс подготовлен известными российскими учеными в области уголовного права. В IV томе рассматриваются понятие, система и виды преступлений против общественной безопасности, общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологические, транспортные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, анализируются особенности их квалификации, исследуются приемы и способы отграничения от смежных составов. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, работников правоохранительных органов и судов.

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-545-9

© Коллектив авторов, 2008
© Юридический центр, 2008

Содержание

Глава I	6
§ 1. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка	6
Глава II	17
§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления, посягающие на общественную безопасность	17
§ 2. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности	25
§ 3. Преступления против общей безопасности	30
А. Террористический акт (ст. 205 УК)	30
Б. Содействие террористической деятельности (ст. 2051 УК)	41
В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 2052 УК)	44
Г. Захват заложника (ст. 206 УК)	46
Д. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК)	53
Е. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК)	55
Ж. Бандитизм (ст. 209 УК)	60
З. Организация преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК)	78
И. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК)	88
К. Массовые беспорядки (ст. 212 УК)	96
Л. Пиратство (ст. 227 УК)	104
§ 4. Преступления против общественного порядка	111
А. Хулиганство (ст. 213 УК)	111
Б. Вандализм (ст. 214 УК)	115
§ 5. Преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности	117
А. Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК)	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Полный курс уголовного права. Том IV. Преступления против общественной безопасности

© Коллектив авторов, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

* * *

Глава I

Преступления против общественной безопасности и общественного порядка

§ 1. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка

Раздел о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка как самостоятельное структурное подразделение в Уголовном кодексе Российской Федерации выделяется впервые. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость определения понятия и содержания общественной безопасности и общественного порядка как родового объекта этой группы преступлений.

Термин «безопасность» давно используется в учебной литературе и доктрине уголовного права (государственная безопасность, общественная безопасность, безопасность личности, экологическая безопасность, безопасность движения и т. д.). В последние годы в законодательстве получил свое закрепление и термин «национальная безопасность». Под национальной безопасностью России понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве. Согласно Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции от 10 января 2000 г.), она представляет собой систему взглядов на обеспечение в России безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Мнение о том, что безопасность личности, общественная безопасность и государственная безопасность являются видовыми составляющими национальной безопасности, поддерживается и социологами, и политологами и юристами.

На законодательном уровне понятие «общественная безопасность» впервые было использовано в УК РСФСР 1922 г., в котором глава 8 Особенной части именовалась «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». Однако само понятие безопасности было раскрыто лишь в Законе РСФСР от 18 марта 1992 г. «О безопасности». Согласно ст. 1 данного Закона безопасность есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Данное определение основывается на лингвистическом представлении о том, что безопасность есть «отсутствие опасности; сохранность, надежность»¹ или «положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь»². В этом определении законодатель акцентирует внимание на том, что безопасность, во-первых, выступает в качестве определенного социального явления и, во-вторых, является существенно важным социальным благом.

Как правовое явление и объект уголовно-правовой охраны общественная безопасность стала предметом серьезных научных исследований сравнительно недавно, и поэтому

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

² См.: Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М., 2000. С. 88; Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2000. С. 28; Тер-Акопов А. А. Безопасность человека. Социальные и правовые основы. М., 2005. С. 11–12.

в юридической литературе относительно объема и содержания данного понятия существуют различные точки зрения. До недавних пор большинство авторов связывало понятие общественной безопасности либо с нарушением правил взаимодействия людей с техническими системами, либо с нарушением правил обращения с общеопасными предметами. Так, Г. А. Туманов и В. И. Фризко пишут: «В юридическом смысле общественная безопасность представляет собой совокупность опосредованных источниками повышенной опасности отношений, регулируемых юридическими, техническими и организационными нормами, с целью предотвращения и устранения угрозы жизни и здоровью людей, материальным ценностям и окружающей среде»³. При таком подходе на первый план выдвигается «технический» характер общественной безопасности, но собственно содержательная сторона ее зачастую остается вне поля зрения и исследователей, и правоприменителей.

Однако в специальной литературе высказывались и другие точки зрения. Например, по мнению В. П. Тихого, общественная безопасность как объект преступлений представляет собой определенную систему общественных отношений, обеспечивающих предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам в целом, гарантирующих тем самым их устойчивость и надежность⁴. По мнению авторского коллектива курса, подготовленного в ИГП РАН, общественная безопасность представляет собой упорядоченное состояние общественных отношений, обеспечивающее защищенность надлежащих условий жизнедеятельности всех людей, функционирование социальных институтов, общественного порядка, личных, общественных и государственных интересов в процессе выполнения специальных работ и обращения с общеопасными устройствами, предметами и веществами⁵. По мнению авторского коллектива одного из учебников по уголовному праву, понятием общественной безопасности обозначается состояние защищенности личности, общества и государства преимущественно от разнообразных внутренних угроз общеопасного характера⁶. Полагаем, что отождествление общественной безопасности и национальной безопасности, несмотря на определенную близость и схожесть этих понятий, необоснованно, поскольку первая является лишь составной частью второй, о чем уже говорилось выше.

Общественная безопасность представляет собой определенную совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества. В этом смысле она является не только одной из потребностей общества, но и общим благом, общей ценностью, в сохранении и развитии которой заинтересовано и государство, и общество, и граждане. Обеспечение общественной безопасности является необходимой гарантией создания в обществе таких социальных условий, при которых человек, его физические и духовные блага становятся действительно высшей социальной ценностью, а сам он может чувствовать себя социально защищенным. Социальная функция общественной безопасности выражается в том, что, отражаясь в общественной психологии, общественном сознании, она ассоциируется с определенным уровнем уверенности граждан в защищенности общества в целом и конкретного гражданина от общественно опасных посягательств, неприкосновенности основных социальных благ общества. Чем больше реальные усилия общества и государства по обеспечению системы общественной безопасности, тем более уверенно чувствуют себя граждане в процессе вступления в различные социальные связи.

³ Туманов Г. А... Фризко В. И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Сов. государство и право. 1989. № 8. С. 20.

⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 67.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 38.

⁶ См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 1999. С. 389.

Система обеспечения общественной безопасности представляет собой совокупность мер политического, правового, экономического, организационного, научно-технического и иного характера, имеющих основной задачей поддержание социально приемлемого уровня общественной безопасности.

Структурно система безопасности общества включает в себя:

а) разработанную доктрину безопасности, которая выступает как определенная идеология, способная объединить общество и, одновременно, как программа действий;

б) правовую основу, т. е. систему законов и иных правовых норм, позволяющих защищать интересы общества и составляющих его элементов (людей, социальных групп, политических и общественных объединений, общественного сознания и т. д.);

в) систему государственных органов, обеспечивающих безопасность общества;

г) общественную систему безопасности, включающую в себя совокупность неправительственных, общественных, самодетельных институтов и организаций, которая базируется на активности населения и способности общества противостоять угрозам и опасностям для него;

д) корректную, основанную на демократических принципах систему средств и методов обеспечения безопасности.

В уголовном праве система обеспечения общественной безопасности носит нормативный характер и включает в себя правовые, технологические и организационные нормы, а также специальные правила безопасности.

Содержание общественной безопасности нельзя сводить только к соблюдению различных правил по производству специальных работ и обращению с общеопасными предметами. Такой подход необоснованно ограничивает пределы общественной безопасности лишь сферой локальной или профессиональной деятельности, а ее содержание сводит к специальной безопасности. Источником опасности для общества могут выступать не только опасные производства и опасные предметы, но и собственные опасные формы поведения людей, особенно когда они находят выражение в насильственных формах поведения. Если такой социальный источник направлен на тот же объект, что и «технический» источник, обладает такой же разрушительной силой и способен причинить такие же последствия, то данные факторы нельзя игнорировать при правовой оценке содеянного. В ряде случаев отдельные опасные формы поведения людей необходимо расценивать как угрожающие безопасности общества.

Какие же отношения охватываются понятием общественной безопасности? Совершение преступлений, посягающих на общественную безопасность, будь то транспортные, экологические или собственно преступления против общественной безопасности, неразрывно связано с причинением физического, материального, организационного либо иного вреда гражданам, собственности, деятельности социальных институтов, окружающей природной среде. Вместе с тем данное утверждение отнюдь не означает, что при совершении этих преступлений обязательно должен причиняться весь спектр указанного вреда и всем указанным благам. В конкретных случаях ущерб может носить или материальный, или только физический, или организационный, либо комбинированный характер, а причиняться он будет не всем, а лишь некоторым социальным благам.

Характеристика общественной безопасности как «комплексного» объекта, включающего в себя определенные элементы, означает, что он должен аккумулировать в себе всю совокупность общественных отношений, обеспечивающих охрану жизни и здоровья граждан, материальных ценностей, окружающей природной среды. Иной вывод означал бы лишение отношений общественной безопасности их содержательной стороны. К тому же без причинения вреда названным ценностям не может быть нарушения общественной безопасности как социального блага, выступающего в качестве предмета соответствующих

отношений. Отсюда следует вывод, что причинение физического, материального или иного вреда при совершении преступлений против общественной безопасности охватывается понятием нарушения общественной безопасности и, следовательно, не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК. Исключением в этом плане является лишь умышленное причинение смерти, которое требует самостоятельной оценки.

Без нападения не может быть бандитизма, без насилия не может быть захвата заложника, без причинения тяжкого вреда здоровью не может быть нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта и т. д. Если соответствующие последствия не наступают или отсутствует угроза их наступления, то такие деяния нельзя рассматривать как преступления против общественной безопасности, а в некоторых случаях и вообще как преступления. Преступления против общественной безопасности причиняют вред (или ставят под угрозу причинения вреда) неопределенному кругу лиц, материальных объектов, деятельности социальных институтов, поэтому в целом отношения общественной безопасности как объекту посягательства ущерб причиняется всегда, вне зависимости от конкретных форм его проявления (материальный, физический, организационный). Вот почему совершенно справедливым является вывод, сделанный А. И. Коробеевым применительно к объекту транспортных преступлений (общественные отношения в сфере безопасного функционирования транспорта), об ошибочном представлении о существовании дополнительных объектов транспортных преступлений⁷. По нашему мнению, с полным основанием такой же вывод можно сделать и применительно ко всем преступлениям против общественной безопасности.

Общественная безопасность как составная часть родового объекта посягательств, предусмотренных разделом IX УК «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (общественная безопасность в широком смысле слова), характеризуется состоянием защищенности безопасных условий функционирования общества и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологической безопасности, безопасности функционирования транспортных средств и безопасности компьютерной информации. Общественная безопасность в узком смысле слова, как видовой объект посягательств, предусмотренных главой 24 УК «Преступления против общественной безопасности», выражается в состоянии защищенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности государственных и общественных институтов.

Наряду с обеспечением состояния защищенности (отсутствие опасности) основных благ общества от угроз и источников опасности, безопасность характеризуется и другими функциями, отражающими ее активный характер. В этом смысле в литературе справедливо отмечают такие важнейшие свойства и функции безопасности, как снижение, ослабление, устранение и предупреждение опасности и угрозы⁸. Поэтому, говоря о безопасности того или иного элемента, мы имеем в виду не только защищенность данного элемента от источников опасности, но и предупреждение и устранение опасности для него, а также поддержание такого уровня его защищенности, который является достаточным для нормального функционирования соответствующего элемента.

Активная роль общественной безопасности находит свое выражение в функции предотвращения, устранения угрозы жизни и здоровью людей, материальным ценностям, окружающей среде и деятельности различных институтов, общества и государства от общественно опасных форм поведения человека, а также в поддержании такого уровня защищен-

⁷ См.: Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков, 1981. С. 25.

⁸ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 507.

ности указанных благ, который является достаточным для выполнения людьми и обществом своих социальных функций.

Таким образом, суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что *общественная безопасность* представляет собой определенную совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и поддерживающих такой уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования.

Вторым составляющим родового объекта раздела IX УК РФ является общественный порядок. В уголовном законодательстве термин «общественный порядок» впервые был закреплен в УК РСФСР 1960 г., глава 10 которого именовалась «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». В УК РСФСР 1926 г. глава 8 носила название «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок», а в УК РСФСР 1922 г. глава 8 была названа «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». В науке уголовного права не сложилось устоявшегося мнения о понятии общественного порядка. Р. А. Базаров и А. В. Рагулин понимают под общественным порядком систему общественных отношений между людьми, установленную действующим законодательством, обычаями, традициями и нравственными нормами, обеспечивающую общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работу учреждений, предприятий и организаций⁹. При всей сложности и высокой степени оценочности соответствующего понятия, на наш взгляд, наиболее оптимальная дефиниция общественного порядка была сформулирована И. Н. Даньшиным. В своей работе он определял *общественный порядок* как систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения¹⁰.

В разделе IX Особенной части УК предусмотрен широкий круг деяний, которые существенно отличаются друг от друга по своим объективным и субъективным признакам. Вместе с тем эти деяния имеют *общее свойство* – они обладают способностью причинять весьма тяжкий вред здоровью граждан, собственности, нарушать и дезорганизовывать деятельность государственных и общественных институтов. Специфической особенностью данных преступлений является то, что они посягают на интересы общества в целом как единого социального организма, которое, наряду с личностью и государством, является одной из важнейших социальных ценностей, подлежащих всесторонней, и в том числе усиленной, уголовно-правовой охране. В отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства в системе УК данная группа преступлений помещена на третье место после преступлений против личности и преступлений в сфере экономики, что свидетельствует об усилении внимания к проблемам обеспечения безопасности граждан и нормального функционирования общества и государства, повышения значимости этих ценностей в общей системе правоохраняемых объектов на современном этапе.

Высокая степень социальной опасности преступлений против общественной безопасности обуславливается, прежде всего, внутренними свойствами этих преступлений. Они нарушают функциональную предназначенность общественной безопасности, для которой характерными и существенными являются следующие признаки. Во-первых, обеспечение безопасности неопределенно широкого круга правоохраняемых интересов (личности, имущества, деятельности социальных институтов и т. д.). Во-вторых, обеспечение непри-

⁹ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 69–71.

¹⁰ См.: Базаров Р. А., Рагулин А. В. Уголовно-правовая характеристика хулиганства. Ижевск, 2005. С. 49.

косновенности жизни и здоровья неопределенно широкого круга лиц. В-третьих, наряду с общественной безопасностью, одновременное обеспечение охраны и других социальных благ. Так, устанавливая ответственность за террористический акт, законодатель обеспечивает охрану не только общественной безопасности как самостоятельного социального блага, но и жизни и здоровья людей, имущества. Таким образом, можно сказать, что общественная безопасность обладает свойством «комплексного» объекта уголовно-правовой охраны. Поэтому вышеизложенные характерные свойства преступлений против общественной безопасности позволяют отграничивать их от преступлений против личности (убийств, причинения вреда здоровью и т. п.), собственности (хищений, уничтожения или повреждения имущества), порядка управления и т. д. Если в статьях о преступлениях против личности и собственности защищаются интересы пусть индивидуально не определенной, но все-таки конкретной личности или организации, то нормы о преступлениях против общественной безопасности имеют своей целью защиту безопасных условий жизнедеятельности общества в целом.

Характерной чертой механизма совершения преступлений против общественной безопасности является то, что такие социальные ценности общества, как жизнь, здоровье, права и свободы личности, собственность и т. п., нарушаются *опосредованно*, путем причинения вреда отношениям, регламентирующим безопасные условия общества. Однако от этого данные преступления не становятся менее опасными, чем, например, преступления против личности или собственности. Поскольку здесь «комплексное» преступление и вред причиняется интересам не конкретной личности, а общественно значимым интересам – безопасным условиям общества в целом, постольку законодатель устанавливает достаточно суровые санкции за совершение преступлений против безопасности общества.

С *объективной стороны* преступления против общественной безопасности и общественного порядка большей частью совершаются путем *активных действий*: террористический акт, бандитизм, хулиганство, незаконное изготовление оружия, вовлечение в занятие проституцией, неправомерный доступ к компьютерной информации и т. д. Некоторые преступления могут совершаться только в форме *бездействия*: небрежное хранение огнестрельного оружия, неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие. Наконец, имеются и такие преступления (в основном это деяния, связанные с нарушением каких-либо правил), которые могут совершаться как путем действия, так и путем бездействия: нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети и т. д.

В ряде случаев рассматриваемые преступления характеризуются *общеопасным способом* совершения преступления, например, взрывы при терроризме, нападения при бандитизме, погромы при массовых беспорядках, либо нарушением *специальных правил безопасности*: правил пожарной безопасности, безопасности движения транспортных средств, правил обращения с общеопасными предметами (оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, наркотическими средствами или психотропными веществами и т. п.).

Специфика объекта посягательства определяет и специфику характера общественно опасных *последствий*, которые наступают в результате совершения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. В результате посягательств на общественную безопасность вред причиняется широкому (не определенному ни количественно, ни индивидуально) кругу общественных интересов, он может быть многовариантным и различным по характеру: физический вред личности (при этом в качестве потерпевших может

выступать неопределенно большое число членов общества, по тем или иным причинам оказавшихся в месте и во время совершения преступления), имущественный ущерб, нарушение общественного спокойствия, дезорганизация нормальной деятельности социальных институтов, загрязнение окружающей природной среды и т. д.

По законодательной конструкции значительная часть рассматриваемых преступлений сформулирована как преступления с *формальным* составом: захват заложника, пиратство, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, нарушение правил международных полетов, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ и др. В тех случаях, когда деяния совершаются путем нарушения каких-либо правил специальной безопасности либо посягают на окружающую природную среду, преступления в законе, как правило, формулируются по типу *материальных* составов, например, нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, загрязнение атмосферы и т. д.

С *субъективной стороны* рассматриваемые преступления характеризуются как умышленной, так и неосторожной формой вины. Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных главами 24, 25 и 26 УК, совершаются только умышленно; большинству преступлений, связанных с нарушением правил специальной безопасности, и транспортным преступлениям, наоборот, свойственна неосторожная форма вины. В ряде составов преступлений против общей безопасности (ст. 205, 206, 209, 210, 211, 227 УК) обязательным признаком является наличие специальной цели, которой руководствуются виновные лица.

Субъекты рассматриваемых преступлений – большей частью общие, т. е. вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста. Вместе с тем за некоторые преступления к уголовной ответственности могут привлекаться и лица по достижении 14 лет (ст. 205, 206, 207, ч. 2 и 3 ст. 213, 214, 226, 229, 267 УК). При совершении некоторых преступлений (ст. 219, 225, ч. 5 ст. 228, ст. 237 УК и др.) для привлечения к ответственности необходимо, чтобы субъект помимо общих признаков обладал и определенными специальными качествами.

Таким образом, *преступления против общественной безопасности и общественного порядка можно определить как предусмотренные Уголовным кодексом умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), причиняющие существенный вред безопасным условиям жизни общества, здоровью населения и общественной нравственности, окружающей природной среде, безопасности транспортной деятельности, сохранности и неприкосновенности компьютерной информации либо создающие реальную угрозу причинения такого вреда.*

Общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка будет неполной без указания на качественные особенности в законодательном регулировании ответственности за эти преступления в УК 1996 г. К числу таких особенностей относятся следующие:

– более объемная система норм и их более четкая классификация в зависимости от группового объекта уголовно-правовой охраны. В связи с этим в структуре раздела выделяются 5 глав: глава 24 (Преступления против общественной безопасности); глава 25 (Преступления против здоровья населения и общественной нравственности); глава 26 (Экологические преступления); глава 27 (Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта); глава 28 (Преступления в сфере компьютерной информации). Последняя глава является новой для уголовного законодательства нашего государства. Компьютеризация социально-экономических и управленческих отношений и повышение значимости информации требуют обеспечения безопасности граждан и общества от негативных издержек научно-технического прогресса и, в частности, от преступлений в этой сфере. При этом в главе 24 сосредоточиваются нормы об общих видах преступлений против обще-

ственной безопасности, а главы 25, 26, 27 и 28 по своей сути предусматривают нормы о посягательствах на специальные виды общественной безопасности;

– декриминализация ряда преступлений, потерявших в современных условиях прежний уровень общественной опасности (самовольная без надобности остановка поезда, организация азартных игр, умышленная потрава посевов и др., всего – более десятка);

– криминализация ряда деяний (порядка двадцати), уголовная ответственность за совершение которых ранее либо вообще не предусматривалась, либо наступала по другим общим нормам УК (организация преступного сообщества, вандализм, пиратство, незаконное изготовление оружия, компьютерные преступления и др.). Одновременно в раздел IX вследствие уточнения объекта посягательства и для соблюдения системности Особенной части УК перемещен ряд норм, которые ранее предусматривались в иных главах УК: о бандитизме, захвате заложников, массовых беспорядках, выпуске или продаже товаров, выполнении работ либо оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, организации объединений, посягающих на личность и права граждан, и др.;

– более четкое и последовательное изложение признаков основных и квалифицированных видов преступлений, что устраняет двойственное понимание отдельных признаков и лучше отражает природу анализируемых преступлений;

– значительно более широкое использование практики освобождения виновных от уголовной ответственности в случаях добровольного отказа от продолжения совершения преступлений и отсутствия в их действиях иного состава преступления. В отличие от УК РСФСР 1960 г. такие примечания содержатся уже в 7 статьях УК РФ (о террористическом акте, содействии террористической деятельности, захвате заложника, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, организации преступного сообщества (преступной организации), незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконном изготовлении оружия);

– в целом усиление ответственности за такие наиболее опасные преступления, как террористический акт, бандитизм, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств и др. Вместе с тем поскольку преступления против общественной безопасности не направлены непосредственно против жизни человека, постольку в соответствии со ст. 20 Конституции РФ из санкций ряда статей (о терроризме, бандитизме, угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава) исключена смертная казнь как мера наказания.

Устанавливая уголовную ответственность за определенные формы общественно опасного поведения, законодатель одновременно в зависимости от конкретно поставленных целей осуществляет их *систематизацию*, т. е. на основании различных критериев объединяет преступления в определенные группы. Законодательная систематизация преследует цель выделения каких-либо общих специфических признаков и в случае необходимости придания им определенного уголовно-правового значения. Классификации могут быть различными, однако Уголовный кодекс 1996 г., как и предыдущие УК, основанием разделения преступлений на группы избирает, прежде всего, родовой объект посягательства, т. е. группу охраняемых уголовным законом однородных, взаимосвязанных между собой общественных отношений. Именно по этому критерию они группируются и сосредотачиваются в разделе IX УК «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Однако в отличие от Уголовных кодексов 1922, 1926 и 1960 гг. система Особенной части УК 1996 г. изложена более сложно и имеет не двухзвенную, а трехзвенную структуру. Особенная часть УК делится на разделы (первый уровень), разделы, в свою очередь, – на главы (второй уровень), а последние – на статьи, предусматривающие конкретные составы преступ-

лений (третий уровень). Поэтому следует говорить о классификации по родовому (первый уровень), видовому (второй уровень) и непосредственному (третий уровень) объектам.

Система как некое образование означает множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, взглядов, знаний и т. д.), представляющих собой определенное целостное образование, единство. Характерным признаком системы является определенная последовательность расположения ее элементов. Поэтому *система преступлений против общественной безопасности и общественного порядка представляет собой предусмотренные в разделе IX УК РФ преступления, которые посягают на безопасные условия жизни общества в целом и компактно располагаются в зависимости от видового объекта посягательства.*

Классификацию преступлений, посягающих на один родовой объект, можно осуществлять по различным основаниям: по характеру и степени общественной опасности, по характеру субъективной стороны, субъекту, особенностям объективной стороны и т. д. Каждая из этих классификаций имеет определенное значение и осуществляется в зависимости от конкретно поставленных исследователем целей. Так, например, классификация преступлений по характеру и степени общественной опасности впервые законодательно закреплена в ст. 15 УК 1996 г., что имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как отнесение преступления к той или иной категории влечет определенные уголовно-правовые последствия для лица, его совершившего.

Такая категоризация имеет значение при определении оснований и пределов уголовной ответственности и наказания, индивидуализации наказания (при опасном и особо опасном рецидиве, приготовлении к преступлению, преступном сообществе, назначении вида исправительного учреждения, назначении в качестве меры наказания смертной казни, назначении наказания по совокупности преступлений, решении вопросов, связанных с отбыванием наказания, освобождением от него, продолжением отбывания наказания и рядом других).

Вместе с тем, как нам представляется, выстраивая новую систему Особенной части УК, законодатель не всегда был последователен в своих решениях. Во-первых, место раздела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка в системе Особенной части УК не вполне согласуется с логикой оценки социальных ценностей, закрепленных в Конституции РФ, система которой строится в следующей иерархии основных ценностей: личность – общество – государство. В соответствии с таким подходом раздел о преступлениях против общественной безопасности должен быть помещен на второе место в структуре Особенной части УК после раздела о преступлениях против личности. Во-вторых, имеется расхождение между наименованием раздела и его содержанием. Название раздела «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» не в полной мере соответствует характеру и количеству норм, которые содержатся в самом разделе, а именно:

а) преступлений против общественного порядка в этом разделе предусмотрено всего два – хулиганство и вандализм, а характеристика их объекта вынесена в наименование раздела, несмотря на то, что законодатель и не выделяет самостоятельной главы о данных преступлениях;

б) и, наоборот, в исследуемом разделе предусмотрена глава 25, которая содержит 18 норм о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности, но родовой объект этих преступлений в наименовании раздела не обозначен.

В связи с этим, как нам представляется, более последовательно поступили разработчики Модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ, который был принят на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. и носит рекомендательный характер

для их законодателей¹¹. В Модельном кодексе раздел VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», во-первых, расположен сразу за разделом о преступлениях против личности и, во-вторых, в его наименовании отражены родовые объекты преступлений, нормы о которых находятся в данном разделе.

Новые Уголовные кодексы стран СНГ по-разному решают вопрос о структуре УК и о месте в ней норм о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. В УК Республики Беларусь 1999 г. выделяются три раздела, где в качестве объекта определяется «безопасность»: IX (Преступления против экологической безопасности и природной среды), X (Преступления против общественной безопасности и здоровья населения), XII (Преступления против информационной безопасности). УК Кыргызской Республики 1997 г. воспроизводит структуру УК РФ; УК Республики Казахстан 1997 г. не выделяет разделов, а глава 9 Особенной части именуется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»; в УК Республики Таджикистан 1998 г. раздел VIII «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» располагается после раздела «Преступления против личности» и включает в себя главы: 21 «Преступления против общественной безопасности», 22 «Преступления против здоровья населения» и 23 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств»; в УК Республики Узбекистан 1994 г. раздел VI «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» располагается после разделов о преступлениях против личности, против мира и безопасности, преступлений в сфере экономики, преступлений в сфере экологии, преступлений против государственной власти и включает в себя главы: XVII «Преступления против общественной безопасности», XVIII «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств», XIX «Преступления, составляющие незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ» и XX «Преступления против общественного порядка»; Уголовный закон Латвийской Республики 1998 г. не выделяет разделы, а глава XX озаглавлена «Преступные деяния против общественной безопасности и общественного порядка».

Исследователи, занимающиеся проблемами преступлений против общественной безопасности, применительно к УК РСФСР 1960 г. выделяли либо две (преступления, нарушающие правила общей безопасности, и преступления, нарушающие правила специальной безопасности)¹² либо три группы преступлений против общественной безопасности (при всем терминологическом различии их можно определить таким образом: общие виды преступлений против общественной безопасности, преступления против общественной безопасности, нарушающие специальные правила безопасности, и транспортные преступления)¹³.

С учетом выделения в структуре нового УК РФ глав по признакам видового объекта преступления против общественной безопасности и общественного порядка можно подразделить на:

- преступления против общественной безопасности в узком смысле слова или собственно преступления против общественной безопасности, которые предусматриваются в главе 24 (ст. 205–212, 215–227);
- преступления против экологической безопасности – экологические преступления, предусмотренные в главе 26 (ст. 246–262);

¹¹ См.: *Даньшин И. Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 142–143.

¹² См.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10.

¹³ См., напр.: *Матышевский П. С.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964. С. 10–11.

– преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, предусмотренные в главе 27 (ст. 263–271);

– преступления в сфере безопасности компьютерной информации – преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные в главе 28 (ст. 272–274).

В предлагаемой системе открытым остается вопрос о месте преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, которые предусматриваются в главе 25. Ранее мы уже отмечали непоследовательность законодателя, выражающуюся в неполном соответствии наименования раздела IX и его содержания. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности можно отнести к преступлениям против общественной безопасности в самом широком смысле слова (социальной безопасности) как представляющим угрозу для безопасности общества. Однако с учетом специфики и самостоятельного характера общественных отношений, на которые осуществляется посягательство преступлениями данной группы, мы полагаем, что более точным было бы выделение их в самостоятельный раздел Особенной части УК.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об определении места в предлагаемой системе таких преступлений, как хулиганство (ст. 213) и вандализм (ст. 214). Традиционно эти преступления относились к посягательствам на общественный порядок, а их родовым объектом также признавался общественный порядок¹⁴. УК 1996 г., в отличие от предыдущих кодексов, не выделяет в качестве самостоятельного такой видовой объект, как общественный порядок, и, следовательно, не может быть определен и круг деяний, посягающих на общественный порядок¹⁵. Ситуация усугубилась, когда в результате принятия 8 декабря 2003 г. Федерального закона № 162-ФЗ диспозиция ст. 213 была существенно изменена. С одной стороны, в новом законодательном описании хулиганство больше тяготеет к преступлениям против общественной безопасности, поскольку речь идет уже не просто о нарушении общественного порядка, а о действиях, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, т. е. об общественно опасном преступлении. С другой стороны, разрушилась внутренняя взаимосвязь хулиганства и вандализма. Поэтому фактически осталась только одно деяние, которое в чистом виде можно отнести к преступлениям, посягающим на общественный порядок, что делает бессмысленным само выделение *группы* преступлений, посягающих на общественный порядок.

¹⁴ См.: Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 16.

¹⁵ См., напр.: Гришанин П. Ф., Владимиров В. А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1962. С. 4.

Глава II

Преступления против общественной безопасности

§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления, посягающие на общественную безопасность

В уголовном законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX в., в частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г., в отличие от законодательства других государств, не предусматривалось самостоятельного раздела или главы, где бы содержались нормы об ответственности за деяния, аналогичные тем, которые предусмотрены в главе 24 раздела IX УК РФ 1996 г. (преступления против общественной безопасности).

Вместе с тем в **Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** предусматривалось достаточно большое количество норм о деяниях, относимых в настоящее время к числу общеопасных преступлений.

Так, ст. 269 (1) главы первой (О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям) раздела четвертого (О преступлениях и проступках против порядка управления) предусматривала дифференцированную ответственность за устройство, подговор к устройству или участие в публичном скопище, сопровождавшемся насилием или угрозой над личностью, похищением, самовольным завладением, истреблением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое обитаемое здание либо иное помещение, огороженное место или усадьбу, а равно руководство совершением указанных действий или подстрекательство к ним (аналог современного понятия массовых беспорядков).

В ст. 867–869 (1) отделения шестого (О нарушении правил, установленных для продажи, хранения и употребления веществ ядовитых и сильнодействующих) главы первой (О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие) раздела восьмого (О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния) предусматривалась ответственность за нарушение правил обращения с ядовитыми и сильнодействующими веществами. В ст. 922–931 отделения первого (О составлении злонамеренных шаек и пристанодержательства) главы третьей (О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений) раздела восьмого устанавливалась ответственность за организацию и участие в шайке для разбоев, зажигательства, краж и т. д. (некий аналог современного бандитизма). Аналогичная по содержанию норма предусматривалась и в отделении первом главы третьей (О похищении чужого имущества) раздела двенадцатого (О преступлениях и проступках против собственности частных лиц).

В ст. 986–987 (1) отделения седьмого (О противозаконном выделывании и хранении оружия или пороха и нарушении других, для ограждения личной безопасности постановленных, правил осторожности) главы третьей (О нарушениях общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений) раздела восьмого устанавливалась ответственность за нарушение правил обращения с оружием, порохом, взрывчатыми веществами, снарядами.

Уголовное уложение 1903 г. существенно отличалось от предыдущих законодательных актов не только по технико-юридическому изложению, но и по содержательной сто-

роне. Важнейшей характеристикой Уложения было то обстоятельство, что оно вводилось в действие постепенно, по отдельным главам и даже по отдельным статьям. В нем также предусматривались отдельные нормы об общеопасных преступлениях. Так, в главе пятой (О смуте) в ст. 120–123 устанавливалась ответственность за организацию и участие в публичных скопищах. **Законом от 7 июня 1904 г.** были введены в действие наряду с некоторыми другими главами и ст. 121, 123 и 126–134 данной главы¹⁶. Статьи 120 и 122 так и не вступили в действие.

В главе двенадцатой (О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие) ст. 279 предусматривалась ответственность за участие в шайке, составившейся в различных целях и в том числе для воровства, разбоев, вымогательств или мошенничества, для повреждений чужого имущества, приобретения, принятия на хранение, сокрытия, заклада или сбыта чужого имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния, а также за дачу пристанища заведомо участнику такой шайки или доставление средств для учинения преступных деяний.

Анализ дореволюционного законодательства и специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что в качестве характерных признаков «общеопасных преступлений», позволяющих отграничивать их от смежных, выделялись следующие. Во-первых, сложный объект посягательства, который включал в себя различные по характеру блага, во-вторых, особо опасный способ совершения преступления, и, в-третьих, неразрывную связь способа с объектом посягательства – создание опасности для неопределенного множества лиц. Вместе с тем при определении характера ущерба предпочтение отдавалось имущественным отношениям, и поэтому за основу брался, прежде всего, вред, причиненный имущественным благам, а уже в качестве дополнительного учитывался вред, причиняемый личным благам потерпевших.

До 1917 г. уголовное законодательство об ответственности за общеопасные преступления не подвергалось каким-либо изменениям. В последующем периоде развития законодательства можно выделить семь этапов.

В первые годы Советской власти не существовало кодифицированного уголовного законодательства, поэтому ответственность за наиболее тяжкие преступления предусматривалась декретами. Однако подходы законодателя к оценкам деяний и, главное, к описанию конкретных составов были различны. Так, ответственность за бандитизм в современном его понимании предусматривалась **Декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»**¹⁷. В этом декрете не только называется такое преступление, как бандитизм, но и впервые дается описание признаков состава: «...участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, а также как пособничество такой шайке и укрывательство ее». Ответственность за организацию скопища, участие в нем и подстрекательство к нему не предусматривалась. Однако встречается упоминание о другом деянии – «погромах». В одном из первых воззваний Военно-революционного комитета Петрограда говорилось: «Воровство, разбой, нападения, погромные попытки будут немедленно караться. Виновные в этих преступлениях будут беспощадно судимы военно-революционным судом»¹⁸. В **Декрете СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах»** указывалось, что наряду с контрреволюционными преступлениями трибуналы рассматривают также дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправильным использованием советских документов и хулиганством¹⁹.

¹⁶ См.: Свод законов уголовных. Часть первая: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1910.

¹⁷ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 265.

¹⁸ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 21.

¹⁹ См.: СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

Конкретные признаки этого преступления в законодательстве этого периода не определялись, однако, как следует из смысла самого термина, речь шла о наиболее опасной форме деятельности скопища – применении насилия к личности, уничтожении и повреждении имущества и тому подобных действиях.

В **Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.** была предусмотрена специальная глава 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». В данной главе УК в семи статьях предусматривалась ответственность за такие деяния, как: приготовление, хранение и сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то право (ст. 215), неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил (ст. 217), неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту органа милиции, военного караула, а равно всяких других властей, призванных охранять общественную безопасность и спокойствие (ст. 219), хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения (ст. 220), нарушение иных правил (ст. 221) и др.

Кроме того, некоторые виды преступлений, посягающих на общую безопасность, предусматривались и в других главах. В разделе 2 (О преступлениях против порядка управления) главы 1 (Государственные преступления) устанавливалась ответственность за массовые беспорядки (ст. 75, 77), бандитизм (ст. 76), изготовление, приобретение, хранение или сбыт взрывчатых веществ или снарядов без соответствующего разрешения, если не доказана преступная цель учинения этих деяний (ст. 93), в разделе 5 главы 5 (Иные посягательства на личность и ее достоинство) – за хулиганство (ст. 176), в главе 6 (Имущественные преступления) – за разбой (ст. 84), бандитизм (ч. 2 ст. 84), за умышленное истребление или повреждение какого-либо имущества путем поджога, потопления или каким-либо другим общеопасным способом (ст. 197). В отличие от декретов, диспозиции статей УК 1922 г. уже формулировали признаки соответствующих преступлений²⁰.

УК РСФСР 1926 г. сохранил в целом такие же подходы к классификации. Особенной части, как и УК 1922 г. Под уточненным наименованием предусматривалась и глава 8 (Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок), в которой первоначально содержалось 14 составов преступлений, и в том числе такие, как: нарушение правил обращения с сильнодействующими веществами (ст. 179), взрывчатыми веществами, снарядами, огнестрельным и холодным оружием, легковоспламеняющимися веществами и предметами и едкими веществами (ст. 182), нарушение правил об установке механических двигателей (ст. 189).

Ряд норм, предусматривающих общеопасные преступления, содержался в главе 2 (Преступления против порядка управления): массовые беспорядки (ст. 59², 59³), бандитизм (ст. 59⁴), хулиганство (ст. 74), неисполнение или нарушение правил производства строительных и горных работ (ст. 108)²¹.

С изданием в **1927 г. «Положения о преступлениях государственных»** ответственность за бандитизм (ст. 17) и массовые беспорядки (ст. 16) стала регулироваться этим общесоюзным законом. Впоследствии в это «Положение» и, соответственно, в УК было внесено еще несколько норм: ст. 59 (тайное или открытое похищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов), ст. 59^{3б}, 59^{3в}, 59^{3г}, 75¹, 75⁴ (транспортные преступления), ст. 108¹ (нарушение правил безопасности производства). До конца 50-х годов законодатель-

²⁰ См.: Источники права. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 2000. С. 3–40.

²¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 35.

ные формулировки анализируемых преступлений, за исключением хулиганства, не подвергались каким-либо изменениям.

Следующий этап в развитии законодательства об уголовной ответственности за общественно опасные преступления связан с принятием **25 декабря 1958 г. Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления»**. В разделе «Иные государственные преступления» данного Закона содержались нормы, которые устанавливали ответственность за такие общественно опасные деяния, как бандитизм (ст. 14) и массовые беспорядки (ст. 16). Впоследствии эти нормы текстуально без изменений были восприняты УК РСФСР 1960 г.

Интересными представляются законодательные тенденции конструирования системы преступлений против общественной безопасности в 40-х и 50-х годах. Так, при подготовке **проекта Уголовного кодекса СССР** норму о бандитизме, в которой в качестве обязательного признака указывалось на цель подрыва советской власти (ст. 79), предполагалось расположить в главе первой «Государственные преступления», в то время как об общеуголовном бандитизме и массовых беспорядках в проекте вообще не упоминалось. В главе одиннадцатой «Преступления против общественной безопасности, народного здоровья и общественной нравственности» выделялся раздел 1 «Преступления против общественной безопасности», где располагались следующие нормы: ст. 299 (хулиганство), ст. 300 (вовлечение несовершеннолетних в преступление), ст. 301 (изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ и огнестрельного оружия), ст. 302 (изготовление, хранение, ношение, покупка и сбыт холодного оружия), ст. 303 (пересылка недозволенных предметов), ст. 304 (нарушение правил производства строительных работ), ст. 305 (нарушение правил безопасности горных работ), ст. 306 (нарушение производственно-технической дисциплины и правил безопасности во взрывоопасных предприятиях и цехах), ст. 307 (нарушение правил пожарной охраны), ст. 308 (неосторожное уничтожение или повреждение имущества общественным способом)²².

В принятом в **1960 г. УК РСФСР**, как и в УК 1922 и 1926 гг., также выделялась специальная глава 10, где, наряду с другими деяниями, предусматривалась ответственность за некоторые виды преступлений против общественной безопасности. При этом общественная безопасность по-прежнему выступала не в качестве самостоятельного родового объекта охраны, а как составная часть объединенного объекта под наименованием отношения общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Однако следует отметить, что в отличие от предыдущих УК РСФСР в наименовании главы УК 1960 г. общественная безопасность была поставлена уже на первое место. Это явилось свидетельством усиления внимания к проблемам охраны общественной безопасности как наиболее важной из перечисленных в наименовании главы социальных ценностей.

К числу общественно опасных преступлений, ответственность за которые устанавливалась в главе 10 УК, относились три группы деяний:

1) Преступления, нарушающие общие правила безопасности: ст. 217 (нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ или пиротехнических изделий), ст. 217¹ (незаконный провоз воздушным транспортом взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ – введена 10 октября 1973 г.), ст. 218 (незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ), ст. 218¹ (хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ – введена 1 июня 1967 г.), ст. 219 (небрежное хранение огнестрельного оружия), ст. 219¹ (незаконное обучение каратэ – введена 10 ноября 1981 г., исклю-

²² См.: Там же. С. 41–84.

чена 5 декабря 1991 г.), ст. 220 (незаконная пересылка легковоспламеняющихся или едких веществ);

2) Преступления, нарушающие специальные производственные правила безопасности: ст. 214 (нарушение правил безопасности горных работ), ст. 215 (нарушение правил при производстве строительных работ), ст. 216 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах);

3) Транспортные преступления: ст. 211 (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами), ст. 211¹ (управление транспортным средством в состоянии опьянения – введена 19 июня 1968 г., исключена 24 декабря 1992 г.), ст. 211² (выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств – введена 19 июня 1968 г.), ст. 211³ (допуск к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения, – введена 19 июня 1968 г.), ст. 212¹ (угон транспортных средств – введена 3 июля 1965 г., исключена 1 июля 1994 г.), ст. 213 (нарушение действующих на транспорте правил), ст. 213¹ (самовольная без надобности остановка поезда – введена 3 июля 1965 г.), ст. 213² (угон воздушного судна – введена 17 апреля 1973 г.).

Кроме того, в данной главе предусматривался и ряд деяний, посягающих на общественный порядок: хулиганство (ст. 206), угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 207), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208), систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 209 – исключена 5 декабря 1991 г.), злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 209¹ – введена 25 февраля 1970 г., исключена 7 августа 1975 г.), вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 210), доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения (ст. 210¹ – введена 30 ноября 1972 г.), вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, влекущих одурманивание (ст. 210² – введена 29 июня 1989 г.).

Наконец, в разделе 11 «Иные государственные преступления» главы первой «Государственные преступления» предусматривалась ответственность за бандитизм (ст. 77) и массовые беспорядки (ст. 79), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 85), повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86), повреждение трубопроводов (ст. 86¹ – введена 29 апреля 1993 г.)²³.

Новый импульс уголовно-правовое регулирование охраны общественной безопасности получило в начале 80-х годов. Особенностью этого этапа было то, что процесс внутригосударственного законодательства был напрямую связан с активизацией процесса развития международного уголовного права. К числу наиболее опасных преступлений, затрагивающих совместные интересы различных государств, в это время были отнесены терроризм, захват заложников, угон воздушного судна и др. Проблемы объединения усилий в борьбе с этими преступлениями рассматривались на ряде международных форумов.

Так, борьбе с терроризмом были посвящены Международные конференции по унификации уголовного законодательства в 1930 г. (III, Брюссель), 1931 г. (IV, Париж), 1934 г. (V, Мадрид), Женевская конвенция о предупреждении и наказании терроризма, подписанная 20 государствами 16 ноября 1937 г., Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.

Захват заложников и угон воздушного судна первоначально рассматривались как конкретные формы проявления терроризма. Однако по мере распространения этих преступ-

²³ См.: Уголовный кодекс Союза ССР. Проект. М., 1947.

лений и накопления международного опыта борьбы с ними международное сообщество посредством принятия различных соглашений стало предоставлять им статус самостоятельных преступлений. 17 декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 34/146 приняла Конвенцию о борьбе с захватом заложников²⁴.

Борьба с угоном воздушных судов регламентировалась уже указанными Конвенциями по борьбе с терроризмом, а также специальными соглашениями по поводу этого преступления: Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушного судна 1963 г., Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.

Поскольку СССР в свое время присоединился к соответствующим международным документам, постольку с некоторым запозданием в УК РСФСР **Федеральным законом от 1 июня 1994 г.** были введены ст. 213³ и 213⁴, которые установили ответственность за терроризм и заведомо ложное сообщение об акте терроризма. В соответствии со ст. 213³ терроризм определялся как «совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий (терроризм)». Квалифицированным видом были: «Те же действия, если они причинили значительный имущественный ущерб, либо привели к наступлению иных тяжких последствий, либо совершены организованной группой». Особо квалифицированным видом признавались: «Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие смерть человека». Наказание за терроризм также устанавливалось различное: по ч. 1 в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, по ч. 2 – от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, а по ч. 3 – от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Согласно примечанию к этой статье «лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным образом способствовало предотвращению акта терроризма».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 июля 1987 г.

Уголовный кодекс был дополнен ст. 126¹, которая установила ответственность за захват заложников. Однако первоначальная редакция ст. 126¹ предусматривала примечание, в соответствии с которым действие этой статьи «не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватившее или удерживающее заложника, находится на территории СССР, и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР». Наличие подобной оговорки, во-первых, нарушало принцип равной уголовно-правовой защиты иностранцев и граждан СССР, поскольку при захвате заложника – иностранца ответственность наступала по ст. 126¹ УК, а захват заложника-гражданина СССР рассматривался как незаконное лишение свободы. Между тем санкции за совершение этих преступлений существенно различались. По ст. 126¹ максимум наказания составлял пятнадцать лет лишения свободы, тогда как по ст. 126 – три года лишения свободы. Во-вторых, данная оговорка практически парализовала применение ст. 126¹ УК, поскольку обычно при захвате заложников на территории СССР в качестве и заложников, и виновных лиц выступали именно граждане СССР. И только Законом РФ от 18 февраля 1993 г. примечание к ст. 126¹ было исключено из УК. С этого времени данная норма стала применяться в полном объеме.

²⁴ См.: Международное публичное право. Сборник документов: В 2 т. М., 1996.

Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1973 г. издал Указ «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна», на основании которого Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 апреля 1973 г. в УК РСФСР была введена ст. 213², установившая ответственность за угон воздушного судна. Согласно этой статье «угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, наказывался лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, или захват такого судна с целью угона, совершенные с применением насилия или угроз либо повлекшие аварию воздушного судна или иные тяжкие последствия, наказывался лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицированный вид – действия, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 213¹ УК, если они повлекли гибель людей или причинение тяжких телесных повреждений, наказывался лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества».

23 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта». Вопреки установленной до этого практике данный закон не был ратифицирован Верховным Советом РСФСР и, соответственно, не был включен в УК РСФСР. Однако в соответствии с п. 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» на территории Российской Федерации до принятия соответствующих законодательных актов РФ нормы бывшего Союза ССР применялись в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и указанному Соглашению. Закон СССР в части угона воздушного судна противоречил ст. 213² УК, поэтому он не мог применяться к случаям угона воздушного судна. В остальном данный Закон мог применяться на территории РФ.

В соответствии с ч. 3 Закона СССР от 23 октября 1990 г. ответственность наступала за угон или захват железнодорожного подвижного состава, воздушного, морского или речного судна, а равно захват вокзала, аэродрома, порта или иного транспортного предприятия, учреждения, организации, грузов без цели их хищения. Квалифицированными видами этого преступления были совершение названных действий по предварительному сговору группой лиц, с применением насилия или угроз его применения, либо повлекшие аварию транспортного средства или иные тяжкие последствия. Особо квалифицированными видами являлись наступление в результате соответствующих действий гибели одного или более лиц или причинение тяжких телесных повреждений. Однако на практике данный Закон не применялся.

Последним из преступлений, посягающих на общую безопасность, получившим законодательное закрепление, был состав организации незаконных вооруженных формирований. Норма об этом преступлении (ст. 77²) была введена **Федеральным законом Российской Федерации от 28 апреля 1995 г.** Согласно данной статье «Организация вооруженных объединений, отрядов, дружин и других вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а равно участие в таких формированиях наказывались лишением свободы на срок до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. Умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они сопряжены с массовым насилием над людьми или причинением иных тяжких последствий, наказывались лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицированный вид – умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они повлекли гибель людей, наказывались лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Согласно примечанию к ст. 77²

лицо, добровольно вышедшее из незаконного вооруженного формирования и сдавшее оружие органам власти, освобождается от уголовной ответственности. В этом случае оно подлежало ответственности лишь за деяния, содержащие состав иного преступления.

§ 2. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности

Преступления против общественной безопасности – это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, причиняющие существенный вред или создающие реальную угрозу причинения вреда безопасным условиям жизни общества.

Как и более ранние кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. сохранил в Особенной части главу 24, предусматривающую статьи о преступлениях, которые посягают на общественную безопасность (ст. 205–227 УК). Однако, в отличие от ранее действовавших кодексов, видовой объект главы 24 определяется уже только как общественная безопасность. К тому же система соответствующих норм подверглась достаточно существенным изменениям, поскольку современный период характеризуется качественно иным состоянием общества, диктующим новые подходы к обеспечению безопасности его интересов.

В общей массе регистрируемых преступлений преступления против общественной безопасности составляют незначительную долю. Так, если общее количество зарегистрированных в России в 2006 г. преступлений составило 3 855 373, то преступлений против общественной безопасности было зарегистрировано: террористических актов (ст. 205 УК) – 112, захвата заложников (ст. 206 УК) – 22, бандитизма (ст. 209 УК) – 432, незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его составных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК) – 23 253, хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК) – 2204, хулиганства (ст. 213 УК) – 28 645²⁵.

Вместе с тем, несмотря на незначительный процент в общей массе регистрируемых преступлений, общественная опасность преступных посягательств на общественную безопасность чрезвычайно высока. Высокая степень социальной опасности этой группы деяний обуславливается не только количественной характеристикой, но и внутренними характеристиками свойствами самих преступлений против общественной безопасности (особенностями объекта и деяния, разнообразным характером последствий). Преступления против общественной безопасности разрушают общественно полезные социальные связи, которые складываются между различными субъектами в процессе их деятельности. Они объективно вредны для неопределенно широкого круга общественных отношений (неприкосновенности личности, сохранности имущества, нормальной деятельности государственных и общественных институтов, экологической безопасности и т. д.), а их последствия достаточно тяжелы для общества.

Повышенная общественная опасность рассматриваемой группы преступлений отражается и в факте признания ряда из них *преступлениями международного характера*. Преступность как социальное явление имеет межнациональный характер и в равной степени причиняет ущерб различным государствам и обществам независимо от их социально-политического устройства. Борьба с национальной преступностью в настоящее время существенно осложняется ростом таких преступлений, которые представляют опасность не только для отдельных государств, но и для всего человечества и требуют совместных усилий и повседневного сотрудничества государств. Сотрудничество различных государств в совместной борьбе с преступлениями, которые затрагивают общие интересы, выражается в различных формах, в том числе в форме разработки и принятия многосторонних догово-

²⁵ См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1996.

ров, международных соглашений (конвенций). Ратификация соответствующих конвенций налагает определенные обязательства на государства – участников соответствующих соглашений. Естественно, что в орбиту совместных интересов попадают, прежде всего, наиболее опасные преступления. Данные преступления затрагивают различные интересы и подразделяются на две большие группы: международные преступления и преступления международного характера (так называемые «международные уголовные преступления»). Ответственность за первую группу деяний (агрессия, нарушение законов и обычаев войны, геноцид, апартеид и т. д.) для физических лиц наступает при условии, что их деяния связаны с преступной деятельностью государств. Преступления международного характера (терроризм, захват заложников, угон воздушного судна, пиратство и др.) не имеют непосредственной связи с преступной деятельностью конкретных государств, но они, наряду с причинением ущерба национальным интересам, посягают и на различные аспекты мирного сосуществования и сотрудничества государств. Ответственность за эти преступления наступает либо по специальным уставам (Нюрнбергский и Токийский процессы), либо по национальным уголовным законам.

Анализируемая группа преступлений посягает на общественную безопасность. Как *видовой объект* уголовно-правовой охраны безопасные условия жизни общества (общественная безопасность) включают в себя совокупность общественных отношений по обеспечению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности государственных и общественных институтов.

По особенностям *объективной стороны* рассматриваемые преступления могут совершаться как путем *действий* (большинство преступлений), так и путем *бездействия*. Путем бездействия могут совершаться преступления, для которых характерно нарушение каких-либо правил: правил безопасности на объектах атомной энергетики, правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и т. д. (ст. 216–219, 225). Только путем бездействия совершается небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224).

По моменту окончания преступления (способу законодательного описания) выделяются составы *усеченные*:

– организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), пиратство, вымогательство общепасных предметов (ст. 208–210, 227, 221 и 226); *формальные* – террористический акт в форме совершения взрыва, пожара и т. п. действий, захват заложника, заведомо ложное сообщение о терроризме, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовые беспорядки и другие (ст. 206, 207, 211, 212, 220–223, 226) и *материальные* – террористический акт в форме создания угрозы совершения взрыва, поджога и т. п. действий, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения, небрежное хранение огнестрельного оружия и другие составы (ст. 205, 215–219, 224, 225).

По характеру *субъективной стороны* преступления против общественной безопасности характеризуются в основном умышленной формой вины, исключением являются лишь деяния, связанные с нарушением правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ст. 215–219), а также небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224).

По особенностям *субъекта* преступления против общественной безопасности можно разделить на две группы:

а) преступления, которые могут совершаться только специальным субъектом, – нарушение правил пожарной безопасности, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения и пиратство (ст. 215¹, 219, 225 и 227). Кроме того, бандитизм и организация преступного сообщества (преступной организации) могут совершаться с использованием лицом своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 и ст. 210);

б) преступления, которые могут совершаться любыми лицами (все иные преступления против общественной безопасности).

Если говорить о возрастном критерии субъекта, то по достижении 14-летнего возраста ответственность наступает за террористический акт, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 205, 206, 207 и 226). За совершение иных преступлений против общественной безопасности ответственность наступает по достижении 16-летнего возраста.

В зависимости от характера и степени общественной опасности преступления против общественной безопасности подразделяются на:

– преступления небольшой тяжести – призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212), прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215¹), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ч. 1 ст. 217), незаконное обращение с радиоактивными материалами (ч. 1 ст. 220), нарушение правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ч. 1 ст. 215, ст. 216 и 219, ст. 218), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 225);

– преступления средней тяжести – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205¹), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208), квалифицированные виды нарушения правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ч. 2 ст. 215, ст. 216 и 219), приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215²), приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов (ст. 215³), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ч. 1 ст. 221), незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение, или изготовление оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконное изготовление оружия, а также ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ч. 1 ст. 222 и 223, ст. 225);

– тяжкие преступления – террористический акт (ч. 1 ст. 205), содействие террористической деятельности (ст. 205¹), захват заложника (ч. 1 ст. 206), организация незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208), участие в преступном сообществе (преступной организации) (ч. 2 ст. 210), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 1 ст. 211), массовые беспорядки (ч. 1 и 2 ст. 212), квалифицированные и особо квалифицированные виды хищения или вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ, незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконного изготовления оружия (ч. 2 и 3 ст. 221–223),

простое и квалифицированное хищение или вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 2 и 3 ст. 226), пиратство (ч. 1 ст. 227);

– особо тяжкие преступления – квалифицированный и особо квалифицированный виды террористического акта, захвата заложника (ч. 2 и 3 ст. 205 и 206), бандитизм (ст. 209), организация преступного сообщества (преступной организации) (ч. 1 и 3 ст. 210), квалифицированный и особо квалифицированные виды угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 2 и 3 ст. 211), особо квалифицированный и суперквалифицированный виды хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 3 и 4 ст. 226), квалифицированный и особо квалифицированные виды пиратства (ч. 2 и 3 ст. 227).

Следует отметить, что законодатель выделяет такие квалифицирующие признаки преступлений против общественной безопасности, которые значительно повышают общественную опасность этих преступлений и нередко переводят их в разряд более тяжелой категории. Например, простые составы незаконного оборота оружия, его основных частей, боевых припасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 222 и 223) относятся к преступлениям средней тяжести, а такого же рода действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 222 и 223), являются уже тяжкими преступлениями; состав простого террористического акта или захвата заложника является тяжким преступлением, а те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору, придают этим преступлениям уже статус особо тяжких преступлений.

Анализ *системы преступлений*, предусмотренной главой 24 УК, позволяет выделить в зависимости от непосредственного объекта посягательства следующие группы деяний: а) преступления против общей безопасности (ст. 205–212, 227 УК), б) преступления против общественного порядка (ст. 213, 214 УК), в) преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности (ст. 215–219 УК), г) преступления, связанные с нарушением установленных правил обращения с общепасными предметами (ст. 220–226 УК).

Вместе с тем полагаем необходимым отметить следующие обстоятельства:

1. Традиционно хулиганство (ст. 213) и вандализм (ст. 214) относились к преступлениям против общественного порядка, и родовым объектом этих преступлений признавался общественный порядок. УК 1996 г., несмотря на указание в наименовании раздела на «общественный порядок», в отличие от предыдущих кодексов не выделяет в качестве самостоятельного такой видовой объект, как общественный порядок. Следовательно, не может быть определен и круг деяний, посягающих на общественный порядок. Диспозиция ст. 213 в результате принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. была существенно изменена. Акцентация законодателя на способе совершения хулиганства – с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (общепасный способ), – позволяет сделать вывод о том, что это деяние в большей степени посягает на общественную безопасность, нежели на общественный порядок.

2. Несмотря на то, что норма о пиратстве расположена в самом конце главы 24 УК, данное деяние, тем не менее, по своим объективным и субъективным признакам гораздо ближе к таким преступлениям, как бандитизм, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, захват заложника. Поэтому мы включаем это преступление в систему преступлений против общей безопасности.

3. Законодательное место нормы об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем в главе о преступлениях против общественной безопасности недостаточно обосновано. Сущность данного преступления выражается, прежде всего, в том, что оно сопряжено с нарушением закрепленного Конституцией Российской Федерации баланса компетенций и возможностей между различными ветвями (прежде всего, законодательной и исполнительной) и уровнями (федеральным, субъектов федерации и местного

самоуправления) власти, а также государственного устройства. Совершение данного преступления влечет за собой нарушение стабильности и равновесия между различными государственными органами, создает угрозу неконституционного, насильственного разрешения проблем государственного строительства и власти. Поэтому мы считаем, что организация незаконного вооруженного формирования либо участие в нем относится к категории преступлений против государства и, соответственно, норма об этом преступлении должна располагаться в главе 29 раздела X «Преступления против государственной власти». В этой же главе должно быть место и другой норме УК – ст. 212, которая предусматривает ответственность за массовые беспорядки. По нашему мнению, массовые беспорядки причиняют вред не столько отношениям общественной безопасности, сколько отношениям, регулирующим взаимоотношения граждан и социальных институтов общества с властью, т. е. основам конституционного строя и безопасности государства, а поэтому место этой нормы должно быть в разделе X УК «Преступления против государственной власти». Справедливо отмечая основную сущностную характеристику этого преступления, А. Н. Трайнин в 1927 г. писал: «Само событие массового беспорядка являет собой коллективное сопротивление власти»²⁶.

²⁶ См.: Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 347–349.

§ 3. Преступления против общей безопасности

Преступления против общей безопасности (иногда их называют преступлениями против общественной безопасности в узком смысле слова) являются наиболее тяжкими из всех видов преступлений против общественной безопасности. *Общая безопасность* как объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества. Отношения общей безопасности являются фундаментом, на котором базируется безопасность общества в целом. Общие правила безопасности устанавливаются в целях предупреждения физического, материального, организационного или иного вреда для широкого круга социальных благ от действий субъектов, которые сопряжены с несоблюдением общепринятых правил поведения человека в обществе в наиболее опасных и насильственных формах. Соблюдение этих правил не требует специальных познаний, они не относятся к какой-либо специальной (локальной или профессиональной) сфере деятельности и адресованы всем гражданам.

Преступления, нарушающие общие правила безопасности, затрагивают глубинные интересы общества в сфере обеспечения его безопасности и нормальных условий существования, сопряжены с причинением тяжкого вреда широкому кругу юридических и физических лиц. Поэтому такие преступления, как террористический акт, захват заложника, бандитизм и др., прежде всего, и определяют «лицо» преступлений против общественной безопасности и придают им те специфические черты, о которых шла речь ранее при общей характеристике преступлений против общественной безопасности. Характерные признаки этой группы преступлений заключаются в том, что указанные деяния являются умышленными, все они связаны с применением насилия или угрозой его применения и сопряжены с нарушением только положений уголовно-правовых норм. Именно поэтому законодатель описывает эти деяния как преступления с усеченными или формальными составами, перенося тем самым момент окончания преступления на более раннюю стадию развития преступной деятельности. К тому же следует отметить, что нормы о 5 преступлениях (террористическом акте, содействии террористической деятельности, захвате заложника, угоне воздушного судна и пиратстве) восприняты нашим законодательством из международного уголовного права, что свидетельствует об оценке этих преступлений международным сообществом как наиболее опасных.

А. Террористический акт (ст. 205 УК)

Данное деяние относится к числу наиболее опасных преступлений международного характера, получивших в последние годы значительную распространенность в мире²⁷. Из всех преступлений против общественной безопасности оно является наиболее тяжким. Несмотря на небольшое количество террористических актов (в 2006 г. в России было зарегистрировано 112 случаев) акты терроризма, как правило, сопровождаются значительным числом человеческих жертв, огромным материальным ущербом и социально-психологической дезорганизацией общества. Социально-деструктивная функция терроризма выражается во внедрении в жизнедеятельность общества насильственных методов разрешения социальных конфликтов, в порождении социально-психологической атмосферы страха

²⁷ Трайнина А. Н. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и социалистического порядка. М., 1927. С. 110.

и беспокойства²⁸. В условиях доступа человечества к оружию массового поражения (ядерному, химическому, биологическому, лазерному и т. д.), обладающему огромной разрушительной силой, общественная опасность терроризма неизмеримо возрастает.

Мотивационное разнообразие конфликтных ситуаций социальной жизни (политические, религиозные, националистические, общеуголовные и т. д.) порождают и различные формы проявления терроризма. Однако с точки зрения уголовно-правовой характеристики терроризм в силу формализованности права и необходимости установления достаточных оснований для привлечения к уголовной ответственности должен иметь определенный характер и четкие границы. Как известно, в уголовном праве таким основанием является совокупность признаков состава преступления, которая однозначно и недвусмысленно должна характеризовать конкретное общественно опасное явление жизни как преступление. Однако юридическому оформлению понятия терроризма в современных условиях препятствуют как минимум два существенных обстоятельства: во-первых, крайняя политизированность оценок терроризма и, во-вторых, стремление придать такому определению всеобъемлющий характер. Оба эти обстоятельства отчетливо прослеживаются, начиная с резолюции IV Конференции по унификации уголовного законодательства (Париж, 1931 г.)²⁹.

Среди специалистов существуют различные подходы к уголовно-правовому определению понятия терроризма. Одни авторы считают, что, возможно, плодотворнее не искать универсальное определение терроризма, а ограничиться некоторыми его признаками. По мнению других, в УК России дается очень широкое понятие терроризма, и поэтому следует ограничиться теми случаями, когда в основе соответствующих насильственных действий лежит стремление изменить существующий правопорядок. Следовательно, терроризм следует рассматривать как планомерное применение насильственных методов численно небольшими группировками для воздействия на неприкосновенность национальных и интернациональных институтов, прежде всего правительств, иногда со специальной целью вызвать репрессии со стороны государства или принудить к иному реагирующему на действие террористов поведению³⁰.

Мы считаем, что с точки зрения регламентации в уголовном законе любой терроризм носит уголовно-правовой характер. Вместе с тем нужно учитывать, что при криминализации того или иного общественно опасного деяния законодатель исходит из необходимости обеспечения защиты не абстрактных интересов, а охраны от преступных посягательств конкретно определенной группы общественных отношений. Признаки конкретного преступления формулируются в нормах УК РФ, прежде всего, с учетом характера и круга охраняемых отношений. Поэтому в зависимости от конкретных особенностей деяния (его направленности, способа совершения, характера возможного вреда и т. д.) объективно неизбежны различия в законодательном наборе признаков тех или иных, даже однородных, преступлений. Так, например, в УК РФ можно выделить три группы преступлений, объективные или субъективные признаки которых в достаточно высокой степени выражают элементы терроризма:

- а) преступления, предусмотренные ст. 205 и 207;
- б) преступления, предусмотренные ст. 277 и 281;
- в) преступления, предусмотренные п. «б» и «е» ч. 2 ст. 105, ст. 295 и ст. 317.

Функциональное назначение криминализации третьей группы преступлений связано с охраной жизни либо конкретных лиц (ст. 295 и 317), либо безымянной, но индивидуально определенной личности (п. «б» ч. 2 ст. 105). Вторая группа преступлений направлена

²⁸ См.: Долгова А. И. Системные аспекты терроризма и борьбы с ним // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. М., 2004. С. 6.

²⁹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

³⁰ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 24, 33, 23, 40.

на подрыв конституционного строя и безопасности государства как важнейших, основополагающих элементов организации общества. Причинение конкретного вреда потерпевшим при таком виде террористического акта является не самоцелью, а способом подрыва конституционного строя и безопасности государства. Следовательно, обеспечивая охрану конституционного строя, законодатель одновременно обеспечивает и охрану жизни лиц, которые могут быть потерпевшими от такого рода преступлений. К тому же в диверсии при описании законодателем способа преступления акцент сделан не столько на причинение вреда людям, сколько на уничтожение и повреждение имущественных объектов.

Наконец, первая группа преступлений характеризуется направленностью на причинение физического вреда неопределенно широкому кругу лиц и общеопасный способ связан, прежде всего, с причинением вреда личности, а уже во вторую очередь – с уничтожением или повреждением материальных объектов. К тому же причинение вреда материальным объектам по своей сути является не чем иным, как формой психологического давления на людей, способом их устрашения. Адресуется это давление не отдельной, конкретной личности, а обществу в целом. Таким образом, именно данная группа преступлений представляет угрозу для безопасности общества: приводит к многочисленным человеческим жертвам, крупному материальному ущербу, дестабилизирует обстановку в государстве, формирует негативную морально-психологическую атмосферу, порождает панические настроения, чувство страха граждан за свою жизнь. Поэтому, согласно Декларации ООН от 9 декабря 1994 г. «О мерах по ликвидации международного терроризма», «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание».

Правовую и организационную основу борьбы с терроризмом в России составляют ратифицированные международные документы и законы о борьбе с терроризмом³¹.

В ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» как социальное явление терроризм определяется в виде идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Основной характеристикой терроризма является *устрашение* террором, насилием, запугивание чем-нибудь, поддержание состояния постоянного страха³². Заслуживает внимания высказанная в литературе точка зрения, согласно которой к признакам терроризма относятся также *порождение общей опасности*, возникающей в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми, *публичный характер* исполнения и *цель* – прямое или косвенное воздействие на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов³³. Таким образом, под *терроризмом в широком смысле слова как социальном явлении следует понимать применение насилия со стороны отдельных лиц или групп людей по устрашению населения либо отдельных специальных лиц, созданию социально-психологической атмосферы страха в целях оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов.*

³¹ Подробнее об этом см.: Овчинникова В. Г. Терроризм. СПб., 1998. С. 7–8; Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. М., 2000. С. 12–23.

³² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 691.

³³ См.: Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 35–36.

В этом же Законе дается и понятие наиболее распространенной формы терроризма – террористического акта, под которым понимаются совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Новая редакция ст. 205 УК РФ обусловлена ратификацией Россией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма³⁴.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

С объективной стороны терроризм, предусмотренный ст. 205 УК, совершается только в виде действий³⁵, выраженных в двух альтернативных формах: а) совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, и б) угрозе совершения указанных действий.

Способы совершения данного преступления в законе исчерпывающим образом не определяются. Законодатель указывает на такие наиболее типичные способы, как взрыв и поджог, и далее на обобщенную характеристику – совершение иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Таким образом, законодатель, с одной стороны, подчеркивает основное характерное свойство этих действий – их общеопасный характер (устрашающих население), а с другой – указывает на обязательное свойство взрыва, поджога и иных подобных действий – их реальную способность повлечь указанные в законе последствия.

Взрыв – это сопровождающееся сильным звуком воспламенение чего-нибудь вследствие мгновенного химического разложения вещества и образования сильно нагретых газов. *Поджог* – намеренное с преступным умыслом вызывание пожара где-нибудь³⁶. Поджог имеет в своей первооснове *пожар*, т. е. неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. *Иные действия* – это различные по характеру действия, способные повлечь за собой такие же последствия, как и при взрыве или поджоге: использование радиоактивных, ядовитых и сильнодействующих веществ, производство массовых отравлений, распространение эпидемий и эпизоотий, устройство аварий и катастроф, вывод из строя жизнеобеспечивающих объектов, нарушение технологических либо производственных процессов, блокирование транспортных коммуникаций и т. п.

Так, например, некто М. и Н. обратились в администрацию одного из субъектов Федерации с требованием предоставить им в условленное время 1 млн американских долларов.

³⁴ Международным сообществом подписано значительное количество таких документов, начиная с Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. и заканчивая Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Следует также иметь в виду Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (см.: Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. Сборник нормативных актов и официальных документов. М., 2003).

³⁵ В. В. Мальцев допускает возможность в некоторых случаях совершения террористической акции и путем бездействия, например, посредством невыполнения обязанностей, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте либо в добывающей промышленности (см.: Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового регулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 104). Действительно, чисто теоретически такой вариант возможен, однако на практике он не встречается.

³⁶ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I).

В противном случае они угрожали отравить ртутью водозаборные сооружения, откуда город снабжался водой. При задержании у них была обнаружена трехлитровая банка с ртутью. Анализ судебной практики показывает, что подавляющее большинство актов терроризма совершается путем взрывов.

Угроза совершения указанных действий по сравнению с УК 1960 г. является новой формой терроризма. Необходимость включения этой формы деяния обусловлена, во-первых, целесообразностью криминализации случаев совершения «предупреждающих» взрывов, поджогов и иных подобных действий, в результате которых не создается опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, но которые по мысли виновных лиц предназначены продемонстрировать реальность их намерений, и, во-вторых, необходимостью усиления ответственности за столь опасное преступление, как терроризм, путем переноса момента окончания преступления с фактически совершенных действий на более раннюю стадию – высказывание соответствующей угрозы.

Под *угрозой* совершения указанных в ч. 1 ст. 205 УК действий следует понимать психическое воздействие на людей в форме высказывания намерения учинить взрыв, поджог или иные подобные действия, совершаемые в определенных целях. Однако угроза в соответствии с принятым в уголовном праве подходом включает в себя не просто одно только высказанное намерение учинить акт терроризма, но и совершение действий, свидетельствующих о серьезности и реальности такого намерения, например приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ или оружия, совершение «предупреждающих» взрывов и поджогов, выполнение подготовительных действий к отключению жизнеобеспечивающих объектов либо нарушению технологических процессов, блокированию транспортных коммуникаций и т. п. Именно реальность намерения, объективировавшаяся в конкретных действиях, отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер³⁷.

Как террористический акт в форме угрозы следует расценивать действия неизвестного, который в 7 часов 37 минут утра позвонил по телефону 02 и заявил, что на крыше коммерческого павильона у платформы № 1 Балтийского вокзала Санкт-Петербурга заложена бомба. Специалисты действительно обнаружили в указанном месте банку с 400 г тротила со вставленной в нее железной трубкой, на которую была накручена записка. В записке содержалось требование закрыть АЗС ТОО «Лилит» и предоставить в определенное место 100 тыс. долларов. В противном случае неизвестный грозился произвести ряд жестоких террористических актов на поездах типа ЭР-200.

В качестве возможных *последствий* ч. 1 ст. 205 указывает на угрозу наступления гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий³⁸. *Опасность гибели человека* должна носить реальный характер. Причиненный *имущественный ущерб* признается в качестве значительного судебными органами с учетом конкретных обстоятельств дела.

Иные тяжкие последствия – это сопоставимые, равнопорядковые со значительным имущественным ущербом и гибелью людей последствия (причинение лицу смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, серьезное нарушение деятельности предприятий и учреждений, органов власти и управления, транспорта, заражение местности, распростра-

³⁷ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 70, 462.

³⁸ Следует подчеркнуть, что в прежней редакции ст. 205 УК речь шла о любых общественно опасных последствиях. Между тем совершенно очевидно, что в силу специфики способов совершения этого преступления (взрыв, поджог и т. д.) по своему характеру последствия при этом могли быть только тяжкие. Более того, сам законодатель, указывая в диспозиции ст. 205 УК на гибель человека, причинение значительного имущественного ущерба как наиболее частые возможные последствия от террористического акта, тем самым определяет и их характер как тяжких. Таким образом, внутреннее согласование при описании возможных последствий террористического акта было устранено. Вместе с тем законодатель обоснованно оставил и оценочный признак последствий – иные тяжкие последствия.

нение эпидемий и т. д.). Реальное причинение легкого вреда здоровью, незначительного имущественного ущерба и иных подобных последствий, не охватываемых понятием «иные тяжкие последствия», следует рассматривать как элемент «создания опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий».

Согласно закону терроризм считается *оконченным* преступлением с момента совершения взрыва, поджога или иных подобных действий либо с момента создания угрозы совершения указанных действий. Фактическое причинение физического вреда, имущественного ущерба и т. д. выходит за пределы основного состава терроризма и либо образует признаки квалифицированных видов терроризма (ч. 3), либо квалифицируется по совокупности ст. 205 и соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за эти деяния (например, ст. 105)³⁹. Угроза наступления соответствующих последствий уже есть определенные объективные изменения в окружающем мире, и поэтому они представляют собой не что иное, как последствия совершенных действий. В связи с этим можно сказать, что по законодательной конструкции терроризм относится к числу *формально-материальных* составов преступлений.

Субъективная сторона террористического акта характеризуется только прямым умыслом. Виновный сознает, что, совершая указанные в законе действия, он создает опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий и желает действовать именно таким образом. О целенаправленном характере совершаемых действий свидетельствует и указание в законе на *специальную цель*: оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Примечательно, что в ранее действовавшей редакции законодатель указывал на три цели: нарушение общественной безопасности, устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений органами власти. Такое решение в специальной литературе неоднократно подвергалось критике, ибо нарушение общественной безопасности и устрашение населения могли выступать лишь *промежуточными* целями, больше характеризующими суть терроризма, нежели его конечный результат. Нарушение общественной безопасности и устрашение населения не являются тем конечным результатом, к которому стремятся террористы. Но, создавая соответствующую социально-психологическую атмосферу, террористы используют данное состояние как фактор давления на органы власти, принуждая их к нужному поведению или принятию нужных решений. Поэтому реализация целей нарушения общественной безопасности и устрашения населения по своей сути могла быть не самостоятельным элементом, а способом достижения генеральной цели действий террористов – оказание воздействия на принятие решений органами власти. Однако совершенно очевидно, что устрашение населения не может быть целью террористического акта, а является имманентно присущим ему внутренним свойством, отражающим его сущность. Неудачным было и указание на цель нарушения общественной безопасности, поскольку общественная безопасность является объектом этого преступления, а одно и то же явление не может выступать одновременно в качестве характеристики и объективных и субъективных элементов преступления. Таким образом, совершенно обоснованно в законодательном определении террористического акта была оставлена одна цель – оказание воздействия на принятие решений органами власти. Процессуальные сложности установления и дока-

³⁹ Полагаем, что объединение этой формы с реальным совершением взрыва, поджога и т. д. в одной части статьи не совсем удачно, поскольку они различаются не только по характеру, но и по уровню общественной опасности, а в угрозе есть особенность, которая далеко не всегда проявляется, когда мы говорим о форме совершения взрыва и т. д.

звания цели оказания воздействия на принятие решений органами власти не должны препятствовать точности формулирования признаков состава терроризма.

Оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями выражается в побуждении, подталкивании соответствующих субъектов к совершению действий, нужных и выгодных для террористов, ради которых они применяют столь изощренные способы, в создании такой ситуации, когда органы власти вынуждены принимать незаконные решения ради обеспечения безопасности граждан и общества. Именно поэтому акты терроризма совершаются в таких местах, где возможны массовые скопления людей, нахождение значимого имущества (на транспорте, в служебных помещениях, зданиях, где проводятся публичные мероприятия, при проведении массовых сборов людей и т. п.). Конкретное содержание нужных решений органов власти может в зависимости от обстоятельств быть различным: предоставление независимости или автономии определенной территории, освобождение заключенных, выполнение иных политических или религиозных требований, имущественное обогащение и т. п.

Отсутствие специальной цели в содеянном исключает квалификацию по ст. 205 УК. Примером тому может служить известное дело С. Он был осужден 20 января 1999 г. Мосгорсудом по ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ за совершение взрыва мемориальной памятной плиты императорской семьи на Ваганьковском кладбище Москвы. Судебная коллегия Верховного Суда РФ своим определением от 24 марта 1999 г. переквалифицировала действия С. со ст. 205 на ст. 214 и 167 УК РФ на том основании, что он действовал с целью осквернения мемориальной плиты.

Диспозиция ст. 205 УК в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. привела понятие террористического акта в соответствие с содержанием ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» и правил законодательной техники построения УК.

Во-первых, в новой редакции диспозиции ст. 205 УК более точно сформулирована существенная характеристика террористического акта (терроризма) – устрашение населения⁴⁰. Это основное свойство всего деяния в целом, в то время как в старой редакции ст. 205 УК данный признак относился к характеристике только субъективной стороны преступления.

Во-вторых, законодатель, помимо указания на воздействие на принятие решения органами власти, продвинулся в этом направлении дальше, назвав еще одного адресата воздействия – международные организации. Таким образом, законодатель видоизменил статус террористического акта и придал ему характер не только внутреннего, но и международного преступления. В международном законодательном опыте государства по-разному решают эту проблему. Одни страны ограничиваются формулировкой одной статьи, которая подразумевает акты как внутреннего, так и международного терроризма. Другие государства (например, США, Республика Беларусь) предусматривают в своем уголовном законодательстве самостоятельные статьи, по которым наступает ответственность за акты международного терроризма. Так, в УК Республики Беларусь помимо ст. 289 (Терроризм), которая располагается в главе 27 «Преступления против общественной безопасности», предусмотрена и ст. 126 (Международный терроризм), находящаяся в главе 17 «Преступления против мира и безопасности человечества». Российский законодатель, как видно, пошел по другому пути и не стал выделять самостоятельную статью о международном терроризме, а прямо обозна-

⁴⁰ По мнению А. А. Курбанмагомедова, умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, так же как и умышленное уничтожение или повреждение имущества, полностью охватываются ст. 205 УК и дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья и собственности, не требуют (см.: Курбанмагомедов А. А. Терроризм на Северном Кавказе: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Махачкала, 2006. С. 50).

чил в качестве адресата воздействия международные организации. Обоснованность такого решения покажет судебная практика.

В отличие от цели *мотивы*, которыми должны руководствоваться виновные лица, не являются конститутивными признаками терроризма и поэтому на квалификацию содеянного не влияют. Однако установление мотивов имеет важное значение, поскольку, во-первых, их уголовно-правовое значение связано с влиянием на назначение наказания. В соответствии со ст. 61 и 63 УК они могут быть признаны либо смягчающими, либо отягчающими обстоятельствами и поэтому при наличии условий, указанных в ст. 62, могут существенно повлиять на срок или размер наказания. Во-вторых, установление истинных мотивов позволяет определить психологические корни терроризма, что очень важно как для понимания сущности преступления, так и для выработки мер превентивного характера. По своей мотивационной характеристике терроризм может подразделяться на политический, националистический, религиозный, корыстный и т. п.

Субъект анализируемого преступления – вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Однако в современной практике террорист-одиночка встречается чрезвычайно редко. Как правило, такие акции под силу лишь объединенным усилиям группы лиц. В ч. 2 ст. 205 УК в качестве квалифицированного вида терроризма предусмотрено его совершение группой лиц по предварительному сговору. Следовательно, субъектный состав ч. 1 ограничен и может выражаться либо в индивидуально действующем лице, либо в группе лиц без предварительного сговора, когда все участники выступают в качестве исполнителей (ч. 1 ст. 35 УК).

Квалифицированными видами террористического акта, предусмотренными ч. 2 ст. 205 УК, являются совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или с применением огнестрельного оружия.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «а») является более опасным видом преступления, поскольку оно выполняется в соучастии. В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Соглашение между соучастниками на совершение террористического акта должно состояться до начала совершения взрыва, поджога и иных действий. При этом совершение преступления по предварительному сговору группой лиц может рассматриваться как квалифицированный вид только в тех случаях, когда соучастники действуют как соисполнители. Если же в группе выделяются организаторы, пособники и подстрекатели, которые не принимают непосредственного участия в совершении террористического акта, то содеянное требует дополнительной ссылки на ст. 33 УК.

Под *применением огнестрельного оружия* (п. «в») следует понимать использование в процессе террористического акта специальных предметов, предназначенных для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда (винтовки, карабины, пистолеты, автоматы, охотничьи ружья и т. д.), для причинения физического вреда потерпевшим, разрушения различных объектов либо в качестве средства психологического давления, устрашения потерпевших, когда создается реальная возможность наступления таких последствий. Не являются огнестрельным оружием газовые, сигнальные, стартовые, строительномонтажные пистолеты и револьверы. Однако если они приспособляются для поражения живой цели, то приобретают статус оружия. Следует отметить, что в доктрине уголовного права выделение этого квалифицирующего признака оценивается критически⁴¹. На самом

⁴¹ По С. И. Ожегову, терроризм – это устрашение террором, насилием, запугивание чем-нибудь, поддержание состояния постоянного страха (см.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 691).

деле, получается некая алогичность: применение огнестрельного оружия и, например, поджога, по мысли законодателя, оказываются более опасными, нежели применение взрывчатых веществ и взрывных устройств, способных повлечь массовые по своему характеру последствия, хотя общеизвестно, что поражающие свойства последних практически всегда намного превосходят поражающие свойства огнестрельного оружия.

Особо квалифицированными видами террористического акта, предусмотренными ч. 3 ст. 205 УК, признаются совершение преступления организованной группой, причинение в результате террористического акта по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий или сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Совершение террористического акта организованной группой является особо опасным видом рассматриваемого преступления в силу того факта, что оно совершается устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для террористического акта. При этом вне зависимости от того, какую роль выполняло входящее в такую группу лицо, действия всех участников организованной группы квалифицируются только по ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Причинение по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий. Особенностью нового УК является то обстоятельство, что причинение при террористическом акте такого тяжкого последствия, как смерть человека, может совершаться лишь по неосторожности. Это вытекает из требований ч. 2 ст. 24 УК, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. Вместе с тем это не означает, что при террористическом акте невозможно умышленное причинение смерти, но в таких случаях содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 105 УК. Необходимость такой квалификации вытекает из законодательного установления равноценности личности и общества как объектов уголовно-правовой охраны и, следовательно, их самостоятельного характера.

Понятие «иные тяжкие последствия» как особо квалифицированный вид преступлений против общей безопасности в действующем законодательстве не раскрывается и поэтому должно толковаться правоприменителем в каждом конкретном случае индивидуально с учетом всех обстоятельств дела. К тяжким последствиям следует относить причинение двум или более лицам средней тяжести вреда здоровью или тяжкого вреда здоровью одному лицу, причинение крупного материального ущерба, длительные остановки работы транспорта, серьезное нарушение деятельности предприятий и организаций, химическое или радиоактивное заражение окружающей среды, распространение эпидемий, обострение межнациональных отношений и т. п.

Федеральным законом от 9 февраля 1999 г. особо квалифицированный вид террористического акта был дополнен таким признаком, как его *сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения*. Особая общественная опасность данного вида террористического акта обусловлена особыми свойствами предмета посягательства либо используемых средств совершения преступления. В обоих случаях речь идет о разрушительных свойствах физических источников, способных мгновенно причинить тяжкий вред на значительной территории и большому числу людей. Как следует из Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии», к числу *объектов атомной энергии* относятся: сооружения и комплексы с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортабельные средства; сооружения и комплексы

с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными стендами; сооружения, комплексы, полигоны, установки и устройства с ядерными зарядами для использования в мирных целях; другие содержащие ядерные материалы сооружения, комплексы, установки для производства, использования, переработки, транспортирования ядерного топлива и ядерных материалов; места нахождения комплексов, установок, аппаратов, оборудования и изделий, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение; стационарные объекты и сооружения, предназначенные для хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранения или захоронения радиоактивных отходов.

Ядерные материалы представляют собой материалы, содержащие или способные воспроизвести делящиеся (расщепляющиеся) ядерные вещества. *Радиоактивные вещества* – это вещества, испускающие ионизирующее излучение. К *источникам радиоактивного излучения* относятся комплексы, установки, аппараты, оборудование и изделия, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение⁴².

В новой редакции ст. 205 УК в качестве предметов, использование которых при совершении актов терроризма резко повышает общественную опасность содеянного, предусмотрены также ядовитые, отравляющие, токсичные, опасные химические или биологические вещества (см. комментарий к ст. 234, 355, 356 УК). Такое законодательное решение представляется вполне обоснованным, поскольку последствия от использования этих веществ могут быть ничуть не меньше, чем от предусмотренных ранее ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения.

Одновременно следует отметить спорность позиции законодателя, определившего в одной части статьи такие разные по уровню общественной опасности признаки, как совершение деяний организованной группой, повлекших по неосторожности тяжкие последствия, либо сопряженных с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Несомненно, последний квалифицирующий признак обладает гораздо большим уровнем общественной опасности по сравнению с двумя предыдущими, и более логичнее было бы выделение его в отдельную часть статьи.

В формировании системы противодействия терроризму важно использовать все возможные средства правового воздействия, отражающие позитивный потенциал действующего права. В связи с этим важное предупредительное значение имеет *примечание* к ст. 205 УК, которое содержит *поощрительную норму*. Данная норма дает возможность лицу добровольно отказаться от совершения террористического акта без боязни быть привлеченным к уголовной ответственности, а соответствующим правоохранительным органам реализовывать данное право в рамках уголовного закона. Примечание к ст. 205 УК распространяется как на индивидуально участвующее лицо, так и на лицо, действующее в составе группы⁴³.

Мы полагаем необоснованным высказываемое в литературе мнение об ограничении применения данного примечания в отношении единоличной подготовки к акту терроризма (В. И. Радченко). Добровольный отказ от совершения преступления, предусмотренный ст. 31 УК РФ, как институт Общей части носит универсальный характер, т. е. распространяется на все случаи совершения преступления, кроме тех, которые специально оговорены в Особой части. Примечание к ст. 205 УК РФ обладает статусом специального вида осво-

⁴² См., напр.: Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 245; Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006. С. 366–368.

⁴³ См.: Российская газета. 1995. 28 нояб.

бождения от уголовной ответственности, предусмотренного Особенной частью УК. В случаях соблюдения соответствующих условий оно распространяется на всех лиц, причастных к совершению именно этого преступления. В данном случае мы имеем дело с конкуренцией общей (ст. 31 УК) и специальной (примечание к ст. 205 УК) нормы, которая разрешается по правилам квалификации в пользу специальной нормы. При индивидуально действующем лице освобождение от ответственности наступает при совершении преступления как в случаях пассивной (непродолжение подготовки акта), так и при активной форме отказа (устранение последствий своих действий по подготовке, сообщение о намечающемся акте соответствующим органам и т. д.). При групповой подготовке террористического акта отказ одного из соучастников (кроме исполнителя) возможен только в активной форме.

Согласно закону освобождение лица от уголовной ответственности возможно при наличии двух обязательных условий: а) своевременного предупреждения органов власти или иного способствования предотвращению осуществления акта терроризма и б) отсутствия в действиях лица иного состава преступления. *Своевременным* предупреждением следует считать такое предупреждение органов власти, которое предоставляет им реальную возможность предотвратить грозящий террористический акт. *Органы власти* – это любые государственные и общественные органы, имеющие отношение к борьбе с преступностью, обеспечению общественной безопасности и предотвращению чрезвычайных происшествий. *Иное способствование* может выражаться в выполнении виновным любых действий, имеющих целью недопущение террористического акта (изъятие или разрядка взрывного устройства, увод людей с места совершения преступления или предупреждение их о возможном взрыве, поджоге и т. п.). При этом предупреждение обязательно должно носить добровольный характер, т. е. происходить по инициативе самого виновного лица. Причины, в силу которых лицо принимает такое решение, юридического значения не имеют. Это могут быть и угрызения совести, и страх перед разоблачением, и влияние религиозных мотивов, и давление родственников и близких, и т. д.

Принципиальное значение имеет решение вопроса о правовых последствиях добросовестной, но неудачной попытки предотвращения террористического акта. Мы полагаем, что, если лицо совершило все необходимые в данной конкретной обстановке действия, но по причинам, от него не зависящим (недостаточная квалификация саперов или их отсутствие на момент разминирования, неблагоприятные погодные условия и т. п.), предотвратить террористический акт не удалось, на данное лицо должно распространяться действие примечания к ст. 205 УК РФ. В случаях наличия в действиях лица состава иного преступления, например хищения взрывчатых веществ, оно освобождается от ответственности по ст. 205, но подлежит наказанию по ст. 226 УК РФ.

Отсутствие в действиях лица иного состава преступления не означает отсутствия какого бы то ни было состава преступления вообще, как условия освобождения по ст. 205 УК. Понятно, что при совершении взрыва, поджога и т. д. действия лица, по общему правилу, подпадают под признаки ст. 222, 223 или 226 УК. В данном примечании мысль законодателя выражается в том, что *полное* освобождение лица от уголовной ответственности возможно только тогда, когда оно своевременно предупреждает органы власти о террористическом акте или иным образом способствует предотвращению осуществления акта терроризма и в его действиях отсутствуют признаки иного (помимо предусмотренного в ст. 205) состава преступления. Если же при наличии первого условия в действиях лица усматриваются признаки иного состава преступления (ст. 222, 223, 226, 112, 116 УК и др.), то лицо освобождается от ответственности по ст. 205 УК, но подлежит уголовной ответственности по тем статьям УК, в которых предусматриваются признаки этого иного (иных) состава преступления.

Террористический акт, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 205 УК, имеет ряд объективных и субъективных признаков, сближающих его со смежными составами преступлений (ст. 277, 281, 105, 317 УК и др.). Для посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля и диверсии характерна направленность на подрыв конституционного строя и безопасности государства, что находит свое выражение в ином, нежели при террористическом акте, характере и содержании цели. Если при террористическом акте совершение взрывов, поджогов и иных действий сопряжено с устрашением населения в широком смысле этого слова, то в государственных преступлениях, причиняя смерть или вред здоровью, виновное лицо ставит перед собой задачу иного содержания – причинить вред государству как форме организации общества. К тому же при диверсии главное не столько причинить вред физический, сколько материальный и организационный.

От посягательств на личность, собственность, порядок управления и т. п. анализируемое преступление отличается тем, что причинение вреда названным объектам является способом совершения террористического акта и рассматривается виновными как промежуточный, но необходимый этап в достижении конечной цели, которую преследует виновное лицо. Применение в этом случае общеопасного способа обусловлено не столько стремлением виновного причинить вред как можно большему кругу охраняемых интересов, сколько желанием лица добиться максимальной эффективности своего деяния. К тому же при убийстве общеопасным способом потерпевшие индивидуально определены, и виновные желают причинить смерть именно этим лицам, а при уничтожении или повреждении имущества – уничтожить или повредить именно это, а не другое имущество. При террористическом акте собственно личность потерпевшего или характер и принадлежность имущества не интересуют преступника, ему важно путем нарушения общественной безопасности, устрашения населения вынудить органы власти к совершению или, наоборот, несовершению определенного действия. Если террористические акты совершаются бандой, то содеянное подлежит дополнительной квалификации по ст. 209 УК.

Б. Содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК)

В течение 2000–2006 гг. Россия ратифицировала ряд международных конвенций о борьбе с терроризмом, в том числе Международную конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма (принятую в Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.) и Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.⁴⁴ Во исполнение международных обязательств Федеральным законом от 24 июля 2002 г. в УК РФ и была введена ст. 205¹ УК⁴⁵.

27 июля 2006 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”»⁴⁶ ст. 205¹ УК была видоизменена. Прежде всего было уточнено наименование этой статьи. Вместо ранее существовавшего названия «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» статья теперь именуется «Содействие террористической деятельности». Это уточнение было обусловлено рядом обстоятельств.

⁴⁴ См.: Комментарий к УК РФ. М., 1996. С. 355.

⁴⁵ В специальной литературе высказывается мнение о том, что наличие ст. 205¹ в УК России излишне (см.: Дикаев С. У. Указ. соч. С. 414–417).

⁴⁶ См.: Федеральный закон от 20 апреля 2006 г. «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. 1). Ст. 1785.

Во-первых, по сравнению с ранее употреблявшимся термином «вовлечение» вновь примененный термин «содействие» является более широким и включает в себя вовлечение, вербовку и другие подобные действия.

Во-вторых, Федеральным законом от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» из нормативного лексикона было исключено понятие «преступление террористического характера», а вместо этого было введено и легально истолковано понятие «террористическая деятельность». Таким образом, было необходимо привести УК РФ в соответствие с Федеральным законом от 6 марта 2006 г.

В-третьих, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. прямо предписывает государствам-участникам криминализировать вербовку лица для совершения преступлений террористической направленности. Таким образом, новое наименование ст. 205¹ УК более точно отражает содержание диспозиции этой статьи.

Объективная сторона содействия террористической деятельности выражается в совершении следующих альтернативных форм поведения:

а) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК;

б) вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ преступлений;

в) финансирование терроризма.

Согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. под *террористической деятельностью* следует понимать деятельность, включающую в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности⁴⁷.

Признаки, характеризующие объективную сторону в диспозиции ст. 205¹ УК в новой редакции, подверглись существенным изменениям. Во-первых, в соответствии с требованиями Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. в качестве уголовно наказуемой формы этого преступления появилась новая – вербовка лица для совершения описанных в статье преступлений. Данный термин является общепринятым, означает деятельность по привлечению граждан для выучки и участия в совершении указанных в статье преступлений и используется в ряде международных актов⁴⁸. Во-вторых, вместо понятия «обучение», характеризующего одну из самостоятельных форм деяния, предусматривается более широкий термин «подготовка», который включает в себя и обучение. В-третьих, законодатель расширил круг деяний: склонение, вербовка или иное вовлечение, а равно вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений

⁴⁷ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

⁴⁸ См., напр.: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I).

образуют содействие террористической деятельности. К предусмотренным ранее ст. 205, 206, 208, 211, 277 и 360 добавлены три статьи, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват или насильственное удержание власти (ст. 278) и вооруженный мятеж (ст. 278). Последнее законодательное решение несколько выпадает из логики одинакового толкования понятия террористической деятельности в УК РФ и ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». В данной статье Закона в формах проявления террористической деятельности посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват или насильственное удержание власти и вооруженный мятеж не названы, в то время как УК РФ относит эти преступления к разновидностям террористической деятельности.

В-четвертых, в новой редакции диспозиции ст. 205¹ УК исключено указание на террористическую организацию. Сделано это в целях соблюдения соответствия положений УК РФ и Федерального закона от 6 марта 2006 г., который в ст. 3 не выделяет в качестве самостоятельного понятия «террористическая организация»⁴⁹. По идеологии нового Закона организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре образуют одну из форм террористической деятельности (ст. 3 Закона). Поэтому необходимость в самостоятельном выделении этого признака отпала.

Под *склонением* к совершению перечисленных выше преступлений понимаются умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить хотя бы одно из названных преступлений.

Вербовка означает деятельность по привлечению граждан к совершению или участию в совершении вышеперечисленных террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений.

Иное вовлечение включает в себя разнообразные формы, не охватываемые понятиями «склонение» и «вербовка». Законодатель ограничивает круг преступлений, склонение, вербовка или иное вовлечение в совершение которых образуют форму преступления: террористический акт, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Вовлечение в совершение иных преступлений квалифицируется по иным статьям УК.

Вовлечение и склонение могут выражаться только в активных действиях. Способы выполнения вовлечения и склонения могут быть различными – уговоры, обещание, подкуп, обман, психическое или физическое насилие, возбуждение чувства мести, зависти, ненависти и т. д. Однако следует иметь в виду, что многообразие способов не обязательно означает необходимость совершения многократных действий.

Вооружение связано с поставкой и обеспечением лица средствами поражения людей или уничтожения материальных объектов – огнестрельным и холодным оружием, боевой техникой, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами и т. д.

Подготовка выражается в инструктировании по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ, или по вопросам других конкретных методов или приемов в целях совершения или содействия совершению террористического преступления и т. д.

⁴⁹ См.: Там же. Ст. 1146.

Финансирование терроризма как разновидность террористической деятельности означает предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (примечание 1 к ст. 205¹ УК)⁵⁰. Такое законодательное решение в целом, несомненно, будет способствовать правильному применению данной статьи, поскольку оно исключает возможность произвольного толкования этого признака в судебно-следственной практике.

Преступление *окончено* с момента выполнения любой из указанных альтернативных форм действий.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Вооружение и подготовка лица должны осуществляться в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированным видом преступления является совершение деяния с использованием своего служебного положения (см. комментарий к ч. 3 ст. 209 УК).

В примечании 2 к ст. 205¹ УК законодатель предусматривает поощрительную норму – возможность освобождения от уголовной ответственности за данное преступление при соблюдении следующих условий: если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Характеристика условий применения данного примечания не отличается от той, которую мы уже дали при анализе ст. 205 УК.

В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК)

Данная статья была введена Федеральным законом от 27 июля 2006.⁵¹ Ее включение в УК РФ отчасти обусловлено необходимостью выполнения Российской Федерацией своих международных обязательств. Согласно ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. должно быть криминализовано публичное подстрекательство к совершению преступлений террористической направленности, под которым понимается распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведе-

⁵⁰ Согласно ст. 24 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 277–280, 282¹, 282² и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. признана террористической и запрещена на территории РФ деятельность 15 организаций, в том числе таких, как «База» («Аль-Каида»), «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Движение Талибан» и др.

⁵¹ См.: Магомедов Д. Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для российского законодательства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

ние, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких подобных преступлений. В международной практике нередко в качестве самостоятельных преступлений выделяются подготовка к совершению какого-либо преступления, организация, пособничество или подстрекательство к какому-либо преступлению. В российском законодательстве такого рода действия не образуют самостоятельных преступлений, а квалифицируются со ссылкой на ст. 30 или 33 и соответствующую статью Особенной части УК. Поэтому нельзя говорить о чистой криминализации публичного подстрекательства, поскольку и ранее такие действия образовывали преступление, квалифицируемое по ст. 33 и ст. 205, 206 и т. д.

Объективная сторона преступления выражается в совершении любой из следующих альтернативных форм: а) публичных призывах к осуществлению террористической деятельности; б) публичном оправдании терроризма.

Понятие *террористической деятельности* дается в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», о чем мы уже писали выше.

Призывы – это обращение в целях возбуждения желания совершения определенных действий у части населения. Согласно прямому указанию закона они должны носить *публичный* характер, т. е. совершаться в присутствии не менее двух лиц (на собраниях, митингах и т. д.). Если же призывы к осуществлению террористической деятельности адресованы одному лицу и совершаются в присутствии только его одного, то тогда уголовно-правовая характеристика будет иной – ст. 33 и ст. 205, 206 и т. д. УК. Обязательным условием ответственности по ст. 205² УК является направленность призывов на совершение именно и только террористической деятельности.

Публичное оправдание терроризма является второй формой рассматриваемого преступления и означает публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании (примечание к ст. 205² УК).

Полагаем, что криминализация публичного оправдания терроризма проведена без учета весьма важных обстоятельств. Применительно к публичным призывам уголовно-правовая наука и судебная практика наработали определенный опыт толкования признаков этого преступления и применения соответствующих статей. Иначе обстоит дело с публичным оправданием. В частности, вызывает серьезные сомнения обоснованность криминализации такой деятельности. Уголовный закон социально обусловлен и должен создаваться не «на всякий случай» и не «про запас», а выражать реальные потребности общества в уголовном запрете и более или менее адекватно отражать их в уголовно-правовой норме. Необходимым условием в этих случаях является соблюдение принципов и критериев криминализации, в частности, четкости, устойчивости и определенности правовых предписаний⁵². Как представляется, примененный законодателем термин «оправдание» не обладает вышеуказанными свойствами, поскольку не имеет четких границ и может быть насыщен различными оттенками, начиная от выражения понимания причин определенного поведения и заканчивая выражением прямой поддержки такого поведения. Поэтому на практике будет трудно провести разграничение между оправданием терроризма и реализацией конституционного права граждан на выражение своего мнения. И даже законодательное определение публичного оправдания не дает полной уверенности в том, что в судебной практике будут исключены случаи произвольного толкования закона в силу отсутствия в нем точных критериев отграничения преступного от непроступного (поддерживающего от сочувственного и понимающего).

⁵² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1).

Следует отметить и такой недостаток законодательной формулировки данной цели, как ее необоснованно зауженный характер. В качестве объекта воздействия законодатель указал лишь на органы власти, однако реально давление может оказываться и на другие объекты: иностранные государства и международные организации (например, при международном терроризме), физических или юридических лиц, должностных лиц.

Преступление *окончено* с момента выполнения любой из указанных форм (формальный состав).

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированным видом преступления является совершение деяния с использованием средств массовой информации.

Г. Захват заложника (ст. 206 УК)

В уголовное законодательство нашего государства норма о захвате заложника пришла из международного права, в соответствии с которым захват заложника классифицировался как преступление международного характера⁵³. В международной практике случаи захвата заложников встречались еще в древние времена. Во второй половине XX в. это явление получило распространение в деятельности различных террористических групп Германии, Италии, Франции, Испании, в том числе когда граждане одних государств захватывали граждан других государств. В нашей стране, начиная со второй половине 90-х годов, всплески этого преступления отмечаются в местах лишения свободы и районах Северного Кавказа. В России в 2006 г. было зарегистрировано 22 случая захвата заложника. При этом в современной практике захват заложников сопровождается не только политическими требованиями, но и нередко требованиями материального характера (вымогательство имущества, денег).

Учитывая характер и степень общественной опасности захвата заложника, законодатель относит его к числу тяжких преступлений, а при квалифицирующих обстоятельствах – к особо тяжким. Это преступление нарушает общественную безопасность, ставит под угрозу жизнь и здоровье нередко значительного числа лиц, ограничивает личную свободу и нарушает безопасность и неприкосновенность человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах и гарантированные ст. 22 Конституции Российской Федерации. Относясь к числу транснациональных, конвенционных преступлений, захват заложника может также причинять вред деятельности России в сфере межгосударственных отношений.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

Новая редакция статьи об ответственности за захват заложника подверглась существенным корректировкам по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Прежде всего это касается определения круга потерпевших. В ст. 206 УК РФ 1996 г. законодатель говорит не о заложниках, а об одном заложнике, что следует признать более точным как с точки зрения юридической техники, так и сущности самого преступления. Буквальное толкование данной нормы в УК РСФСР 1960 г. ограничивало захват только случаями, когда потерпевшими могли быть два и более лиц. Новая редакция нормы о захвате данный пробел устранила и в настоящее время позволяет привлекать к ответственности виновных вне зависимости от того, какое количество лиц было захвачено.

⁵³ Подробнее об этом см.: *Комиссаров В.* Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // Законность. 1995. № 3.

В судебной практике чаще всего в качестве заложников оказываются родственники осужденных и сотрудники учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, участники массовых мероприятий, пассажиры различных видов транспорта и т. д. Так, четверо осужденных, находящихся в следственном изоляторе МВД Бурятии, в целях избежания отбывания наказания захватили работницу следственного изолятора и под угрозой расправы над ней потребовали от администрации изолятора предоставить им автомашину с полным баком бензина и выпустить из изолятора. Во время посадки в автомобиль заложница была освобождена, а трое преступников ранены.

Объективная сторона захвата заложника определяется в диспозиции ст. 206 УК в форме *активных действий* – захвата или удержания лица в качестве заложника. Следовательно, основное свойство данного преступления выражается в характеристике понятий захвата или удержания. В связи с этим принципиальным является определение содержания упомянутых понятий.

В редакции УК РСФСР 1960 г. объективная сторона захвата определялась как захват или удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием этого лица. Выделение в качестве обязательного самостоятельного элемента, наряду с захватом или удержанием, также и психического насилия дало некоторым исследователям основание для широкого толкования понятия захвата или удержания. В частности, под захватом заложника они понимают совершенное открыто, тайно, с применением насилия или угрозы его применения либо без такового противоправное ограничение свободы хотя бы одного человека с последующим открытым сообщением об этом и выдвиганием условий освобождения захваченного (А. В. Наумов). Некоторые авторы полагают, что захват сопряжен с неправомерным физическим ограничением свободы человека, но одновременно допускают, что он может осуществляться тайно или открыто, без насилия или с насилием неопасным (ч. 1 ст. 206) либо опасным (ч. 2 ст. 206) для жизни или здоровья (С. В. Дьяков)⁵⁴. Следует также отметить, что указанные авторы допускают возможность тайных или даже обманных действий только при захвате заложника. Применительно к удержанию заложника они прямо говорят о насильственном характере соответствующих действий. Однако большинство авторов считает, что захват – это насильственные действия⁵⁵.

По нашему мнению, определяя характер захвата и удержания, необходимо учитывать три обстоятельства. Во-первых, этимологическое происхождение и смысловую нагрузку этих слов. В русском языке слово *захват* (захватить) означает «силой овладеть кем-, чем-нибудь», а *удержание* (удержать) – «сдержав, остановить или заставить остаться»⁵⁶. В этом смысле основной неотъемлемой характеристикой захвата и удержания является их насильственный характер.

Во-вторых, необходимо учитывать связь объекта и объективной стороны рассматриваемого преступления. Это не преступление против свободы личности, а преступление против общественной безопасности, характерным признаком которого является создание угрозы причинения вреда или причинение вреда неопределенно широкому кругу лиц. Такое становится возможным благодаря именно общепаспному способу совершения преступления – применению насилия.

В-третьих, термин «захват» используется не только при характеристике состава захвата заложника, но и в ст. 211 УК, относительно которой имеется разъяснение в международных документах. Так, согласно Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздуш-

⁵⁴ См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999. С. 62 и след.

⁵⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 499.

⁵⁶ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. М., 1986. С. 194, 717.

ных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.), под преступником понимается: «Любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое: а) незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие, совершает преступление (в дальнейшем именуемое «преступление»).

Поэтому в уголовно-правовом смысле под *захватом* следует понимать незаконное насильственное ограничение свободы передвижения человека⁵⁷, а под *удержанием* – незаконное насильственное воспрепятствование в оставлении лицом определенного места нахождения. Указанный подход не исключает возможности ограничения физической свободы на первоначальном этапе тайно, без применения насилия или путем обмана. Однако для признания содеянного захватом заложника необходимо, чтобы состоялся сам захват или удержание заложника. О состоявшемся захвате заложника можно говорить только тогда, когда заложник, окружающие лица осознают факт незаконного ограничения свободы передвижения либо воспрепятствования лицу в таком передвижении и вынуждены подчиниться виновным под влиянием применения насилия или угрозы его применения.

Захват чаще всего сопряжен с перемещением заложника в другое место, а для удержания, наоборот, характерно оставление заложника там, где он находился до начала соответствующих неправомерных действий. Захват может сопровождаться последующим удержанием потерпевшего, но может быть и без него. В свою очередь удержание как самостоятельный альтернативный элемент деяния не обязательно должен быть следствием захвата. Преступление может начинаться с удержания лица в определенном месте. Именно поэтому, описывая объективную сторону преступления, законодатель использует разъединительный союз «или».

Новеллой по сравнению с УК РСФСР 1960 г. является также то обстоятельство, что при совершении простого захвата возможно применение как психического, так и физического насилия. Однако пределы такого насилия по своему характеру ограничены, и оно не может выходить за рамки насилия, не опасного для жизни или здоровья. Такой вывод следует из сопоставительного анализа простого и квалифицированного вида этого преступления, где применение насилия, опасного для жизни или здоровья, является одним из обстоятельств, влияющим на квалификацию и назначение наказания. Понятие *насилия, не опасного для жизни и здоровья*, известно действующему законодательству. Оно используется в качестве обязательного признака в ряде составов преступлений, например при описании состава грабежа.

В соответствии со сложившейся судебной практикой под таким насилием понимаются побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)⁵⁸. Психическое насилие – это угроза применения любого по характеру насилия. УК 1960 г. ограничил пределы психического насилия лишь угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием заложника. В новом УК характер угрозы вообще не определяется, и это, на наш взгляд, совершенно обоснованно, поскольку важно не столько то, каким насилием угрожает

⁵⁷ Более широкую трактовку понятию «захват» дают О. Ю. Резепкин и И. А. Журавлев. По их мнению, под захватом заложника необходимо понимать любые противоправные насильственные действия, связанные с изъятием человека или группы лиц из его (их) микросреды помимо его воли с целью последующего удержания (см.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы. М., 2003. С. 53).

⁵⁸ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 526; Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2005. С. 620; Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Захват заложника. СПб., 2001. С. 46.

виновный, а то, насколько может данная угроза повлиять на потерпевшего или иных лиц. Поэтому *психическое насилие* при захвате заложника может выражаться не только в угрозе причинения вреда здоровью или смерти, изнасилования или совершения мучительных действий, не повлекших причинение вреда здоровью, но и в угрозе уничтожения или повреждения имущества, разглашения каких-либо сведений, огласки которых потерпевший не желает, воспрепятствования занятию какой-либо деятельностью и т. п.

Формы выражения угрозы могут быть различными: словесно (в том числе и в неопределенном виде – типа «побью, плохо будет»), в демонстрации предметов, которые могут быть использованы для реализации высказанной угрозы, включая и устрашающие (кроме оружия и предметов, используемых в качестве оружия), в показе действия едких, ядовитых или легковоспламеняющихся веществ и т. д. Вместе с тем во всех случаях угроза (психическое насилие) должна быть реальной и осуществимой, поскольку только в этих случаях она может выступать в качестве средства, парализующего возможное сопротивление заложника или иных лиц.

Захват или удержание заложника для виновного является одним из промежуточных, но обязательных этапов в достижении поставленной цели. При захвате одним из признаков этого преступления является *возможность предъявления каких-либо требований* государству, организации или гражданину. Однако по смыслу закона реальное предъявление таких требований не является обязательным условием. В некоторых случаях захват может и не сопровождаться такими требованиями, например, в случаях, когда преступление было пресечено и виновные не успели их предъявить. Законодатель говорит о цели предъявления требований, но это не значит, что требование обязательно должно быть предъявлено. В то же время в таких случаях судебным органам необходимо устанавливать наличие у преступников намерения предъявить соответствующие требования. Отсутствие или недоказанность наличия такого намерения исключает возможность квалификации действий виновных по ст. 206 УК.

Законодатель описывает требования, которые могут предъявить захватчики, в общей форме: совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия. Вместе с тем эти требования неразрывно связаны с решением вопроса о судьбе заложников. Их освобождение виновные обуславливают выполнением предъявленных требований. По характеру предъявляемые *требования* могут быть различными: отказ от выполнения определенных обязательств, освобождение лица от должности или, наоборот, принятие на работу, освобождение арестованного или осужденного, требование выезда за границу, предоставления оружия, транспорта, денег, наркотиков и т. п. Конкретный характер или особенность требований на квалификацию влияния не оказывают.

Так, Верховным судом Дагестана были осуждены к различным срокам лишения свободы Ч. и Д., которые захватили пассажирский автобус «Икарус», следовавший по маршруту Махачкала – Минеральные Воды. В обмен на освобождение заложников – пассажиров автобуса – они потребовали 1, 5 млн долларов.

Исключением являются лишь случаи, когда требования носят правомерный характер. Стремление лица к защите своих законных прав и интересов здесь сочетается с нарушением установленного порядка защиты таких интересов. Поэтому такого рода действия следует рассматривать в некоторых случаях как самоуправство с соответствующей квалификацией по ст. 330 УК РФ⁵⁹.

В соответствии с законом *адресатом* требований может быть государство, организация или гражданин. Под *государством* в данном случае следует понимать как собственно

⁵⁹ См.: п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.

государство (Россия, Украина, Германия, Франция и т. д.), так и различные государственные органы, выступающие от имени государства (органы власти и управления, учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества, судебные органы, органы МВД и т. д.). Под *организацией*, на наш взгляд, следует понимать не только юридические лица в смысле гражданских правоотношений (ст. 48 ГК), но и юридически не оформленные структуры (советы, ассоциации, преступные группировки и т. д.). Характер организации – международная или национальная, коммерческая или некоммерческая, хозяйственные товарищества и общества, кооперативы либо государственные и муниципальные унитарные предприятия, общественные или религиозные организации и т. п. – на квалификацию содеянного не влияет. *Граждане* – это близкие родственники, друзья, сослуживцы заложника или любые иные лица.

Захват заложника по своей конструкции описывается в законе как *формальный* состав преступления. Поэтому он будет окончен с момента фактического ограничения свободы передвижения человека либо фактического воспрепятствования лицу в оставлении определенного места независимо от того, были ли предъявлены какие-либо требования соответствующим субъектам и были ли они выполнены или нет. Продолжительность времени, в течение которого заложник был лишен возможности свободного передвижения или удерживался в определенном месте, на квалификацию содеянного как захвата заложника не влияет. Вместе с тем, как будет показано ниже, последующее поведение виновных лиц имеет принципиальное значение для их ответственности.

С *субъективной стороны* захват заложников характеризуется прямым умыслом и специальной целью. Осуществляя свои действия, виновное лицо осознает, что оно совершает захват заложника в целях принуждения конкретных адресатов к выполнению или воздержанию от выполнения определенных действий как условия освобождения заложника; предвидит возможность или неизбежность причинения вреда заложнику или иным лицам и организациям, которым адресуется данное требование, в результате его действий и желает действовать именно таким образом.

Специальная цель, с которой действует виновное лицо, заключается в выполнении или, наоборот, невыполнении со стороны конкретных адресатов определенных действий, нужных виновному. Указанные действия оказываются настолько значимыми для виновных лиц, что они избирают заведомо опасные для окружающих способы достижения своей цели. При этом захват заложников рассматривается виновными не как самоцель, а как первый и необходимый этап в достижении генеральной, конечной цели. Поэтому применение психического или физического насилия, ограничение свободы в отношении заложника (заложников) осознаются виновными как побочное, но неизбежное и наиболее эффективное средство давления на определенного адресата. Одновременно виновные лица осознают, что в результате их действий по захвату или удержанию заложника вред причиняется не только заложнику, но и иным потерпевшим.

В зависимости от характера вреда, причиненного заложнику или иным лицам, содеянное квалифицируется по соответствующей части ст. 206 УК и в дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности не нуждается. Исключением является лишь умышленное причинение смерти, которое должно квалифицироваться также и по ст. 105 УК. Таким образом, содержание субъективной стороны виновного лица при совершении захвата заложника отражает весь сложный комплекс, характеризующий взаимоотношения и взаимосвязи объекта посягательства и элементов объективной стороны.

Мотивы, лежащие в основе действий виновных при захвате заложника, в отличие от цели деятельности на квалификацию влияния не оказывают. Однако они неразрывно связаны с целями преступления и выражаются в характере действий, которые виновное лицо определяет в качестве условия освобождения заложника. В судебной практике чаще всего это преступление совершается по мотивам корысти (как это было, например, при захвате

автобуса с корейскими туристами на Васильевском спуске рядом с Красной площадью в Москве), из желания избежать отбывания наказания (в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества) либо ответственности за ранее совершенное преступление и т. д.

Субъектом анализируемого преступления является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, которое либо захватило кого-либо в качестве заложника, либо удерживает захваченного, будучи осведомленным о целях удержания. Если одно лицо захватывает заложника, а другое его удерживает, то действия виновных квалифицируются как соисполнительство.

Квалифицированными видами захвата заложника в соответствии с ч. 2 ст. 206 УК являются: совершение группой лиц по предварительному сговору (п. «а»), с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в»), с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «г»), в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д»), в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «е»), в отношении двух или более лиц (п. «ж»), из корыстных побуждений или по найму (п. «з»). Содержание квалифицирующих признаков захвата заложника, предусмотренных п. «а», «б», аналогично содержанию соответствующих признаков терроризма. Понятие квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «в», давалось при комментировании ст. 162 УК; а п. «е», «ж», «з» – при анализе ст. 105 УК.

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «в»), следует понимать использование поражающих свойств соответствующих предметов для причинения физического вреда потерпевшему, разрушения различных объектов либо в качестве средства психологического давления и устрашения потерпевших. К применению оружия приравнивается и использование взрывчатых веществ или взрывных устройств. Под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать предметы хозяйственно-бытового назначения (кухонные ножи, топоры, бритвы и т. д.), а также любые иные предметы, применяемые для причинения физического вреда человеку (дубинка, палка, камень, и т. д.), вне зависимости от того, были ли они приготовлены и приспособлены заранее или нет.

Совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д») связано с обязательным осознанием виновным лицом до начала совершения преступления того обстоятельства, что в качестве заложника выступает несовершеннолетний.

Особо квалифицированными видами захвата заложника, предусмотренными ч. 3 ст. 206 УК, являются совершение этого преступления организованной группой, причинение в результате акта терроризма по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий. Характеристика этих признаков аналогична данным признакам при терроризме.

Существенное значение для стимулирования посткриминального поведения имеет примечание к ст. 206, в соответствии с которым лицо при соблюдении определенных условий освобождается от уголовной ответственности. Условиями такого освобождения являются, во-первых, освобождение заложника и, во-вторых, отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Освобождение может быть как *добровольным*, когда виновное лицо по своей собственной инициативе принимает такое решение, так и *вынужденным*, когда освобождение происходит по требованию властей. Последнее обстоятельство является новым для данного состава преступления. Законодатель предоставляет возможность освобождения даже в случаях, когда виновные лица не раскаиваются полностью в содеянном, а принимают решение об освобождении заложников вынужденно, понимая, что иного пути для избежания уголовной ответственности в данной ситуации нет. Забота о судьбе заложников перевешивает в этом случае отсутствие раскаяния виновных лиц.

Мотивы, которыми руководствовалось виновное лицо при принятии решения об освобождении заложника, для квалификации значения не имеют. Иной состав преступления –

это причинение вреда здоровью или смерти заложнику или иным лицам, предусмотренное статьями о преступлениях против личности, либо уничтожение или повреждение имущества, предусмотренное ст. 167 УК, и т. д. Если в действиях виновных лиц наличествуют составы указанных преступлений, то они освобождаются от ответственности по ст. 206, но подлежат ответственности по соответствующим статьям УК. Вместе с тем невозможно применение данного примечания в случаях, когда требования захватчиков удовлетворяются, ибо в такой ситуации их освобождение становится не просто бессмысленным, но, наоборот, незаконным и несправедливым. Такое правило сложилось в судебной практике.

Так, в постановлении по делу Р. Президиум Верховного Суда РФ отметил: «Действия Р. нельзя расценивать как “добровольные” в том смысле, как «добровольность» понимается уголовным законом, поскольку фактическое освобождение потерпевшего состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, когда их цель была достигнута и оказался утраченным смысл дальнейшего удержания заложника. При таких обстоятельствах Р. не может быть освобожден от уголовной ответственности на основании примечаний к ст. 126 и 206 УК РФ»⁶⁰.

По своим объективным и субъективным характеристикам захват заложника весьма схож с такими преступлениями, как похищение человека и незаконное лишение свободы. В связи с этим встает вопрос об их разграничении, а также о квалификации по совокупности. Прежде всего следует отметить, что захват заложника является разновидностью незаконного лишения свободы и похищения человека, но разновидностью более опасной и характеризующейся специфическими признаками. В качестве разграничительного признака в специальной литературе и судебной практике чаще всего указывается на отсутствие при незаконном лишении свободы и похищении человека цели воздействия на третьих лиц для выполнения этими лицами определенных требований⁶¹. Соглашаясь с таким подходом, мы вместе с тем считаем, что только этим отличие захвата заложника от названных преступлений не исчерпывается и при установлении такого отличия необходимо принимать во внимание и другие разграничительные признаки.

Во-первых, при захвате заложника виновных лиц интересует не столько личность захваченного (как при незаконном лишении свободы и похищении), сколько возможность использования его в качестве средства давления на адресата. Виновные лица не имеют личных взаимоотношений с заложником, которые бы обуславливали их соответствующие действия. Не имеют они и личных претензий к заложнику. В этом смысле личность заложника безразлична для захватчиков. В отличие от этого при незаконном лишении свободы или похищении человека виновные лица по тем или иным причинам заинтересованы в конкретной личности потерпевшего (как это бывает, например, при взыскании долга, устранении конкурента и т. п.).

Во-вторых, при похищении человека и лишении свободы виновные лица стремятся избежать огласки; информирование заинтересованных лиц (например, супруга или родственников похищенного при желании получить выкуп) осуществляется лишь в силу необходимости. При захвате заложника, наоборот, виновные стремятся к обнаружению своего умысла как в отношении его захвата или удержания, так и в отношении характера предъявляемых требований. Нередко, чтобы усилить эффект и иметь более мощный и действенный рычаг давления на адресатов требования, этим требованиям придается намеренно широкий резонанс, в том числе и путем маскировки под какие-то политические формы и высказывания.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Комиссаров В.* Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности // *Законность.* 1999. № 3.

⁶¹ См.: *Бриллиантов В.* Похищение человека или захват заложника // *Российская юстиция.* 1999. № 9. С. 43.

Наконец, в-третьих, при захвате заложника виновные лица руководствуются побуждениями, вытекающими из специальной цели – понуждения к совершению или воздержанию от совершения определенных действий как условия освобождения заложника. Одновременная квалификация по ст. 206 и 126 или 127 возможна лишь при реальной совокупности преступлений, например, когда помимо заложника незаконно лишается свободы или похищается иное лицо.

Довольно часто захват заложников совершается организованными, устойчивыми вооруженными группами лиц. Подобные действия до недавних пор полностью охватывались составом бандитизма и дополнительной квалификации как захват заложника не требовали. Такое решение представляется вполне обоснованным, поскольку бандитизм является более опасным преступлением. Однако Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указал: «Судам следует иметь в виду, что ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ».

Захват заложников нередко осуществляется в местах лишения свободы. Как правило, квалификация в этих случаях осуществляется по совокупности преступлений. Лишь в случае применения физического или психического насилия к сотрудникам или осужденным, используемым в качестве заложников для давления на администрацию в целях выполнения или невыполнения какого-нибудь требования (например, возможности беспрепятственно покинуть место лишения свободы, освобождения от должности каких-либо лиц или незаконного облегчения режима отбывания наказания), содеянное образует только состав захвата заложника.

В судебной практике захват заложника нередко сопровождается вымогательством. В отличие от ранее действовавшего законодательства УК РФ не предусматривает в ч. 3 ст. 163, ст. 221, 226 и 229 УК такого квалифицирующего признака, как сопряженность вымогательства с захватом заложника. Поэтому, если в действиях лица имеются признаки вымогательства и захвата заложников, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Совершение захвата заложников при терроризме, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, организации преступного сообщества (преступной организации), угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава или массовых беспорядках также квалифицируется по совокупности ст. 206 и соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за данные преступления.

Д. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК)

Общественная опасность данного преступления выражается в том, что заведомо ложное сообщение нарушает нормальный ритм жизни общества и государства, вносит элементы дезорганизации в деятельность предприятий, учреждений, нарушает работу транспорта, порождает ложные слухи, панику среди населения. Совершение данного деяния влечет за собой создание экстремальной ситуации в связи с введением в действие соответствующих сил и средств по предупреждению и устранению последствий актов терроризма, отвлекает

определенные силы правоохранительных органов от выполнения своих прямых обязанностей, сопряжено с ограничением прав личности, наконец, связано с причинением значительного материального ущерба.

Так, например, в больницу скорой медицинской помощи г. Воронежа позвонил неизвестный и сообщил, что через три с половиной часа девятиэтажное здание клиники «взлетит на воздух». Сразу же после этого из здания было эвакуировано более 800 больных, из которых 172 находились в тяжелом состоянии. Врачи были вынуждены прервать несколько сложных операций. Не получив своевременной качественной помощи, один из госпитализированных скончался. А какими единицами измерения можно оценить ущерб от сообщения о заминировании аэропорта «Внуково-1», когда на протяжении четырех часов работа аэропорта была парализована (эвакуированы все пассажиры и обслуживающий персонал из здания, задержаны десятки рейсов самолетов), либо сообщение анонима о том, что в зале ожидания Курского вокзала г. Москвы лежит бомба, которая взорвется через 35 минут после сообщения? До введения в УК РСФСР 1960 г. ст. 213⁴ ответственность за заведомо ложное сообщение наступала по ст. 206 как за хулиганство, что не отражало в полном объеме сущность данного преступления.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

Объективная сторона анализируемого преступления выражается только в активной форме поведения – совершении действий. *Содержанием* этих действий является доведение до сведения определенных лиц или организаций заведомо ложных сведений об акте терроризма. *Формы* доведения (по телефону, в виде письма, через средства массовой информации, компьютерную связь и т. д.) на квалификацию не влияют. *Адресатом* сведений могут быть как организации и учреждения, обязанные по роду службы реагировать на такие сообщения (органы власти, правоохранительные органы и т. д.), так и иные организации, например, те, где якобы предстоит акт терроризма, либо даже отдельные граждане (работники предприятий и учреждений, пассажиры транспорта, жители домов, в месте нахождения которых якобы предполагается совершение акта терроризма).

Заведомо ложное сообщение должно содержать не любую информацию, а именно сведения о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий (содержание этих понятий было подробно рассмотрено при анализе терроризма). Законодатель именуется данное преступление как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, но в диспозиции статьи не указывает на совершение взрыва, поджога или иных действий как носящих террористический характер⁶². Поэтому направленность соответствующих действий должна устанавливаться с учетом признаков терроризма, предусмотренных ст. 205 УК РФ. Отсюда, коль скоро обязательным признаком терроризма является специальная цель, в сообщении также должна отражаться специальная цель псевдотерроризма. Если в сообщении говорится об иных целях (уничтожение имущества, месть, хулиганство и т. п.), то содеянное не образует заведомо ложного сообщения об акте терроризма и, следовательно, квалифицироваться такие действия должны по иным статьям УК – о хулиганстве, заведомо ложном доносе и т. п.

В содержание сообщения может включаться информация как о готовящемся, так и совершаемом акте терроризма, о конкретных исполнителях акции, месте и времени совершения акта терроризма, но оно может быть и более общего характера. Данные обстоятельства не влияют на квалификацию преступления. *Оконченным* сообщение о заведомо ложном акте терроризма будет с момента доведения соответствующих сведений до адресата.

⁶² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 6.

Действия лица, пресеченные на стадии отправки сообщения, образуют покушение на данное преступление.

С *субъективной стороны* данное преступление характеризуется виной в форме прямого умысла. Обязательным условием ответственности является *заведомость* ложности сообщения. Виновное лицо должно сознавать, что основные факты, изложенные в сообщении, либо все сообщение в целом не соответствуют действительности. В случаях добросовестного заблуждения или неверной оценки имеющейся информации действия лица не подлежат квалификации по ст. 207 УК. В законе не предусматриваются в качестве обязательных какие-либо мотивы и цели совершения преступления, следовательно, на квалификацию они не влияют. Они могут совпадать с побуждениями, предусмотренными в ст. 205, но могут быть и иными (из озорства, хулиганства, мести, с целью отвлечения внимания от чего-либо и т. д.). Так, например, боясь получить при передаче экзамена по одному из предметов очередную неудовлетворительную оценку, студентка одного из московских вузов И. в назначенные для сдачи экзамена сроки звонила в вуз и сообщала о подложенной в здание mine. Экзамен, конечно, переносился на другое время.

Субъектом данного преступления является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Е. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК)

Норма об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем появилась в уголовном законодательстве нашего государства в 1995 г. Криминализационным поводом для законодателя в данном случае послужили события в Чечне и, в частности, деятельность возглавляемых Д. Дудаевым вооруженных формирований. Материальным основанием криминализации анализируемого деяния явилась высокая общественная опасность функционирования в государстве неконтролируемых органами власти вооруженных формирований. Деятельность таких формирований нарушает стабильность и равновесие между различными ветвями и уровнями власти, создает угрозу неконституционного, насильственного разрешения проблем государственного строительства и власти, а неконтролируемые действия значительного числа вооруженных людей порождают социальную напряженность в обществе, содержат в себе потенциально высокую возможность причинения вреда личности, человеческих жертв, серьезного материального ущерба.

Для защиты интересов государства, общества, жизни, здоровья и прав граждан могут создаваться специальные вооруженные структуры. Однако основы и организация их деятельности, полномочия органов государственной власти по осуществлению контроля и надзора за функционированием этих структур должны определяться федеральными законами. Такой механизм предусмотрен во избежание функционирования неконтролируемых вооруженных формирований. В настоящее время существует ряд законов, которые подробным образом регламентируют полномочия, направления деятельности, силы и средства соответствующих вооруженных формирований. К ним относятся Федеральные законы: от 24 июля 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции»; от 18 апреля 1991 г. «О милиции»; от 11 марта 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»; от 25 декабря 1996 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»; от 3 апреля 1995 г. «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»; от 31 мая 1996 г. «Об обороне»⁶³.

⁶³ Среди ученых в области уголовного права неоднократно отмечалось противоречие между наименованием данной статьи и признаками, сформулированными в диспозиции нормы, где не оговаривается, что имеются в виду лишь деяния

Так, в соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об обороне» и ст. 1 Федерального закона «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» Вооруженные силы Российской Федерации являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации, а органы федеральной службы безопасности являются составной частью сил обеспечения безопасности Российской Федерации и в пределах предоставленных им полномочий обеспечивают безопасность личности, общества и государства. В п. 9 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» прямо сформулирован запрет на создание иных военизированных организаций: «Создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, не предусмотренных федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону».

В диспозиции ст. 208 УК говорится о действиях, направленных на создание и функционирование *определенного формирования*. Само понятие формирования в законе не дается, однако указывается на примерный перечень его разновидностей – объединение, отряд, дружина или иная группа. По мнению П. В. Агапова и А. Г. Хлебушкина, формирование должно обладать признаком устойчивости и, следовательно, относиться к организованной группе⁶⁴. Другие авторы понимают под формированием воинскую часть или близкую к ней по своим основным параметрам (количеству членов, вооруженности, дисциплине и подготовленности к ведению боевых операций) вооруженную организацию⁶⁵. Полагаем, что такое понимание содержания формирования представляется слишком узким. Воинская часть – формирование достаточно крупное, и его численность может насчитывать 300 и более лиц. Что же касается требования подготовленности к боевым операциям, то реально оно применимо лишь к высокопрофессиональным объединениям. Но как быть, если это будет менее масштабное явление – боевая дружина или иная незначительная по численности группировка? В самом законе не определяется минимально необходимое число членов группировки для признания ее формированием. По мнению А. В. Павлинова, незаконное вооруженное формирование могут составлять и 3–4 человека во главе с командиром, а С. У. Дикаев минимальную границу определяет самым малым первичным звеном воинской части (отделение – 10 человек)⁶⁶.

Вместе с тем некоторые изменения в законодательстве позволяют сделать определенные выводы. Дело в том, что в отличие от старой редакции в новом УК вместо обобщающего термина «формирование» появился другой термин – «иная группа» – более привычный и определенный для уголовного права.

Действительно, *формирование* – это вновь созданный, составленный, организованный коллектив, воинская часть и т. п. Диапазон численности состава формирования может быть достаточно широким и различаться в десятки раз. Представляется, что именно с учетом данного обстоятельства законодатель и употребляет различные по объему понятия – объединение, отряд, дружина, иная группа. Однако это должно быть действительно организованное

террористической направленности (см., например: Куликова Г. Л. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006)

⁶⁴ См.: Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. М., 2005. С. 114.

⁶⁵ См.: Мальцев В. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 44. – О признаках воинского подразделения (внутренней структуре, основанной на подчиненности и распределении обязанностей, относительной устойчивости, дисциплине и профессиональной подготовленности участников) говорит С. У. Дикаев (см.: Дикаев С. У. Указ. соч. С. 425), и Ф. А. Узбеков (см.: Узбеков Ф. А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 18).

⁶⁶ См.: Ведомости Съезда н/д и ВС РФ. 1993. № 29. Ст. 1114; 1991. № 16. Ст. 503; СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711; 1995. № 15. Ст. 1269; 1996. № 23.

формирование: с определенной дисциплиной, управлением и подчиненностью, распределением обязанностей среди членов формирования, своими внутренними нормами поведения и санкциями за их нарушение, формализованными отношениями и общими отличительными признаками (формой, опознавательными знаками и т. д.). Полагаем, что каких-либо однозначных численных критериев незаконного формирования выделить невозможно, поэтому решение в каждом конкретном случае должно приниматься с учетом всех обстоятельств дела. Именоваться такие формирования могут по-разному, в том числе и созвучно с законными вооруженными формированиями.

Обязательным признаком незаконного формирования является его вооруженность. На наш взгляд, *вооруженность* означает наличие в формировании оружия в соответствии со штатным расписанием и установленными для него нормами. Количество единиц оружия и его виды определяются в зависимости от поставленных перед формированием задач по осуществлению соответствующей деятельности в необходимом объеме. Полагаем, что признаки вооруженности формирования и банды между собой различаются. Для формирования недостаточно одной единицы оружия, поскольку в этом случае оно будет не в состоянии решить свои задачи. Поэтому речь и идет о вооруженности формирования в целом как определенной боевой единицы (по штатному расписанию). В то время как для банды достаточно и одной единицы оружия, принадлежащего конкретному члену банды⁶⁷.

Оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели. Оно может быть огнестрельным (винтовки, карабины, пистолеты, автоматы, охотничьи ружья и т. д.), холодным (кинжалы, штыки, кастеты, нунчаки, кистени и т. д.), метательным (метательные ножи, арбалеты и т. п.) или газовым (пистолеты и револьверы), вне зависимости от того, является ли оно заводским или самодельным⁶⁸.

Вооруженными формирования следует признавать и тогда, когда они оснащены *боевыми припасами* (снаряды и мины, гранаты, авиабомбы, все виды патронов к стрелковому огнестрельному оружию и т. д.), *взрывчатыми веществами* (тротил, аммониты, пластиты, эластиты, дымный и бездымный порох, твердое ракетное топливо и т. п.) или *взрывными устройствами*. Что же касается механических распылителей, аэрозольных и других устройств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами, разрешенными к применению Министерством здравоохранения Российской Федерации, электрошоковых устройств и искровых разрядников отечественного производства, имеющих выходные параметры, соответствующие требованиям государственных стандартов Российской Федерации и нормам Министерства здравоохранения Российской Федерации, а также пневматического оружия с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибра до 4,5 мм включительно, то поскольку для их приобретения не требуется соответствующей лицензии и они не подлежат регистрации, следовательно, их нельзя рассматривать в качестве оружия в смысле данной статьи. Вместе с тем, когда для определения характера предметов требуются специальные познания, по делу необходимо проведение соответствующей экспертизы.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

С объективной стороны данное преступление может быть совершено только путем активных действий, направленных на создание незаконного вооруженного формирования, руководство этим формированием или его финансирование (ч. 1) или участие в его деятельности (ч. 2). В отличие от УК РСФСР 1960 г. в УК РФ ответственность за организацию неза-

⁶⁷ См.: Павлинов А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с организацией незаконного вооруженного формирования или участия в нем. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 14; Дикаев С. У. Указ. соч. С. 426.

⁶⁸ См.: Федеральный закон РФ от 13 ноября 1996 г. «Об оружии»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. «О судебной практике и делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в редакции от 6 февраля 2007 г.).

конного вооруженного формирования или участие в нем дифференцируется в зависимости от выполняемой лицом функции. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку оно позволяет правильно оценить характер и степень общественной опасности содеянного и в соответствии с этим назначить справедливое наказание.

Незаконность формирования определяется в ст. 208 УК как непредусмотренность его федеральным законом. Незаконными следует признавать формирования как не имеющие нормативной базы своего появления, так и создаваемые на основе нормативных актов, не являющихся федеральными законами (законов, постановлений и распоряжений органов власти и управления субъектов федерации, решений органов местного самоуправления, а также указов и распоряжений президента, постановлений и распоряжений федеральных органов исполнительной власти).

Под *созданием* как элементом объективной стороны следует понимать любые действия, результатом которых стала организация незаконного вооруженного формирования. Организационная деятельность может выражаться в принятии решения о создании формирования и издании в связи с этим соответствующих нормативных актов, разработке структуры формирования и утверждении штатного расписания, подборе кадров, назначении лиц, ответственных за конкретные участки деятельности формирования, решении вопросов финансирования, материального обеспечения необходимыми ресурсами и т. д. Как частный случай создания формирования следует рассматривать и реорганизацию законно действующего формирования в незаконное, например, из охранно-сыскных агентств или народных дружин – в группировки, фактические цели деятельности которых принципиально меняются.

Под *руководством* вооруженными формированиями следует понимать определение деятельности уже созданного формирования. Это может выражаться в форме издания приказов и распоряжений по текущим вопросам и осуществления контроля за их исполнением, осуществления кадровой политики, решения финансовых вопросов, вопросов взаимоотношений с органами власти и управления, руководства проведением конкретных операций и т. д.

Финансирование формирования означает предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступлений, предусмотренных планами формирования, либо для обеспечения деятельности незаконного вооруженного формирования.

Участие в незаконном вооруженном формировании выражается во вступлении в данное формирование и выполнении вытекающих из этого факта любых действий в соответствии с планами и задачами деятельности формирования (членство или служба в формировании, осуществление патрулирования или дежурства, выполнение разовых поручений или каких-либо работ, связанных с хозяйственным обеспечением деятельности формирования, и т. д.). Виновное лицо, которое не является членом формирования, однако оказывает ему содействие путем, например, предоставления технических средств, вербовки новых членов, финансового обеспечения и т. п., привлекается к ответственности за пособничество организации незаконного вооруженного формирования или участие в нем.

С точки зрения законодательной конструкции организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем сформулированы по типу *усеченного* состава преступления. Такая конструкция обычно применяется в случаях повышенной общественной опасности конкретного преступления. Следовательно, ответственность за оконченное преступление должна наступать уже в случае создания незаконного вооруженного формирования. Для лиц, которые не принимали участия в создании такого формирования, ответственность наступает с момента выполнения каких-либо действий по руководству таким формированием либо по участию в нем. То обстоятельство, что формирование или его члены не успели

совершить в соответствии с целями деятельности формирования какие-либо акции, на квалификацию влияния оказывать не должно. Действия, направленные на создание незаконного вооруженного формирования, но не завершившиеся его созданием по причинам, не зависящим от виновного, должны квалифицироваться как покушение на создание незаконного вооруженного формирования. Лицо, давшее согласие на участие в деятельности формирования, но не успевшее приступить к исполнению обязанностей члена формирования, также привлекается к ответственности за покушение на преступление.

С субъективной стороны организация незаконного вооруженного формирования характеризуется прямым умыслом. Создатели и руководители соответствующего формирования сознают, что они организуют и руководят незаконным вооруженным формированием, предвидят возможность или неизбежность наступления в результате их действий определенных общественно опасных последствий и желают их наступления. Участник формирования сознает, что он принимает участие в деятельности незаконного вооруженного формирования, предвидит возможность или неизбежность наступления в результате этого общественно опасных последствий и желает их наступления. В случаях участия в деятельности формирования при отсутствии сознания его незаконности (добросовестного заблуждения законности действий) со стороны соответствующего лица оно не может привлекаться к ответственности по ст. 208 УК.

Законодатель определяет преступность организации вооруженного формирования именно через незаконность его образования. Относительно целей, с которыми создается вооруженное формирование, в законе не содержится каких-либо указаний, и следовательно, они не являются конститутивными признаками преступления. В литературе было высказано мнение, что цели деятельности на квалификацию преступления не влияют⁶⁹. П. В. Агапов и А. Г. Хлебушкин считают, что незаконные вооруженные формирования могут создаваться лишь в целях последующего совершения преступлений⁷⁰.

Мы полагаем, что отсутствие в диспозиции ст. 208 УК указания на характер цели является пробелом в законе и существенно затрудняет отграничение данного преступления от смежных составов. По нашему мнению, создавая незаконные вооруженные формирования, виновные лица в гораздо большей степени преследуют непроступные цели, поскольку иначе невозможно будет отграничить анализируемое преступление от вооруженного мятежа, насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, бандитизма и организации преступного сообщества (преступной организации). В качестве вышеозначенных целей можно назвать защиту интересов субъектов федерации, поддержание общественного порядка, охрану учреждений, организаций и граждан, борьбу с преступностью и т. п.

Характеристика субъекта анализируемого преступления не имеет принципиальных отличий от субъекта иных преступлений против общей безопасности. Это должно быть вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Как и в статьях о терроризме и захвате заложника, законодатель предусматривает примечание к ст. 208, в соответствии с которым лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Данная норма имеет поощрительный характер и направлена на максимальную нейтрализацию негативных последствий совершенного преступления. В качестве оснований освобождения от ответственности в законе выделяются три условия: а) добровольность прекращения участия. При этом мотивы, в силу которых лицо принимает такое решение, значения не имеют; б) сдача оружия; в) отсутствие в действиях лица иного состава

⁶⁹ П. В. Агапов и А. Г. Хлебушкин считают, что оружие и взрывные устройства должны быть у большинства участников незаконного вооруженного формирования (см.: Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Указ. соч. С. 116).

⁷⁰ См.: Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Указ. соч. С. 42.

преступления. Поскольку в законе говорится о лице, прекратившем участие, постольку освобождению подлежат не только собственно участники формирований, но также создатели и руководители таких формирований.

В литературе высказывается и иная точка зрения. Так, В. Мальцев считает, что для организаторов и руководителей формирования дополнительным условием освобождения должны стать их активные действия по разоружению, прекращению деятельности этого формирования⁷¹. Мы полагаем, что такого рода требования не указаны в законе и поэтому предъявляться не могут.

По смыслу закона само создание незаконного вооруженного формирования или руководство им, а равно участие в таком формировании образуют оконченное преступление. Следовательно, совершение в составе данного формирования каких-либо иных преступлений требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК.

Организацию незаконного вооруженного формирования следует отграничивать от бандитизма и организации преступного сообщества. От бандитизма данное преступление отличается, во-первых, по целям, с которыми создается банда. Для бандитизма обязательным признаком является направленность на совершение нападений, в то время как организация незаконного вооруженного формирования преследует иные цели. Во-вторых, банда – это устойчивая группа лиц, а для незаконного вооруженного формирования устойчивость не является конститутивным признаком.

От вооруженного мятежа, насильственного захвата власти или насильственного удержания власти анализируемое преступление отличается как по объективным (отсутствие активных действий, направленных на вооруженное выступление против власти), так и по субъективным (отсутствие цели свержения или насильственного изменения конституционного строя либо захвата или удержания власти) признакам.

Ж. Бандитизм (ст. 209 УК)

Бандитизм является одной из наиболее опасных форм проявления организованной преступности, характеризующейся, во-первых, существованием вооруженных устойчивых и сплоченных групп, носящих характер преступного сообщества (преступной организации), и, во-вторых, насильственным способом совершения преступления. Деятельность организованных вооруженных формирований порождает у граждан чувство страха, личной незащищенности, угрозы их законным интересам, неуверенности в возможностях правоохранительных органов по обеспечению безопасности общества и отдельных граждан от насилия, дезорганизует нормальную работу государственных, общественных и иных институтов. Все это в конечном итоге отражается на психологической устойчивости общества и продуктивности его деятельности. В 2006 г. в России было зарегистрировано 432 преступления, предусмотренных ст. 209 УК РФ.

В уголовно-правовой доктрине была высказана точка зрения о целесообразности помещения статьи о бандитизме в главе о преступлениях против собственности на том основании, что банда имеет корыстную направленность⁷². Полагаем, что это было бы неправильным решением, поскольку в судебной практике корыстный мотив при бандитизме является доминирующим, но не исчерпывает всех форм его проявления. Некоторые банды действуют и с иными побуждениями. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в п. 12 постановления от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственно-

⁷¹ См.: Уголовное право России. Т. 2: Особенная часть. М., 1998. С. 361; Дикаев С. У. Указ. соч. С. 428; Узбеков Ф. А. Указ. соч. С. 21.

⁷² См.: Мельникова Ю. Б., Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за бандитизм. М., 1995. С. 9.

сти за бандитизм» справедливо указал: «Статья 209 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений. Это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т. д.»⁷³.

В соответствии со ст. 209 УК основными характерными признаками бандитизма являются наличие банды и специальная цель ее деятельности – нападения на граждан или организации. В качестве позитивного момента определения бандитизма в УК РФ 1996 г. нужно указать на то обстоятельство, что впервые понятие банды дается на законодательном уровне. Следует также отметить, что, в отличие от УК РСФСР 1960 г., формулировка бандитизма, и банды в том числе, является более четкой и определенной, поскольку вооруженность рассматривается уже не как признак бандитизма, а как конститутивный признак банды. Итак, в соответствии с законом *банда* представляет собой устойчивую вооруженную группу. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 января 1997 г. детализирует эту дефиницию, предлагая понимать под бандой «организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, предварительно объединившихся для совершения нападений на граждан или организации».

Банда является разновидностью одной из наиболее опасных форм совместной преступной деятельности – *преступного сообщества (преступной организации)*. Следует отметить, что длительное время вопрос о том, можно ли банду считать разновидностью преступного сообщества или нет, являлся в специальной литературе дискуссионным. Так, Р. Р. Галиакбаров писал: «Преступное сообщество выступает в качестве необходимого признака ряда строго персонифицированных законодательных составов преступлений и не может поэтому распространяться на преступления, где оно прямо не упоминается»⁷⁴. Другие исследователи понимали под преступным сообществом только организованные формы антисоветской деятельности (П. Ф. Тельнов, Н. Г. Иванов). П. В. Агапов и В. М. Быков считают банду разновидностью организованной группы⁷⁵. Д. А. Корецкий и Т. А. Пособина традиционные банды относят к организованным группам, а современные банды – к разновидностям преступного сообщества⁷⁶.

УК РФ 1996 г. определяет банду через признак устойчивости, который в соответствии с ч. 3 ст. 35 является основной характеристикой организованной группы. Мы полагаем, что по своим основным параметрам банда гораздо ближе к преступному сообществу (преступной организации), нежели к организованной группе. Об этом же свидетельствует и законодательная оценка характера и степени общественной опасности бандитизма. Сопоставление санкций ст. 209 и 210 УК показывает, что законодатель рассматривает бандитизм как более опасную форму организованной преступности, нежели организацию преступного сообщества⁷⁷.

⁷³ См.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 403.

⁷⁴ См.: *Галиакбаров Р. Р.* Групповое преступление. Свердловск, 1973. С. 61. – В своей последней работе ученый относит банду к разновидности преступного сообщества (см.: *Галиакбаров Р. Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 83).

⁷⁵ См.: *Агапов П. В.* Бандитизм: социально-политическое, криминологическое и уголовно-правовое исследование. Саратов, 2002. С. 57; *Быков В. М.* Банда – организованная вооруженная группа // Следователь. 1999. № 5. С. 4–5; *Дейнега Н. В.* Уголовно-правовая характеристика бандитизма и отграничение его от смежных составов преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. С. 12.

⁷⁶ См.: *Корецкий Д. А., Пособина Т. А.* Современный бандитизм. СПб., 2004. С. 69–70.

⁷⁷ И. Г. Галимов и Ф. Р. Сундунов справедливо отмечают, что, как правило, банда – более сплоченная преступная организация, чем остальные ее разновидности, поскольку основой для сплочения ее членов являются оружие и кровь потер-

Характерными признаками банды являются ее устойчивость и вооруженность. Длительное время признак устойчивости связывали в основном с количеством задуманных и совершенных преступлений. В 1959 г. Верховный Суд СССР, обобщая судебную практику по разбою и бандитизму, основное внимание уделил качественной характеристике и включил в понятие устойчивости «предварительный стовор и преступные связи между участниками, единство преступных целей, распределение функций между участниками преступного сообщества, предварительное установление объектов и способов преступной деятельности»⁷⁸.

В 1997 г. Пленум Верховного Суда РФ отметил: «Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений»⁷⁹.

По нашему мнению, *устойчивость* как признак банды в совокупности характеризуется несколькими составляющими элементами. Во-первых, высокая степень *организованности* банды. Она находит свое выражение в тщательной разработке планов деятельности банды, в определенной иерархической структуре и распределении ролей между соучастниками, внутренней жесткой дисциплине с беспрекословным подчинением лидерам или главарям банды, активной деятельности организаторов банды, продуманной системе материального обеспечения орудиями и средствами совершения преступления, в создании системы противодействия различным мерам социального контроля со стороны общества, в том числе и в обеспечении безопасности членов банды, и т. д. В качестве примера высокой степени организации можно привести банду Хантемирова, которая состояла из 29 человек и действовала в течение 10 месяцев. Банда была разбита на тройки, связь с главарем банды поддерживали только руководители троек, нередко члены других троек не знали друг друга. Оружие всегда складировалось в одном месте и выдавалось только на время совершения нападений. По сигналу руководства члены банды могли очень быстро прибывать в пункты сбора.

Во-вторых, *стабильность* состава банды и ее организационной структуры. Стабильный в целом состав банды является одним из условий установления прочных связей между соучастниками. Он позволяет соучастникам рассчитывать на взаимную помощь и поддержку друг друга при совершении преступления, облегчает взаимоотношения между членами банды и выработку методов совместной деятельности. В связи с этим в судебной практике нередко встречаются случаи, когда членами банды становятся родственники. Данное свойство, однако, не означает, что состав банды всегда должен быть неизменным. Главное, чтобы сохранялся костяк банды, ее ядро, выступающее носителем идеологии банды, вокруг которого сплачиваются новые члены. Анализ судебной практики свидетельствует, что новые соучастники привлекаются в банду, как правило, по мере необходимости. Эти лица либо становятся постоянными членами банды, либо привлекаются для совершения отдельных нападений. Организационная структура вырабатывается в самом начале деятельности банды и может видоизменяться и приспосабливаться в зависимости от конкретных потребностей. Однако, как правило, коренной реорганизации при этом не происходит, поскольку принципиальные изменения характера деятельности банды очень редки.

В-третьих, наличие своеобразных, индивидуальных по характеру *форм и методов* деятельности. Законодатель отчасти отражает этот признак путем указания в диспозиции ст. 209 на нападение как способ совершения преступления. Помимо этого банды могут характеризоваться особой методикой определения объектов нападения, способов ведения разведки,

павших (см.: Галимов И. Г., Сундуров Ф. Р. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения. Казань, 1998. С. 139).

⁷⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 6. С. 1–2.

⁷⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

спецификой способов совершения нападений и поведения членов банды, обеспечением прикрытия, отходов с места совершения преступлений и т. д., – словом, всем, что включается в понятие почерка банды. Так, например, банда братьев Толстопятовых совершала нападения, как правило, во второй половине дня, стремясь огневой мощью своего оружия сразу же исключить возможность сопротивления со стороны окружающих лиц, и тотчас же исчезала на автомобилях.

В-четвертых, *постоянство* форм и методов преступной деятельности. Отработанные и проверенные приемы и способы нападений являются гарантом надежности успешного совершения преступления, поскольку они сводят до минимума вероятность ошибок участников в случаях непредвиденных ситуаций. Поэтому нападения чаще всего осуществляются одними и теми же способами. О постоянстве могут свидетельствовать также устойчивое распределение обязанностей среди членов банды, использование специальных форм одежды, особых атрибутов и т. д.

Элементом устойчивости банды, по нашему мнению, является *сплоченность* ее членов, которую можно определить как субъективную характеристику устойчивости. В русском языке *сплоченный* означает «дружный, единомышленный, организованный», а *сплотить* – «добиться единства, сплоченности, объединить»⁸⁰. Социологи и психологи рассматривают сплоченность как основную социальную характеристику коллектива, которая отражает сложившуюся в группе форму межличностных отношений, опосредованных совместной групповой деятельностью. Сплоченность – это, прежде всего, социально-психологическая общность банды, характеризующаяся тем, в какой степени ее члены желают остаться в ней. В качестве детерминант сплочения в группе выделяются: а) кооперативное поведение, понимаемое одновременно и как объективная взаимозависимость участников совместной деятельности, и как особая форма мотивации; б) цели группы, характер и сложность которых определяют и соответствующий уровень специализации индивидуальных усилий, и тесноту кооперации; в) сходство ценностных ориентаций и взглядов как основу тяготения лица к группе. В основе стремления лица именно к той общности, ценности которой он сам разделяет и где его собственные взгляды находят сочувствие и поддержку, лежит взаимодействие индивидуально-психологических особенностей личности и социально-психологических особенностей группы.

Изначально объединение членов банды происходит в силу субъективных факторов, а именно вследствие наличия единой системы социальных ценностей и одинаковых социальных ориентаций соучастников. Опосредованные через совместную преступную деятельность, они способствуют выработке в банде собственных взглядов, норм поведения и ценностных ориентаций, которых придерживаются все ее члены. Чем дольше существует такая банда, тем в большей степени отдельные соучастники теряют присущие им индивидуальные черты поведения. Характер деятельности членов банды во все большей степени определяется внутригрупповыми нормами, которые представляют собой определенные шаблоны поведения и ориентированы на достижение целей конкретной банды за счет объединения физических и моральных сил всех соучастников.

Подчинение этим нормам может быть как добровольным, так и принудительным, в том числе и на основе прямого физического или психического насилия. Сила давления банды на своих членов может быть различной и зависит от комплекса факторов: значимости совместных интересов, авторитета лидеров банды, места индивида в структуре банды и т. д. Значительное влияние на консолидацию банды, формирование в ней соответствующего микроклимата оказывают ее главари. Это могут быть как организаторы, способные задавать банде программу противоправного поведения, так и организаторы, предрасположенные

⁸⁰ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 657.

лишь к организации конкретной деятельности, конкретного нападения. Чем сильнее зависимость соучастников от внутригрупповых норм, выше авторитет организаторов или руководителей, тем выше социально-психологическая общность членов банды и, следовательно, тем более она сплочена и с большей эффективностью может действовать.

Таким образом, *устойчивость* (неподверженность колебаниям, постоянство, стойкость, твердость⁸¹) – это такое состояние группы, которое характеризуется наличием прочных постоянных связей между со участниками и специфическими индивидуальными формами и методами деятельности.

Отдельные авторы и Верховный Суд России в качестве показателей устойчивости называют также *длительность* существования банды и *количество* совершенных ею нападений⁸². Действительно, по данным параметрам банды отличаются от других форм соучастия. Например, при изучении 20 уголовных дел о бандитизме за 1986–1990 гг. установлено, что в 20 % из них срок деятельности банды не превышал 3 месяцев, в 35 % – 6 месяцев, а количество эпизодов не превышало 3 в 20 % и 6 – в 35 % дел. Приведенные показатели не столь существенно отличаются от аналогичных данных, полученных нами в процессе изучения уголовных дел о бандитизме в период с 1960 по 1982 г. Представляется, что и длительность существования, и количество эпизодов могут свидетельствовать об устойчивости банды только в совокупности с изложенными выше обстоятельствами.

Вторым характерным признаком банды является *вооруженность* группы. Согласно законодательной формулировке (ст. 209 УК РФ) бандитизм представляет собой создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой). В отличие от ранее действовавшего законодательства (ст. 77 УК РСФСР) в настоящее время, наряду с устойчивостью, вооруженность группы является конститутивным признаком банды. Следовательно, для вменения в вину конкретным лицам ст. 209 УК судебно-следственные органы должны доказать факт вооруженности хотя бы одного члена банды. При этом требуется, чтобы о наличии оружия и возможности его применения знали иные члены банды. Таким образом, вооруженность банды или ее отсутствие имеет принципиальное правовое значение: ее наличие обуславливает квалификацию содеянного как бандитизма.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ своим определением отменила приговор Московского городского суда в отношении братьев М., осужденных к лишению свободы по ч. 3 ст. 222, ч. 4 ст. 222 и по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ, поскольку государственный обвинитель в кассационном протесте поставил вопрос об отмене приговора в отношении братьев М. и направлении дела на новое судебное рассмотрение в связи с необоснованным исключением из предъявленного им обвинения состава преступления – бандитизма. По этому делу Московский городской суд хотя в приговоре и посчитал установленным применение осужденными при нападениях револьвера, пистолета и ножа, однако констатировал, что для признания группы бандой их вооруженность была недостаточной. При новом рассмотрении дела Московский городской суд осудил братьев М. по ч. 1 ст. 209 и по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ за бандитизм и разбой, совершенные организованной группой. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ этот приговор оставила без изменения⁸³. По делу З. и других Президиум Верховного Суда РФ отменил приговор по ст. 209 УК РФ, а дело производством в данной части прекратил за недоказанностью. Президиум указал: «Как усматривается из материалов дела, ни органы следствия, ни суд не установили, какое оружие было на вооружении банды, соответствует ли оно требованиям, изложенным в Законе “Об ору-

⁸¹ См.: Там же. С. 730.

⁸² Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л., 1973. С. 235–236.

⁸³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4.

жии⁸⁴. Таким образом, вывод суда об организации виновными банды при отсутствии доказательств использования ими пригодного для применения оружия не доказан⁸⁴.

В связи с вышеизложенным возникает принципиально важный вопрос, что законодатель имел в виду в ст. 209 УК РФ под признаком вооруженности, что понимается под оружием и означает ли этот признак обязательное применение оружия?

При ответе на первый вопрос определенная подсказка содержится в п. 5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм». По мнению высшего судебного органа страны, вооруженность предполагает «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия». И далее Верховный Суд РФ рекомендует судебным органам при решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, руководствоваться положениями Закона РФ от 13 декабря 1996 г. «Об оружии», а в необходимых случаях и заключением экспертов.

Согласно ст. 1 указанного Закона *оружие* – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. В этом определении законодателем акцент сделан на особом предназначении оружия и неразрывно связанных с ним конструктивных особенностей устройств или предметов. По принципу действия оружие в Законе подразделяется на огнестрельное, холодное оружие, метательное, пневматическое, газовое и сигнальное (ст. 1 Закона об оружии). Кроме того, в ст. 3 этого Закона упоминаются электрошоковые устройства и искровые разрядники отечественного производства, имеющие выходные параметры, соответствующие требованиям государственных стандартов Российской Федерации и нормам Министерства здравоохранения Российской Федерации, а в ст. 6 – оружие и иные предметы, поражающее действие которых основано на использовании радиоактивного излучения и биологических факторов; оружие и иные предметы, поражающее действие которых основано на использовании электромагнитного, светового, теплового, инфра- или ультразвукового излучения и которые имеют выходные параметры, превышающие величины, установленные государственными стандартами Российской Федерации и соответствующими нормами федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения, а также указанные оружие и предметы, произведенные за пределами территории Российской Федерации. Другое подразделение оружия на виды осуществляется в Законе об оружии в зависимости от целей его использования, а также по основным параметрам и характеристикам его функционирования: боевое, служебное и гражданское.

Сопоставляя данные понятия с определением вооруженности в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г., можно сделать вывод о том, что понятие «вооруженность» является более широким, нежели понятие «оружие». Вооруженность включает в себя, помимо оружия, также различные взрывные устройства (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г.), взрывчатые вещества, боеприпасы и патроны (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»)⁸⁵.

Более того, рекомендация Пленума Верховного Суда РФ о том, что при установлении признака вооруженности банды следует руководствоваться положениями Закона об оружии, совсем не означает, что суды должны ограничиваться только теми видами оружия, которые

⁸⁴ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квар-

⁸⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.

указаны в данном Законе либо оборот которых запрещен или требует специального разрешения. Во-первых, для применения ст. 209 УК не имеет право вого значения законность или незаконность обладания соответствующими предметами.

Во-вторых, следует учитывать предназначение Закона об оружии, целью которого является регламентация административно-правового режима оружия и, прежде всего, лицензионно-разрешительной системы органов внутренних дел, но совсем не определение видов оружия, могущих выступать в качестве предметов и средств совершения преступлений по УК РФ⁸⁶. Так, например, в Законе «Об оружии» 1996 г. боевое оружие определяется как оружие, которое предназначено для решения боевых и оперативно-служебных задач, принятое в соответствии с нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации на вооружение соответствующих российских формирований. Пленум Верховного Суда в постановлении от 12 марта 2002 г. уточняет данное положение: «При этом следует иметь в виду, что данный Закон регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося *на вооружении* (выделено нами. – В. К.) в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Федерального закона “Об оружии” не распространяется». Однако до сих пор в судебной практике у членов банды изымается оружие типа маузер, парабеллум, некоторые пистолеты-пулеметы времен Великой Отечественной войны, не состоящие на вооружении в соответствующих формированиях. Если исходить из формального толкования вышеприведенных положений Закона об оружии и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г., то они не могут быть отнесены к боевому, но одновременно не являются гражданским и служебным оружием и, следовательно, не могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 222 УК и средством совершения преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. Между тем уровень общественной опасности банды, вооруженной таким оружием, ничуть не меньший, нежели банды, имеющей оружие в смысле Закона об оружии.

Наконец, в-третьих, у членов банды может быть и иное оружие, например зажигательное⁸⁷, на которое не распространяется правовой режим, установленный Законом об оружии. Таким образом, понятийный аппарат, используемый в Законе об оружии и УК РФ, по содержанию не совпадает. Следовательно, при установлении факта вооруженности банды судебно-следственные органы не могут руководствоваться исключительно и только положениями Закона «Об оружии» 1996 г., но должны опираться и на другие нормативные акты.

В случаях, когда банды вооружены традиционным оружием (пистолеты, автоматы, ножи и т. д.), у судебно-следственных органов каких-либо серьезных проблем с квалификацией содеянного не возникает. Иначе этот вопрос разрешается в теории уголовного права. Так, А. Наумов и П. Агапов считают, что наличие у членов организованной группы только гладкоствольного охотничьего оружия не дает основания квалифицировать содеянное как бандитизм⁸⁸. Аргументы названных авторов сводятся к тому, что в принципе

⁸⁶ См.: *Корецкий Д.* Оружие как элемент уголовно-правовой характеристики преступления // Уголовное право. 2003. № 3. С. 34.

⁸⁷ См.: *Плескачевский В. М.* Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М., 2001. С. 293–296; *Корецкий Д. А., Землянухина Л. М.* Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб., 2003. С. 118–119.

⁸⁸ См.: *Наумов А.* Квалификация незаконного оборота гладкоствольного охотничьего оружия // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 49; *Агапов П. В.* Указ. соч. С. 65.

из ружья убить можно, но это очень неудобная для подобной цели вещь. А вот обрез, несмотря на уменьшение его поражающей дальности по сравнению с ружьем, названные авторы признают оружием в смысле признака банды. Полагаем, что это больше эмоциональный, нежели правовой аргумент. С точки зрения уголовного права такой предмет опасен не потому, что его удобно носить, а потому, что им можно причинить вред жизни или здоровью и вследствие этого он имеет особый правовой статус. Автомат тоже неудобно носить, однако ни у кого не возникает сомнения, что его наличие у лица образует признак вооруженности банды.

В последние годы в теории уголовного права развернулась дискуссия относительно признания оружием в смысле вооруженности банды газового и сигнального оружия, не пригодного к целевому применению оружия (основных частей оружия) и нетрадиционных видов оружия. Так, П. В. Агапов полагает, что банда может быть вооружена газовым оружием, снаряженным нервно-паралитическими, отравляющими, а также другими веществами, не разрешенными к применению Министерством здравоохранения Российской Федерации, или газовым оружием, способным причинить средней тяжести вред здоровью человека, находящегося на расстоянии более одного метра⁸⁹. А. Андреева и Г. Овчинникова считают, что газовое оружие самообороны, снаряженное слезоточивыми или раздражающими веществами, «не способно причинить значительный физический вред здоровью, поэтому наличие лишь его в арсенале преступной группировки не позволяет считать ее вооруженной в понимании ст. 77 УК»⁹⁰. Д. А. Корецкий и Т. А. Пособина приходят к выводу, что бандой должна признаваться криминальная группа, имеющая оружие не только в широком, криминологическом смысле (согласно Закону об оружии), но и в смысле любых предметов материального и животного мира, способных либо реально причинить ущерб жизни и здоровью потерпевших, либо оказывать психологическое воздействие на них, формируя представление о том, какой ущерб может быть причинен, в том числе неисправное оружие или макеты⁹¹.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда от 12 марта 2002 г. газовое оружие признается тем оружием, которым может быть вооружена банда. Однако полагаем, что это должно быть не любое газовое оружие, а лишь то, для приобретения которого требуется разрешение (лицензия). В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 13 ноября 1996 г. «Об оружии» такое разрешение требуется для приобретения газовых пистолетов и револьверов. Данное решение обусловлено тем, что законодатель разделяет по статусу газовое оружие, в том числе и с учетом характера опасности обращения с ним. Признание оружием в смысле ст. 209 УК предметов, которые не запрещены к обращению, противоречило бы логике оценки оружия как элемента банды. Вряд ли можно признать бандой организованную группу, вооруженную только газовыми баллончиками. Очевидно, в этих случаях речь может идти только о револьверах и пистолетах. При этом на признание признака вооруженности и, соответственно, на квалификацию количество оружия, а также правомерность или неправомочность владения им не влияют.

Понятие сигнального оружия, как справедливо отмечает Р. Д. Шарапов, должно включать только такие устройства, которые конструктивно сходны с другими видами оружия (огнестрельным, газовым и т. д.), но при этом предназначены не для поражения цели, а для подачи соответствующего сигнала⁹². Разумеется, если сигнальное оружие видоизменя-

⁸⁹ См.: Агапов П. В. Указ. соч. С. 65.

⁹⁰ Андреева А., Овчинникова Г. Квалификация бандитизма // Законность. 1996. № 4. С. 18.

⁹¹ См.: Корецкий Д. А., Пособина Т. А. Указ. соч. С. 83.

⁹² См.: Шарапов Р. Д. Понятие оружия как орудия преступления // Журнал российского права. 2005. № 11.

ется и приспособляется для производства поражающих выстрелов, то в этом случае меняется его правовой статус и оно признается уже огнестрельным оружием.

Для установления признака вооруженности банды в соответствии с законом достаточно наличия оружия хотя бы у *одного* из членов банды при условии, что остальные соучастники знали об этом и допускали возможность его применения. Это тот обязательный минимум, который при наличии других необходимых условий дает основание для квалификации по ст. 209 УК. На самом деле практически по всем изученным нами уголовным делам отмечается стремление членов банды к увеличению ее огневой мощи и, прежде всего, за счет автоматического оружия и взрывчатых веществ. Большею частью количество единиц оружия соответствует, а нередко и превышает численность банды. Так, при задержании банды А. в Свердловской области, в которую входило 13 человек, были изъяты автоматы Калашникова, пистолеты Макарова и ТТ, гранаты РГД-5, взрывчатые вещества, холодное оружие, противотанковые ракетные комплексы «Фагот» и ручной противотанковый гранатомет.

Оружие, боеприпасы, патроны и взрывчатые вещества могут быть как заводского изготовления, так и самодельными. Вместе с тем использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия, например неисправного пистолета или его макетов, не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности, а содеянное должно расцениваться как групповой разбой или иное преступление. В тех случаях, когда для определения характера предметов требуются специальные познания, по делу необходимо проведение соответствующей экспертизы (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г.).

Суммируя вышеизложенное, можно дать следующее определение понятия вооруженности при бандитизме. Организованную группу следует признавать *вооруженной* (бандой), если у ее членов имеются предметы или устройства, конструктивно предназначенные для поражения живой цели и вследствие этого имеющие определенный правовой статус (запрещены к гражданскому обороту или ограничены в обороте в силу специального разрешения).

Банда должна создаваться с определенной целью – совершения нападений на граждан или организации. В связи с этим весьма важным является определение понятия *нападения*. По мнению ряда ученых, нападение – это агрессивное противоправное действие, совершаемое с какой-либо преступной целью и создающее реальную и непосредственную опасность немедленного применения насилия как средства достижения цели. Таящаяся в нападении опасность насилия может быть немедленно реализована нападающим путем физического воздействия на личность потерпевшего или реальной угрозы немедленного его применения (И. В. Шмаров, Ю. Б. Мельникова, Т. Д. Устинова). По мнению высшего судебного органа страны, «под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения. Нападение вооруженной банды считается состоявшимся и в тех случаях, когда имевшееся у членов банды оружие не применялось» (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г.)⁹³. Полагаем, что понимание под применением оружия не только собственно использования оружия, но и угрозы его применения в полной мере соответствует содержанию диспозиции ст. 209 УК РФ.

⁹³ В совместном приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399, которым была утверждена Инструкция «О порядке заполнения и представления учетных данных», разграничиваются понятия «использование» и «применение» оружия. При этом под применением оружия понимается непосредственное его использование по своему целевому назначению. Например, из огнестрельного или газового оружия был произведен выстрел на поражение какой-либо цели. Производство выстрела, в результате которого произошел промах или осечка, также следует считать применением оружия (см.: Российская газета. 2006. № 13; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5).

По нашему мнению, *нападение* – это создание обстановки опасного состояния, в пространственных и временных границах которого сохраняется угроза применения насилия к неопределенно широкому кругу лиц. И совершенно справедливо отмечают А. Андреева и Г. Овчинникова, что «нападение может выражаться в трех формах: физическом насилии, психическом насилии (в реальной и непосредственной угрозе) и опасности (субъективной и объективной готовности) немедленного насилия»⁹⁴. Поэтому как нападения следует оценивать и те конкретные эпизоды, когда возможность применения оружия обговаривалась, но в силу случайностей (в квартире не оказалось жильцов, сторож отлучился с объекта охраны и т. д.) надобность в применении оружия отпала.

В последние годы в литературе высказывалось мнение, что нападение может быть связано не только с совершением противоправных действий в отношении людей, но и с уничтожением имущества, помещений, транспортных средств и т. д. Изучение материалов судебной практики подтверждает данную точку зрения. Представляется, что такое решение вполне оправданно. Объективно это обосновано наличием оружия и реальной возможностью его применения в случае необходимости, субъективно – сознанием членами банды возможности его применения и желанием применения оружия в случае надобности. Именно вероятность, готовность использования насилия, наряду с фактом существования устойчивой группы, и обусловили позицию законодателя о признании бандитизма окончанным преступлением с момента создания вооруженной банды, т. е. с момента готовности применить насилие для достижения целей банды.

В уголовно-правовой доктрине и среди практических работников достаточно широкое распространение получила точка зрения о содержании нападения как применения угрозы убийством или причинения насилия, опасного для жизни и здоровья, причинения тяжкого вреда здоровью, совершения убийства при отягчающих и без отягчающих обстоятельств. Надо полагать, что такое решение обоснования фактом применения или угрозы применения оружия как устройств или предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой цели. Однако, как нам представляется, такое решение без достаточных оснований суживает границы нападения. Л. Д. Гаухман по этому поводу справедливо отмечает, что понятие нападения, в частности в составе бандитизма, «употребляется в широком смысле и охватывает различные по характеру действия, в том числе любое по интенсивности насилие и его последствия в виде телесных повреждений или смерти»⁹⁵.

К такому же выводу приводит и анализ действующего законодательства. В УК РСФСР 1960 г. термин «нападение» использовался при описании 6 составов преступлений, в действующем УК – употребляется в ряде статей – ст. 162, 209, 227. При этом в ст. 162 УК (разбой) говорится о нападении, которое соединено с насилием, опасным для жизни и здоровья подвергшегося нападению лица, или с угрозой применения такого насилия. Применительно к составу бандитизма в ст. 209 подобной оговорки не содержится. Следовательно, законодатель не исключает при бандитском нападении возможность применения и насилия, не опасного для жизни и здоровья, или угрозы применения такого насилия. В судебной практике достаточно примеров, когда в результате целенаправленных действий потерпевшим причинялись легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья.

Следует отметить, что в настоящее время в специальной литературе и судебной практике сложилось мнение, что банда не обязательно долж на создаваться в целях соверше-

⁹⁴ См.: Андреева А., Овчинникова Г. Указ. соч. С. 17. – Примерно такого же мнения придерживается и П. В. Агапов (см.: Агапов П. В. Указ. соч. С. 73).

⁹⁵ См.: Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 101.

ния неопределенного количества преступлений, но может организовываться для совершения и одного, но требующего серьезной подготовительной работы, нападения⁹⁶.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

С *объективной стороны* бандитизм выражается, в отличие от его трактовки в УК 1960 г., в четырех формах: в создании банды, руководстве такой бандой (ранее эта форма рассматривалась как разновидность создания банды), участии в банде или участии в совершаемых бандой нападениях. Эти формы относительно самостоятельны, и преступление будет окончено с момента совершения любого из названных действий. Другой новеллой объективной стороны бандитизма является дифференциация ответственности лица в зависимости от характера выполняемых лицом действий.

В соответствии с ч. 1 ст. 209 наиболее опасной формой являются действия организаторов и руководителей банд. По ч. 2 данной статьи к ответственности привлекаются участники таких банд или участники нападений. Создание банды как форма проявления бандитизма в судебной практике встречается редко, поскольку упомянутая деятельность отражается в подготовительных к нападению действиях, внешний контроль за которыми весьма затруднен. При изучении судебной практики мы обнаружили лишь один случай, когда виновным лицам бандитизм вменялся в форме создания банды. Студент Воронежского мединститута З. задумал нелегально уехать за границу. С этой целью он подыскал себе сообщников, вместе с ними разработал различные варианты ограбления отдельных граждан либо кассира какого-либо учреждения в день выдачи зарплаты или какого-либо ювелирного магазина и последующего прорыва с похищенным за границу. Для реализации своего намерения эта устойчивая группа по инициативе З. различными путями (изготавливали детали на заводе, откапывали в местах, где шли боевые действия во время Великой Отечественной войны, и т. д.) приобретала оружие. Во время тренировки и пристрелки пулемета в лесу члены банды были задержаны.

В теории уголовного права и судебной практике под *созданием* банды понимаются любые действия, результатом которых стала организация устойчивой вооруженной группы лиц, имеющей целью совершение нападений на отдельных граждан, государственные и негосударственные структуры. При этом под созданием понимается не процесс, направленный на создание банды, а результат предпринимаемых виновными усилий. В тех случаях, когда действия, направленные на создание организованной устойчивой вооруженной группы, в силу их пресечения правоохранительными органами либо по другим обстоятельствам, не зависящим от воли создателей, не привели к сформированию банды, они должны квалифицироваться как покушение на создание банды. Организационные действия могут совершаться одним или несколькими лицами и носить многообразный характер, однако в каждом случае суды обязаны в приговоре указать, в чем конкретно выразились данные действия (сговор соучастников, подбор сообщников и распределение ролей между ними, разработка планов, подыскание источников приобретения оружия, иное материальное обеспечение группы и т. п.). Установление факта создания банды всегда должно предшествовать доказательствам по обоснованию вменения членам и руководителям банды конкретных нападений.

Руководство бандой выражается в определении направлений деятельности уже созданной банды. Оно может выражаться в планировании и выборе объектов нападений, вербовке новых членов, распределении обязанностей между соучастниками в процессе деятельности банды либо во время нападений, даче указаний и распоряжений членам банды,

⁹⁶ См.: Расследование бандитизма. М., 2000. С. 5; *Островских Ж. В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бандитизма. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 12.

определении местонахождения оружия, руководстве совершением конкретных акций, распределении похищенных средств и тому подобных действиях. В обобщенной форме понятие руководства бандой было сформулировано Пленумом Верховного Суда РФ следующим образом: «Под руководством бандой понимается принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, так и с совершением ею конкретных нападения».

Как правило, создатели и руководители банды – это одни и те же лица, однако возможны и другие ситуации, когда одни лица создают банду, а другие осуществляют руководство ею (находится более сильный лидер, создатели привлекаются к уголовной ответственности по другим делам либо вообще выбывают из банды). Для квалификации это значения не имеет.

Более сложными для правовой оценки являются случаи, когда создатели и руководители банды одновременно принимают участие и в совершаемых нападениях, а таких случаев по изученной судебной практике оказывается абсолютное большинство. Поскольку создание и руководство бандой предусматриваются одной частью ст. 209, а участие в банде или в совершаемых ею нападениях – другой, то возникает вопрос о квалификации по совокупности преступлений. Отдельные авторы полагают, что, поскольку организация банды и руководство ею, участие в ней и в совершаемых ею нападениях предусмотрены в разных частях ст. 209 УК и представляют собой, таким образом, самостоятельные преступные деяния, действия руководителя или организатора банды, участвовавших в совершаемых ею нападениях, следует квалифицировать по ч. 1 и 2 ст. 209 УК⁹⁷.

Мы считаем, что квалификация по совокупности преступлений в таких случаях невозможна, поскольку в обеих ситуациях мы имеем дело с одним и тем же преступлением, имеющим различные формы выражения. Выделение ч. 1 и 2 ст. 209 обусловлено не тем, что это разные преступления, а стремлением законодателя дифференцировать ответственность виновных лиц в зависимости от характера их участия в преступлении. Создание банды, руководство бандой, участие в банде и в совершаемых ею нападениях являются различными формами проявления одного и того же преступления – бандитизма. Поэтому квалификация по совокупности частей в данном случае будет означать двойную ответственность за одно и то же преступление, что вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 6 УК, закрепляющей принцип справедливости. Такой подход находит подтверждение не только в специальной литературе, но и в судебной практике.

Так, по делу Р. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 18 марта 1998 г. указала: «...по смыслу закона субъектами уголовной ответственности за бандитизм являются как создатели и руководители банды, так и ее участники. Причем единственное разграничение состоит в том, что для создателей и руководителей банды предусмотрена более строгая мера наказания. Поэтому действия создателей и руководителей банды подлежат квалификации только по ч. 1 ст. 209 УК РФ, и дополнительной правовой оценки тех же действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ не требуется»⁹⁸.

Основной формой бандитизма является *участие в банде* (ч. 2 ст. 209 УК). На данной стадии происходит уже более конкретное распределение ролей и обязанностей членов банды, осуществляется непосредственная подготовка к совершению нападения. Участие в банде означает выполнение функций члена банды. Член банды – это лицо, которое дало согласие на участие в деятельности банды и подтвердило его своей практической деятельностью в любой форме (участие в обсуждении планов банды, выполнение функций раз-

⁹⁷ См.: Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за бандитизм (по новому УК РФ). М., 1997. С. 17.

⁹⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 11; Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. С. 90.

ведчика объектов нападения, предоставление финансовых средств, различных документов или выполнение любых иных действий во исполнение планов банды).

Форма вступления в банду может быть различной: устное или письменное согласие, совершение действий, которые свидетельствуют о присоединении лица к преступной деятельности банды, например постоянное выполнение каких-либо поручений руководителей банды. Важно, чтобы это лицо считало себя участником банды, а другие члены рассчитывали на его помощь в любой форме в деятельности банды. Членство в банде не обязательно связано со знанием всех или нескольких членов банды. Для признания лица членом банды при наличии определенных субъективных моментов достаточно контакта хотя бы с одним членом банды или ее руководителем. По одному из уголовных дел как участник банды по ст. 77 УК РСФСР 1960 г. была осуждена сожительница одного из братьев – организаторов банды. Она сбывала похищенное бандой имущество, предоставляла свою квартиру для дележа похищенного и обсуждения совершенных и планируемых нападений.

В соответствии со ст. 209 УК не требуется, чтобы все члены банды принимали непосредственное участие в нападениях. Согласно планам банды отдельные члены могут выполнять и иные функции (выбирать объекты нападений, предоставлять транспорт, оружие или боеприпасы, осуществлять функции разведчиков либо сбывать похищенное), не участвуя при этом в нападениях. Действия таких лиц квалифицируются как участие в банде без ссылки на ст. 33 УК, поскольку банда в качестве формы соучастия предполагает не только соисполнительство, но и распределение ролей.

От членства в банде следует отличать *пособничество* бандитизму, когда лицо эпизодически оказывает содействие членам банды в ее деятельности. Чаще всего это выражается в однократных актах по предоставлению транспорта либо иных предметов, в том числе и орудий преступления, доставке соучастников к месту совершения нападения, совершении иных подобных действий, не связанных с непосредственным совершением нападения. В тех же случаях, когда такое содействие носит постоянный характер, пособничество превращается в «участие в банде».

В процессе деятельности банды ее участники помимо нападений могут совершать и другие преступления (хищения имущества, причинение физического вреда здоровью потерпевших, изготовление поддельных документов, угон автотранспорта, хищение оружия и т. д.). Когда такие действия совершаются самостоятельно, вне связи с планами и намерениями банды, они должны квалифицироваться по совокупности преступлений как бандитизм и соответствующее преступление. Квалификация по совокупности сохраняется даже в тех случаях, когда члены банды сознают факт совершения преступления отдельными членами вне рамок банды. Более сложным является решение вопроса о правилах квалификации в тех случаях, когда совершение самостоятельных преступлений обусловлено членством в банде.

В специальной литературе высказываются два диаметрально противоположных мнения по квалификации таких ситуаций. Одни авторы полагают, что необходима квалификация по совокупности ст. 209 и соответствующих статей УК (И. В. Шмаров, Ю. Б. Мельникова, Т. Д. Устинова). В период действия УК 1926 и 1960 гг. большинство ученых исходило из правила, что совершение бандой иных преступлений охватывается бандитизмом и не требует дополнительной квалификации по совокупности (Н. И. Загорожников, М. П. Карпушин).

Судебная практика в этом смысле также не отличается последовательностью. В 1955 г. Пленум Верховного Суда СССР по одному из конкретных дел рекомендовал хищение, совершенное бандой, квалифицировать по совокупности преступлений⁹⁹. В 1975 г. Пленум Верховного Суда СССР указал: «Умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападениях, подпадает под признаки бандитизма и не требует дополнительной квали-

⁹⁹ См.: Судебная практика Верховного Суда СССР. 1955. № 5. С. 1–3.

фикации по ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик». В 1989 г. высшая судебная инстанция СССР свою позицию изменила и рекомендовала судам «случаи умышленного убийства, совершенного участниками банды при нападениях, квалифицировать по совокупности преступлений как бандитизм и умышленное убийство». В 1992 г. Верховный Суд РФ подтвердил эту позицию Верховного Суда СССР, указав, что «умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападении, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как бандитизм и умышленное убийство». В 1993 г. Верховный Суд РФ, обобщая судебную практику по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами, подчеркнул, что «хищение наркотических средств, совершенное вооруженной бандой, подлежит квалификации по совокупности ст. ст. 77 и 224¹ УК РСФСР». На конец, в 1993 г. при обобщении судебной практики по делам о бандитизме Верховный Суд РФ по этому поводу указал: «Судам следует иметь в виду, что ст. 77 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за организацию вооруженных банд, участие в них и в совершаемых ими нападениях, не предусматривает ответственности за возможные последствия преступных действий вооруженных банд, в связи с чем требуют дополнительной квалификации преступные последствия нападений, образующие самостоятельный состав тяжкого преступления»¹⁰⁰.

В п. 13 постановления от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Судам следует иметь в виду, что ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ»¹⁰¹.

И. Шмаров, Ю. Мельникова, Т. Устинова поддерживают последнюю позицию судебных органов, мотивируя это, в частности, тем, что «бандитизм, как оконченный состав преступления, не предполагает наступление определенных последствий»¹⁰². Иные правила квалификации предлагают А. Андреева и Г. Овчинникова, по мнению которых «совокупности преступлений не может быть, если объективная сторона второго состава, даже тяжкого преступления, как и бандитизм, выражается только в нападении. Таким образом, поглощаются составом бандитизма акты «разбойного нападения» как для завладения имуществом, так и оружием, поскольку и вооруженность, и нападение в целях завладения – это элементы бандитизма, который как более опасный состав поглощает ч. 3 ст. 218 УК»¹⁰³.

По нашему мнению, рекомендации о квалификации совершенных бандой преступлений по совокупности с бандитизмом являются отражением тенденции придать норме о бандитизме более широкий, чем определено законодательными рамками, характер. В целях усиления ответственности за различные формы проявления организованной преступности статья о бандитизме интерпретируется как норма, предусматривающая ответственность за организованную деятельность и участие в организации безотносительно к характеру и содержанию совершаемых бандой преступлений.

¹⁰⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977 гг.). Ч. 2. М., 1978. С. 192; Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 6; Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 548, 552, 562.

¹⁰¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

¹⁰² См.: Шмаров И., Мельникова Ю., Устинова Т. Ответственность за бандитизм: проблемы квалификации // Законность. 1994. № 5. С. 9.

¹⁰³ См.: Андреева А., Овчинникова Г. Указ. соч. С. 19.

Необходимость квалификации убийства, совершенного вооруженной бандой при нападении, по совокупности преступлений сомнений не вызывает. Однако рекомендации о квалификации по совокупности и в иных случаях нам представляются недостаточно обоснованными, поскольку это ведет к выхолащиванию содержания бандитизма, утрате его самостоятельных объективных и субъективных качеств. В силу повышенной общественной опасности законодатель признает бандитизм оконченным преступлением с момента организации банды, руководства ею или участия в ней. Однако это совершенно не означает, что последующие действия, связанные с совершением иных самостоятельных преступлений, требуют дополнительной оценки.

Бандитизм – это сложное преступление, которое характеризуется четко зафиксированными в законе объективными признаками: наличием организованной устойчивой вооруженной группы (банды) и специальной целью. Если совершаемые преступления охватываются указанными признаками, то нет никаких оснований квалифицировать содеянное бандой по совокупности ст. 209 и соответствующих статей УК. Квалификация по совокупности в таких случаях возможна лишь тогда, когда имеет место посягательство членов банды на более ценный объект уголовно-правовой охраны, нежели объект бандитизма. По действующему законодательству таковым является жизнь человека. Именно с учетом этого обстоятельства Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 1992 г. рекомендовал судам квалифицировать умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападении, по совокупности преступлений как бандитизм и умышленное убийство. Следует отметить, что такая рекомендация может логично повлечь за собой изменение подходов в квалификации и других преступлений, например дополнительную квалификацию по совокупности фактического завладения имуществом при разбое и вымогательстве.

Обратим внимание и на внутреннюю противоречивость изложенной рекомендации. Если банда совершила хищение оружия, например для увеличения своего арсенала, то обязательной должна быть квалификация по совокупности ст. 209 и 226 УК. В случаях незаконного приобретения, ношения или изготовления оружия в тех же целях необходимости в квалификации по совокупности не возникает. Судебная практика последних лет идет именно таким путем. Так, по делу К. и других Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 7 августа 2003 г. приговор изменила в части назначения наказания, в остальном оставила его без изменения. При этом Судебная коллегия подчеркнула: «О вооруженности банды свидетельствует наличие у ее членов огнестрельного оружия, боеприпасов, с чем многие из них задерживались неоднократно и были осуждены к различным срокам лишения свободы. Часть оружия и боеприпасов, принадлежавшая банде, обнаружена и изъята на месте совершения ими преступлений в отношении конкретных лиц, часть – в используемых ими транспортных средствах, в других случаях оружие и боеприпасы обнаружены и изъяты на квартирах, снимаемых членами банды. Все были осведомлены о наличии оружия у каждого члена банды, видели его друг у друга, постоянно незаконно приобретали новое вместо использованного, стреляли из него на стрельбах, перевозили, хранили на снимаемых квартирах». При этом действия К. и других были квалифицированы по ст. 209 УК и некоторым другим, но без указания на ст. 222 или 226 УК РФ¹⁰⁴. Другое дело, если члены банды приобретают или похищают оружие не для вооружения, а, например, для торговли им. В этом случае квалификация по совокупности ст. 209 и 222 или 226 УК уже необходима.

Действующий УК усилил ответственность за незаконный оборот оружия и его изготовление, отнеся случаи их совершения по предварительному сговору к числу тяжких преступлений. Таким образом, нелогичность оценки вроде бы была устранена. Однако противоречие сохранилось в другом. Вооруженность является обязательным, конститутивным

¹⁰⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4.

признаком банды и, следовательно, имманентно присуща ей. Зачем же тогда нужна квалификация по совокупности?

Таким образом, если совершаемые преступления (хищения, причинение вреда здоровью, приобретение оружия в различных формах и т. д.) охватываются указанными признаками, то нет никаких оснований квалифицировать содеянное бандой по совокупности ст. 209 и соответствующих статей УК. О квалификации по совокупности можно говорить лишь в тех случаях, когда содеянное не охватывается признаками бандитизма либо когда это преступление совершается после нападения и не имеет с ним связи (например, причинение физического вреда сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющим задержание членов банды). В связи с этим совершенно справедливо отмечает Р. Р. Галиакбаров, что, во-первых, при конкуренции составов, если один из них охватывает другой, квалификация по совокупности должна исключаться и, во-вторых, таким путем фактически нарушается принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК), ибо никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление¹⁰⁵.

Участие в *совершаемых бандой нападениях* является второй формой бандитизма, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК. В судебной практике она встречается редко. Это самостоятельная форма бандитизма, за которую несут ответственность лица, не являющиеся членами банды, но, тем не менее, сознательно участвующие в отдельных нападениях. Под *участием в нападении* следует понимать действия лиц, которые не только, допустим, применяли оружие или изымали похищенное, но и непосредственно обеспечивали нападение (доставляли членов банды к месту нападения, устраняли препятствия во время нападения, находились на страже и т. д.). При систематическом обеспечении нападений лицо по существу становится членом банды и должно отвечать уже только по ст. 209 УК. Выполнение лицом, не являющимся членом банды, действий по обеспечению нападения, но вне места и времени его совершения, следует расценивать не как участие в нападении, а как *пособничество* бандитизму, квалифицируемое по ст. 33 и 209 УК. Такой вывод следует из факта возможного распределения ролей в месте совершения нападения. Оценка действий в качестве участия в нападении при распределении ролей возможна лишь во временных и территориальных рамках нападения. Как пособничество бандитизму должны квалифицироваться и действия лиц, не являющихся членами банды, но совершавших эпизодические действия в интересах банды.

Бандитизм считается выполненным при наличии любой из четырех названных форм. Для лиц, участвующих в создании и руководстве деятельностью банды, преступление окончено с момента создания вооруженной банды независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления. Согласно п. 7 постановления от 17 января 1997 г. «создание вооруженной банды является в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ окончанным составом преступления независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления». Таким образом, судебная практика отвергла одно время бытовавшее среди специалистов мнение о признании организации вооруженной банды окончанным преступлением с момента начала организационной деятельности. Для члена банды преступление считается окончанным с момента участия в любой форме в деятельности банды. Если лицо дало согласие на вступление в банду, но не успело принять участие в практической деятельности банды, то содеянное следует квалифицировать по ст. 30 и ст. 209 УК. Для лица, принимающего участие в нападении, преступление признается окончанным с момента участия в нападении.

С *субъективной стороны* бандитизм традиционно характеризуется в теории уголовного права и судебной практике прямым умыслом, поскольку в ст. 209 УК содержится указа-

¹⁰⁵ См.: Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. С. 93.

ние на *специальную* цель деятельности банды – совершение нападений. При этом сознанием виновных лиц должны охватываться: а) для организаторов и руководителей банд – организация или руководство деятельностью организованной устойчивой и вооруженной группы лиц, имеющей целью совершение нападений; б) для участников банды – совершение нападений в составе вооруженной устойчивой группы или участие в иной форме в деятельности этой группы; в) для участников отдельных нападений – участие в нападениях в составе устойчивой вооруженной группы. Организаторы и члены банд, а также участники нападений, сознавая вышеизложенные обстоятельства, желают действовать именно таким образом. Что касается отношения к конкретным последствиям нападений, например, к причинению вреда здоровью в результате нападения, то оно может быть в форме как прямого, так и косвенного умысла.

В конкретных случаях нападения банд могут осуществляться в целях совершения убийств, причинения вреда здоровью, изнасилования, захвата заложников, похищения людей, завладения имуществом граждан и организаций, уничтожения либо повреждения имущества, подчинения влиянию банд определенных территорий или определенных лиц и т. д. Анализ судебно-следственной практики показывает, что абсолютное большинство банд действует по корыстным мотивам и преследует в качестве главной цели получение материальной выгоды.

Субъектами бандитизма являются вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста (ст. 20 УК). Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие в составе банды преступления (убийства, причинение вреда здоровью, хищения и т. д.), отвечают по статьям, предусматривающим ответственность за эти преступления, если ответственность за их совершение наступает с 14 лет. Вместе с тем в литературе было высказано мнение, что бандой следовало бы признавать преступное объединение в составе трех и более лиц¹⁰⁶. Такое мнение не лишено оснований, однако оно имеет право на реализацию только в случае его законодательного закрепления.

Принципиальным и достаточно сложным является вопрос о *пределах* ответственности виновных лиц за совершение бандитизма. По мнению М. П. Карпушина, «члены банды должны нести ответственность не только за те нападения, в которых они сами непосредственно участвовали, но и за те, которые были совершены без их непосредственного участия, но не выходили за пределы целей и планов банды и физически, материально или по крайней мере морально ими поддерживались»¹⁰⁷. В. Осин считает, что «за любые преступления, установленные уголовным законом, организаторы банд должны нести уголовную ответственность по ст. 77 УК до тех пор, пока созданная ими криминальная группа не будет уничтожена или самоликвидируется»¹⁰⁸.

Согласно ч. 5 ст. 35 УК «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части

¹⁰⁶ См.: Галимов И. Г., Сундуров Ф. Р. Указ. соч. С. 141; Хадзегов А. В. Банда и состав бандитизма в уголовном праве России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 12.

¹⁰⁷ См.: Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 100.

¹⁰⁸ См.: Осин В. Преступление совершено организованной группой // Российская юстиция. 1995. № 5. С. 22.

настоящего Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали».

Таким образом, виновным лицам должны вменяться конкретно совершенные ими действия, охватываемые признаками бандитизма (организация банды, руководство бандой, участие в банде или в совершенных бандой нападениях), а также иные преступления, которые совершаются во исполнение планов и намерений банды, но участникам банды такие действия вменяются только тогда, когда они принимают непосредственное участие в их подготовке, а организаторам и руководителям – если они охватывались их умыслом. Это правило распространяется и на слу чай, когда руководители или участники банд по тем или иным причинам (задержаны правоохрaнительными органами, заболели и т. п.) участия в совершении подготовленных преступлений не принимали. В случаях, когда характер преступлений меняется настолько, что это влечет иную квалификацию (вместо причинения вреда здоровью – причинение смерти, вместо простого состава – квалифицированный и т. д.), содеянное не может вменяться виновным, поскольку оно не охватывалось умыслом соучастников и, следовательно, отсутствует субъективное основание уголовной ответственности за соучастие.

В отличие от УК РСФСР 1960 г. в новом законодательстве предусматривается *квалифицированный вид* бандитизма – совершение его лицом с использованием своего служебного положения. Основными побудительными причинами введения данного квалифицирующего признака является стремление законодателя посредством уголовного закона перекрыть каналы коррупции среди работников государственного аппарата, создающих соответствующее прикрытие для деятельности банд, исключить утечку информации из правоохрaнительных органов.

Согласно п. 11 постановления Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. под *совершением бандитизма с использованием своего служебного положения* (ч. 3 ст. 209 УК РФ) следует понимать «использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т. п.». Использование лицом своего служебного положения означает не только реализацию тех прав и обязанностей, которые предоставляются соответствующим лицам по закону, но и использование возможностей, вытекающих из его служебного положения (связи, авторитет, возможность контактов с нужными людьми и т. д.).

Бандитизм весьма близок к такому преступлению, как разбой. Если разбойное нападение совершается организованной вооруженной группой лиц (п. «г» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 162 УК), то отграничение может проходить только по признаку наличия предметов, используемых в качестве оружия, что не свойственно бандитизму. Определение законодателем в качестве основного признака организованной группы устойчивости логично привело к тому, что применительно к рассматриваемой ситуации образуется простор для злоупотреблений со стороны правоохрaнительных органов. В зависимости от решения конкретных задач нападение, совершаемое организованной вооруженной группой, можно будет квалифицировать и как разбой, и как бандитизм. Такое положение не соответствует принципам законности и справедливости уголовного права, поскольку данные преступления различаются как по характеру, так и по степени общественной опасности, отраженных в санкциях соответствующих статей.

3. Организация преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК)

Статья 210 УК является новой для уголовного законодательства России, поскольку УК РСФСР 1960 г. не содержал нормы, предусматривающей ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Между тем криминальная организованность¹⁰⁹ не просто нарушает нормальное функционирование социальных и экономических институтов общества и государства, но и создает прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности. Международное сообщество давно озабочено темпами прироста и масштабами распространения организованной преступности. 15 ноября 2000 г. в Нью-Йорке была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности¹¹⁰.

Согласно ст. 5 (Криминализация участия в организованной преступной группе) этой Конвенции каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а) оба или одно из следующих деяний, не относя их к покушению на совершение преступления и независимо от фактического совершения преступного деяния:

i) сговор с одним или несколькими лицами относительно совершения серьезного преступления, преследующего цель, прямо или косвенно связанную с получением финансовой или иной материальной выгоды, причем, если это предусмотрено внутренним законодательством, также предполагается фактическое совершение одним из участников сговора какого-либо действия для реализации этого сговора или причастность организованной преступной группы;

ii) деяния какого-либо лица, которое с осознанием либо цели и общей преступной деятельности организованной преступной группы, либо ее намерения совершить соответствующие преступления принимает активное участие в:

а. преступной деятельности организованной преступной группы;

б. других видах деятельности организованной преступной группы с осознанием того, что его участие будет содействовать достижению вышеуказанной преступной цели;

в) организацию, руководство, пособничество, подстрекательство, содействие или дачу советов в отношении серьезного преступления, совершенного при участии организованной преступной группы.

Государства-участники, внутреннее законодательство которых в качестве элемента составов преступлений, признанных таковыми в соответствии с п. 1 «а» «i)», предусматривает причастность организованной преступной группы, обеспечивают, чтобы их внутреннее законодательство относилось к числу серьезных преступлений все преступления, совершаемые при участии организованных преступных групп. Такие государства-участники, а также государства-участники, внутреннее законодательство которых в качестве элемента составов преступлений, признанных таковыми в соответствии с пунктом 1 «а» «i)», предусматривает фактическое совершение действия по реализации сговора, сообщают об этом Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций при подписании ими настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

¹⁰⁹ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 536–537.

¹¹⁰ Россия подписала Конвенцию 12.12.2000 г. (Распоряжение Президента РФ от 09.12.2000 г. № 556-рп), ратифицировала с заявлениями (Федеральный закон от 26.04.2004 г. № 26-ФЗ). Конвенция вступила в силу для России 25.06.2004 г.

При этом в понимании государств-участников «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду (ст. 1).

В 2006 г. в России было зарегистрировано 5348 преступлений, совершенных в составе организованной группы (преступного сообщества), в том числе по ст. 210–255, а к уголовной ответственности привлечены 11 715 человек, совершивших преступление в составе организованной группы (преступного сообщества). По данным одного из заместителей министра внутренних дел РФ, на февраль 2007 г. министерство обладало информацией о деятельности 446 формирований, из которых у 9 имелись международные, а у 50 – межрегиональные связи. На тот же момент в России насчитывалось 184 вора в законе, из которых 40 отбывали наказание в местах лишения свободы.

Организованная преступность представляет собой вид преступности, системно связанную совокупность преступлений, совершаемых участниками устойчивых, иерархизированных, планомерно действующих преступных структур (групп, сообществ, ассоциаций), деятельность которых прямо или опосредованно взаимоподкрепляется или согласуется, будучи направлена на извлечение максимальной прибыли из преступного бизнеса на определенной территории или в определенной сфере, взятой под контроль. В докладе Генерального секретаря ООН на второй сессии Комиссии по предотвращению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН 13–23 апреля 1993 г. сформулирован следующий перечень признаков организованной преступности:

а) организованная преступность – это деятельность объединений преступных групп или группировок, объединившихся на экономической основе. Эти группировки очень напоминают банды периода феодализма, которые существовали в средневековой Европе. Экономические выгоды извлекаются ими путем предоставления законных услуг и товаров в незаконной форме;

б) организованная преступность предполагает конспиративную преступную деятельность, в ходе которой с помощью иерархически построенных структур координируется планирование и осуществление незаконных деяний или достижение незаконных целей с помощью незаконных средств;

в) организованные преступные группировки имеют тенденцию устанавливать частичную или полную монополию на предоставление незаконных товаров и услуг потребителям, поскольку таким образом гарантируется получение более высоких доходов;

г) организованная преступность не ограничивается лишь осуществлением такой заведомо незаконной деятельности, как «отмывание» денег через законные экономические структуры и манипуляции, осуществленные с помощью электронных средств. Преступные группировки проникают во многие доходные законные виды деятельности;

д) организованные в группировки преступники используют в своей «работе» различные меры, которые могут быть изощренными и тонкими или, наоборот, грубыми, прямыми и острыми, для установления монополии на предоставление незаконных товаров и услуг, для проникновения в законные виды деятельности и коррумпирования должностных лиц¹¹¹.

Вышеперечисленные сущностные признаки в совокупности, как представляется, полностью отражают характеристику такого социально опасного явления, как организованная преступность. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что приведенное понятие организованной преступности – понятие криминологическое и в силу своей недостаточной опреде-

¹¹¹ См: Основы борьбы с организованной преступностью М 1996 С 10

ленности и многосложности не может напрямую закрепляться в уголовном законе. Поэтому законодатель в УК РФ предусматривает соответствующие этому понятию уголовно-правовые формы проявления организованной преступности – организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию).

В последние годы отмечается тенденция к усилению контроля со стороны преступных сообществ за средствами массовой информации и использованию их в своих целях, проникновению их представителей в органы государственной власти различных уровней. Поэтому борьба с организованной преступностью и коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер. Введение ст. 210 в УК РФ 1996 г. является отражением стремления законодателя создать правовую основу защитного механизма общества от столь опасного явления, как организованная преступность.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. в юридической литературе шли активные споры о том, достаточно ли было правовых мер для борьбы с организованной преступностью и нужно ли еще и в отдельной статье Особенной части УК предусматривать ответственность за организацию преступной деятельности. Ряд авторов полагали, что действующий в то время УК РСФСР не содержал достаточной правовой базы для привлечения к уголовной ответственности лиц, непосредственно осуществляющих общее руководство сообществом, не связанное с подготовкой и совершением конкретных преступлений, и активно поддерживали такое решение (А. И. Долгова, С. В. Дьяков, В. С. Овчинский). Другие, наоборот, категорически возражали против криминализации соответствующей деятельности (И. М. Гальперин, Г. Н. Борзенков). Наряду с этим в литературе высказывалась и позиция, согласно которой к изменению законодательства необходимо подходить осторожно (С. И. Никулин). В конечном итоге возобладала первая точка зрения, и законодатель включил в УК РФ ст. 210.

Понятие преступного сообщества (преступной организации) формулируется в Общей части УК РФ. Согласно ч. 4 ст. 35 УК *преступным сообществом (преступной организацией)* признается сплоченная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях. Данное определение в своих основных чертах воспроизводит определение преступного сообщества, содержащееся в ст. 52 Уголовного уложения Российской империи 1903 г.: «Согласившийся принять участие в преступном сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не бывший соучастником тяжкого преступления или преступления, отвечает только за участие в сообществе. Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказывается в случаях, особо законом указанных».

В Модельном Уголовном кодексе стран СНГ содержится иное определение преступного сообщества: «...преступным сообществом признается сплоченное объединение организованных преступных групп с целью получения незаконных доходов» (ч. 4 ст. 38). Поразному определяется преступное сообщество в новейших УК стран СНГ. Так, согласно УК Кыргызской Республики, «преступным сообществом признается предварительное объединение двух или более организованных групп для занятия преступной деятельностью» (ч. 5 ст. 29). По УК Республики Узбекистан «преступным сообществом признается устойчивое сплоченное объединение двух или более лиц или групп, предварительно организовавшихся для систематического совершения тяжких или особо тяжких преступлений» (ч. 5 ст. 31) УК Республики Таджикистан признает преступным сообществом «две или несколько преступных групп, организовавшихся для неоднократного совершения тяжких или особо тяжких преступлений, в устойчивую организацию, деятельность которой основывается на разделении между членами сообщества и его структурами функций управления, обеспечения и исполнения преступных целей сообщества» (ч. 4 ст. 39). УК Республики Беларусь делает

акцент на другом обстоятельстве: «Преступной организацией признается объединение организованных групп либо их организаторов (руководителей), иных участников для разработки или реализации мер по осуществлению *преступной деятельности* (выделено нами. – В. К.) либо созданию условий для ее поддержания и развития» (ч. 1 ст. 19). Столь существенные различия в определении преступного сообщества свидетельствуют об отсутствии в уголовно-правовой доктрине последних десятилетий четких критериев и показателей этого социально опасного явления.

Между тем главным условием установления ответственности за организационную деятельность по совершению преступлений является точное, не допускающее двусмысленного толкования определение понятия и признаков преступного сообщества (преступной организации). Однако законодателю в ст. 210 УК РФ, к сожалению, не удалось решить эту проблему. Отсутствие четких критериев, отграничивающих преступное сообщество (преступную организацию) от организованной группы, является базой для возможных злоупотреблений и, в частности, предоставляет правоохранительным органам либо неоправданно сужать понятие организованной группы, либо, наоборот, расценивать случаи совершения организованной группой тяжких или особо тяжких преступлений как совершение их преступным сообществом¹¹².

Данное обстоятельство, а также трудность доказывания оценочных признаков преступного сообщества уголовно-процессуальными средствами приводят к вполне резонным сомнениям в том, что ст. 210 УК РФ в полной мере обеспечивает задачу борьбы с организованной преступностью¹¹³. Вместе с тем в качестве позитивного момента следует отметить увеличение количества дел, возбуждаемых по ст. 210 УК, а также рассмотренных судами, что свидетельствует в том числе и о повышении уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов, о накоплении опыта борьбы с различными формами проявления организованной преступности. Так, если на 1 июля 1999 г. было возбуждено всего 37 уголовных дел, по которым членам преступных организаций, наряду с другими преступлениями, было предъявлено обвинение по ст. 210 УК РФ, то в 2006 г. было возбуждено уже 255 дел.

Термин «организация» в переводе с французского означает «совокупность людей, групп, объединенных для достижения какой-либо цели, решения какой-либо задачи на основе принципов разделения труда, разделения обязанностей и иерархической структуры»¹¹⁴. Следовательно, *организованность* означает внутреннюю упорядоченность, согласованность и взаимодействие составных частей системы и характеризуется весьма широким комплексом признаков: обязательным определением и формулированием целей совместной деятельности, тщательным продумыванием и планированием преступных акций, четко выраженной иерархической структурой и распределением ролей между соучастниками, внутренней жесткой дисциплиной с беспрекословным подчинением по вертикали, активной деятельностью организаторов, продуманной системой материального обеспечения орудиями и средствами совершения преступления, специализацией функций соучастников и самого сообщества, созданием «общака» для финансовой поддержки деятельности сообщества, круговой порукой и конспирацией, отработанными схемами отмывания «грязных» денег и их вложением в различные проекты, созданием системы противодействия различ-

¹¹² Именно с учетом высокого уровня оценочности разграничительных признаков преступного сообщества и организованной группы, в частности признака сплоченности, П. В. Агапов предлагает лишить признак сплоченности самостоятельного уголовно-правового значения и рассматривать ее лишь как критерий устойчивости организованной группы (см.: Агапов П. В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации. Саратов, 2005. С. 18).

¹¹³ См.: Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспекты. М., 1999. С. 10; Галимов И. Г., Сундуров Ф. Р. Указ. соч. С. 119; Скобликов П. Л. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М., 2007. С. 75.

¹¹⁴ См.: Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 349.

ным мерам социального контроля, включая обеспечение безопасности как членов сообщества, так и сообщества в целом и установление связей с коррумпированными лицами государственного аппарата, и т. п.¹¹⁵

Характеристика *сплоченности* как социально-психологической составляющей сообщества (субъективная совместность) была дана при анализе состава бандитизма.

Следующим признаком преступного сообщества (преступной организации) является *наличие специальной цели*. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 210 преступное сообщество или организация должны создаваться в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Ска занное, однако, не означает, что в процессе своей деятельности преступное сообщество не может совершать иные, не отнесенные к указанным, преступления. Основными доходными промыслами для организованной преступности являются распространение наркотиков и оружия, игорный и шоу-бизнес, а также контроль за проституцией и порнографией. Поэтому обоснованным является определение понятия преступного сообщества в ч. 4 ст. 38 Модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ с указанием на признак «цели получения незаконных доходов»¹¹⁶.

Количественные характеристики преступного сообщества (преступной организации) в законе не определяются. Поэтому следует исходить из общих требований о соучастии, предусмотренных ст. 32 УК¹¹⁷.

Оставляя в силе приговор по делу Т., осужденного наряду с другими статьями и по ст. 210 УК, Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что он принимал участие именно в преступном сообществе, которое характеризуется устойчивостью его членов, совместными действиями, направленными на осуществление общих преступных замыслов в целях получения наживы, четким распределением функций и обязанностей каждого члена, среди которых были лица иностранных государств, имело своего руководителя, который распределял конкретные обязанности между участниками. При этом на Т. возлагались обязанности по растаможиванию груза и переправке денег, полученных от продажи неучтенных аккумуляторов, за границу через Латвийское посольство и ВЭФ-банк, а на А. – по реализации контрабандного товара и перечислению денег путем безналичных расчетов за границу. Действия всех членов преступного сообщества были скоординированы и взаимообусловлены¹¹⁸.

По другому делу Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала на такие обязательные признаки преступного сообщества, как сплоченность и организованность, и истолковала их следующим образом: «По смыслу закона под сплоченностью следует понимать наличие у членов организации общих целей, намерений, превращающих преступное сообщество в единое целое. О сплоченности может свидетельствовать наличие устоявшихся связей, организационно-управленческих структур, финансовой базы, единой кассы из взносов от преступной деятельности, конспирации, иерархии подчинения, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения с санкциями за нарушение неписаного устава сообщества.

Признаки организованности – четкое распределение функций между соучастниками, тщательное планирование преступной деятельности, наличие внутренней жесткой дисциплины и т. д.»¹¹⁹.

¹¹⁵ См.: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 10.

¹¹⁶ См.: Приложение к «Информационному бюллетеню» Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 99.

¹¹⁷ И. Г. Галимов и Ф. Р. Сундуров полагают, что преступное сообщество должно состоять из трех человек (см.: Галимов И. Г., Сундуров Ф. Р. Указ. соч. С. 125).

¹¹⁸ Текст определения размещен на сервере Верховного Суда РФ в Internet (<http://www.supcontr.ru>).

¹¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9.

Законодатель говорит о преступном сообществе, в скобках называя также «преступную организацию». Такой подход в среде специалистов породил споры о тождественности данных понятий. Одни авторы считают, что это различные понятия¹²⁰, другие, наоборот, полагают, что данные понятия идентичны¹²¹. На наш взгляд, и с точки зрения этимологического значения, и с точки зрения законодательной логики изложения названия и диспозиции статьи нет оснований для придания различного уголовно-правового значения понятиям «преступное сообщество» и «преступная организация». Это тождественные понятия.

Законодатель дифференцирует ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) в зависимости от того, какие конкретные функции выполняет тот или иной соучастник. В ч. 1 ст. 210 УК предусматривается ответственность за создание или руководство сообществом, входящим в него структурным подразделением или объединением организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп. Более мягкое наказание назначается для участников соответствующего сообщества или объединения по ч. 2 данной статьи. Часть 3 предусматривает ответственность за квалифицированный вид организации преступного сообщества (преступной организации).

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК, выражается в нескольких альтернативных формах: 1) в создании преступного сообщества (преступной организации); 2) в руководстве таким сообществом (преступной организацией) либо входящими в него структурными подразделениями; 3) в создании объединений организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Создание сообщества выражается в совершении любых действий, результатом которых стала организация преступного сообщества (преступной организации). Организационными действиями в указанном смысле будут являться: определение целей деятельности и принципов формирования сообщества, разработка планов деятельности, подбор сообщников и распределение между ними обязанностей, назначение руководителей структурных подразделений, материальное обеспечение деятельности формирования оружием, транспортными, финансовыми и иными необходимыми средствами, а также создание иных необходимых условий для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. В тех случаях, когда сообщество создается в результате объединения ранее существовавших независимо друг от друга организованных групп в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, соответствующие действия по объединению этих организованных групп также следует рассматривать как создание преступного сообщества (преступной организации). Отличительной чертой данной формы объективной стороны является то обстоятельство, что создание сообщества всегда предшествует совершению его членами других преступлений.

В законе подчеркивается, что ответственность наступает за создание преступного сообщества (организации). В связи с этим возникает весьма принципиальный вопрос: значит ли эта формулировка, что сообщество может создаваться с абстрактными целями преступной деятельности и важна лишь общая связь преступников и, соответственно, общая преступная деятельность безотносительно к конкретным формам ее проявления? Убедительную критику такого подхода к оценке совместности дал в своем курсе А. В. Наумов¹²². Полагаем, что в силу принципов уголовного права ответственность за организацию преступ-

¹²⁰ См., напр.: *Досюков Т. В.* Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации). Саратов, 2000. С. 8–9; *Андрюанов А.* Преступная организация и преступное сообщество – самостоятельные уголовно-правовые категории // *Уголовное право.* 2004. № 1. С. 7–8.

¹²¹ См., напр.: *Гришко Е. А.* Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2001. С. 39–40; *Аганов П. В.* Указ. соч. С. 9.

¹²² См.: *Наумов А. В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 305–307.

ного сообщества (преступной организации) должна быть не за неопределенную общую преступную деятельность, а только при том непереносимом условии, что сообщество создается для совершения конкретно-определенных по характеру преступлений.

Руководство сообществом (организацией) выражается в совершении действий по определению тактики деятельности уже созданного формирования. К их числу относятся: разработка текущих и перспективных планов деятельности сообщества, определение объектов воздействия, перераспределение в случаях необходимости обязанностей между членами сообщества или его структурными подразделениями, дача распоряжений по текущим материальным, финансовым и кадровым вопросам обеспечения деятельности сообщества, контроль за сферами деятельности сообщества, установление контактов с коррумпированными представителями органов власти и управления, поддержание необходимой внутрigrупповой дисциплины и т. п. Так, по одному из конкретных дел судебные органы в обоснование признания лица создателем и руководителем преступного сообщества (преступной организации) положили выполнение этим лицом следующих функций:

- осуществление общего руководства и координация деятельности преступного сообщества (преступной организации), его структурных подразделений и организованной группы;

- установление и поддержание связей, обмен информацией в сообществе, между структурными подразделениями, в организованной группе и их участниками;

- планирование деятельности преступного сообщества (преступной организации), его структурных подразделений, организованной группы и их участников для реализации общей преступной цели;

- подготовка к совершению преступлений и их сокрытию;

- организация приобретения и приобретение наркотического средства у отдельных лиц и в других структурных подразделениях сообщества;

- организация сбыта наркотического средства в торговых точках и непосредственно покупателям, в том числе из торговой точки структурного подразделения сообщества, возглавляемого лично виновным лицом;

- подбор и вербовка лиц для участия в деятельности преступного сообщества (преступной организации), его структурных подразделениях и вовлечение новых членов, распределение обязанностей между соучастниками и обучение преступным навыкам;

- учет доходов, полученных преступным сообществом (преступной организацией), определение порядка их использования;

- контроль за поддержанием в организации и ее структурных подразделениях жесткого внутреннего порядка, конспирации и безопасности путем установления и поддержания связей с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов и представителями криминальной среды;

- принятие мер к расширению рынка продажи наркотических средств.

Руководство входящими в сообщество структурными подразделениями означает совершение вышеперечисленных действий уже в созданном сообществе, но на более низком уровне и касающихся более узкого круга людей.

Характерной особенностью *создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп* является то, что оно создается для координации действий различных разрозненно действующих организованных групп в едином направлении, объединении человеческих и материальных ресурсов для их наиболее эффективного использования и получения максимальной выгоды, а также для выработки эффек-

тивных мер противодействия усилиям правоохранительных органов либо разрешения спорных вопросов и раздела сфер влияния¹²³.

В состав объединения могут входить как организаторы, руководители, так и иные представители организованных групп, в том числе и рядовые члены групп (неформальные лидеры, преступные авторитеты и т. п.). Объединение может быть как постоянно действующим, так и эпизодически работающим по типу сходки воров в законе. Для привлечения к ответственности за данную форму организации преступного сообщества (преступной организации) достаточно установления устойчивых связей хотя бы с одним организатором, руководителем или иным представителем иной организованной группы или иных организованных групп в целях разработки планов и условий совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Если оценивать данную специфическую форму преступления с позиций общего учения о стадиях преступной деятельности, то она является приготовлением к совершению конкретных преступлений. Однако, учитывая повышенную общественную опасность данных форм поведения, законодатель придает им статус оконченного преступления.

В ч. 2 ст. 210 УК предусматривается ответственность *участников* преступного сообщества (преступной организации) либо объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп. Данная форма является наиболее сложной для понимания и, самое главное, для выделения критериев, которые бы позволяли объективно оценить участие в деятельности сообщества или объединения как преступное или не преступное. Законодатель не предлагает критериев, на основании которых можно было бы выделять конкретные формы участия, признаваемого преступным. Теория уголовного права пока еще также не выработала сколь-нибудь ясной и определенной концепции оснований и пределов ответственности в таких ситуациях. Следовательно, в каждом конкретном случае решение этого вопроса будет зависеть от волеизъявления правоприменительных органов, что чревато возможностью произвольных подходов к установлению уголовной ответственности конкретных лиц.

Но как бы то ни было, поскольку в настоящее время соответствующая уголовно-правовая норма имеется, должны быть и правила ее применения. С нашей точки зрения, ответственность за участие в преступном сообществе (преступной организации) может наступать только при определенных условиях: а) действия виновного должны отражать преступный характер сообщества или объединения; б) действия должны быть причинно связаны с преступными планами и целями деятельности сообщества; в) соответствующие действия должны вписываться в русло общей направленности функционирования сообщества или объединения.

С учетом сказанного *участниками названных формирований* следует признавать таких лиц, которые, сознавая свою принадлежность к преступному сообществу или объединению, дают согласие на участие в них и выполняют любые по характеру, но обязательно причинно обусловленные членством в сообществе или объединении действия, отражающие характер деятельности этого сообщества и являющиеся составной частью функционирования сообщества или объединения. Как участие в сообществе следует расценивать вступление лица в преступное сообщество и принятие на себя обязательств, возлагаемых руководителем сообщества или сообществом в целом: выбор объектов преступления, разработка планов совершения преступлений и их осуществление, предоставление орудий и средств совершения преступления или создание иных необходимых условий для совершения преступлений, установление контактов с коррумпированными представителями власти, содействие руко-

¹²³ См.: Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. С. 97; Цветков Ю. А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-право-

водителям сообщества и рядовым членам в избежании уголовной ответственности и т. д.¹²⁴ Следует подчеркнуть, что участие в сообществе должно не только выражаться в форме дачи согласия на участие, но и обязательно найти свое подтверждение в совершении конкретных действий в соответствии с планами действий сообщества¹²⁵.

В силу повышенной общественной опасности анализируемое преступление будет *оконченным* с момента выполнения любой из альтернативных форм (усеченный состав). Правоохранительные органы имеют возможность пресекать опасную деятельность организаторов до момента фактической реализации намеченных планов совершения преступлений. Вследствие особой законодательной конструкции для организаторов, руководителей сообщества или объединения преступление окончено с момента организации последнего вне зависимости от того, успело ли сообщество совершить какое-либо преступление или нет, подготовлены ли какие-либо планы и созданы ли условия для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Деятельность, направленная на создание преступного сообщества или объединения, но по не зависящим от виновного причинам не завершившаяся созданием указанных формирований, образует покушение на организацию преступного сообщества (преступной организации). Для участников преступление будет окончено с момента выполнения любых действий, вытекающих из факта принадлежности к деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется только прямым умыслом. Сознанием создателей или руководителей сообщества должны охватываться все объективные признаки деяния: создание или руководство именно преступным сообществом (преступной организацией) либо объединением организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений или разработки планов и условий совершения таких преступлений. Участник сообщества или объединения соответствующих лиц должен сознавать факт своей принадлежности к преступному сообществу (преступной организации), созданной в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо к объединению организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданных для разработки планов и условий совершения соответствующих преступлений. Субъективное отношение к конкретным совершаемым в составе сообщества преступлениям может быть в форме как прямого, так и косвенного умысла. Обязательным условием ответственности является также наличие *специальной цели* – совершения тяжких и особо тяжких преступлений или разработки планов и условий совершения таких преступлений. *Мотивы*, которыми руководствуются виновные лица, могут быть различными и на квалификацию содеянного не влияют.

Субъект преступления – общий, т. е. вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее им, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство, а также за все совершенные преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Таким образом, виновным лицам должны вменяться конкретно совершенные ими действия, охватываемые признаками организации преступного сообщества (преступной

¹²⁴ См.: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 15.

¹²⁵ Такое же мнение высказывает П. В. Агапов (см.: Агапов П. В. Указ. соч. С. 47); см. также: Сальникова С. В., Шульга В. И. Социально-криминологическая и правовая оценка деятельности организованных группировок криминальной направленности. Владивосток, 2004. С. 170.

организации), а также иные преступления, которые совершаются в связи с деятельностью сообщества. Однако в последнем случае необходимо, чтобы совершаемые преступления охватывались умыслом организаторов и руководителей сообщества или его структурных подразделений, а участники принимали непосредственное участие в их подготовке вне зависимости от их последующего участия в совершении конкретных преступлений.

Понятие и характеристика использования лицом своего служебного положения как *квалифицированный вид* организации преступного сообщества (преступной организации) тождественны этому же признаку при бандитизме, поэтому его понятие и характеристика не будут рассматриваться дополнительно.

В примечании к ст. 210, как и к ст. 208, имеется поощрительная норма, согласно которой лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. В основных признаках это примечание тождественно примечанию к ст. 208 УК¹²⁶.

Ответственность по ст. 210 УК наступает за сам факт организации, руководства или участия в деятельности преступного сообщества (преступной организации), поэтому совершение в составе сообщества каких-либо преступлений требует самостоятельной юридической оценки и квалификации по совокупности ст. 210 и соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за совершение данных преступлений.

От бандитизма анализируемое преступление отличается, во-первых, отсутствием в сообществе цели совершения нападений на организации или граждан, во-вторых, ограниченным кругом преступлений, ради совершения которых создается сообщество, и, в-третьих, отсутствием в преступном сообществе оружия¹²⁷. Однако если сообщество либо его структурные подразделения приобретают оружие и начинают совершать нападения на граждан и организации, то организация преступного сообщества как преступление перерастает в бандитизм и квалифицироваться такие действия должны уже по ст. 209 УК, поскольку она предусматривает более тяжкое наказание. Организационная деятельность в этих случаях выступает в качестве подготовительного этапа к организации банды и, соответственно, дополнительной квалификации по ст. 210 УК не требует.

От организации незаконного вооруженного формирования данное преступление следует отграничивать по целям деятельности и отсутствию вооруженности. Преступное сообщество (преступная организация), в отличие от незаконного вооруженного формирования, создается только в преступных целях (совершение различного рода махинаций, осуществление поборов с отдельных лиц и коммерческих структур, применение насильственных форм подчинения своему влиянию определенных лиц или регионов и т. д.). Вооруженность сообщества (организации) не является обязательным признаком этого преступления.

Завершая анализ состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК, мы полагаем, что категории организации преступного сообщества (преступной организации) сформулированы в законодательстве неопределенно, с большим количеством оценочных признаков, и не содержат достаточно объективных критериев, которые бы позволяли четко отграничивать преступное от непроступного. Такие нормы предоставляют слишком большие возможности для судебного произвола, поскольку при решении соответствующих вопросов все будет зависеть от судебного усмотрения.

¹²⁶ О характеристике активного способствования раскрытию или пресечению преступления см.: *Аганов П. В.* Указ. соч. С. 59–62.

¹²⁷ Подробнее об этом см.: *Дейнега Н В* Указ соч С 14 17

Наличие в уголовном законодательстве зарубежных стран (США, Италии и др.) аналогичного рода уголовно-правовых норм не является достаточным аргументом в пользу такого же решения и в нашей стране, как минимум, по двум причинам: а) в этих странах существует иная правовая система, которая формировалась и развивалась с учетом истории и традиций, тенденций и особенностей развития общества; б) для них характерна достаточно разработанная в уголовном праве концепция оснований, принципов и пределов ответственности организаторов и участников преступных организаций, которая воспринята и успешно применяется в судебной практике.

И. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК)

Общественная опасность угонов воздушных, морских, речных судов либо железнодорожного подвижного состава заключается в том, что они серьезно нарушают отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности транспортных сообщений, создают реальную угрозу для жизни и здоровья пассажиров и членов экипажей угоняемых транспортных средств, нередко ведут к авариям, крушениям и катастрофам.

Начало этому негативному социальному явлению положили угоны воздушных судов. Угон самолетов и других летательных аппаратов стал распространенным антиобщественным явлением сравнительно недавно. Если в России за всю историю авиации насчитывается относительно небольшое число актов угона, то зарубежные государства в последнее время захлестнула волна воздушного пиратства. Пик этого вида преступной деятельности пришелся на конец 60-х – середину 70-х годов XX в. По данным ООН, если за период 1930–1961 гг. было отмечено 42 случая удавшихся и неудавшихся угонов самолетов, то в 1969–1979 гг. – уже 483 угона авиалайнеров с 31 845 пассажирами на борту. В ходе действий воздушных пиратов взорвано 75 самолетов. С 1969 по 1988 г. их жертвами стали 2330 человек¹²⁸.

Беспримерной в истории человечества акцией воздушного терроризма стал одновременный угон 11 сентября 2001 г. в США четырех пассажирских самолетов с последующим использованием их угонщиками-камикадзе в качестве средств осуществления террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне. В результате совершенного преступления погибло в общей сложности несколько тысяч человек, имущественный ущерб превысил 20 млрд долларов.

В связи с резким ростом числа угонов самолетов в различных странах, отсутствием эффективных международных соглашений, а также внутригосударственного законодательства по борьбе с этой разновидностью антиобщественных действий были приняты Токийская конвенция «О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов» 1963 г., Гаагская конвенция «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» 1970 г., Монреальская конвенция «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации» 1971 г.

В целях борьбы с угонами морских судов были разработаны и приняты Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.¹²⁹

В российском уголовном законодательстве был криминализован угон воздушных судов (ст. 213² УК РСФСР 1960 г.). С принятием УК РФ 1996 г. сфера действия ст. 211 заметно расширилась: наказуемым стал признаваться угон не только воздушных, но и морских и речных судов, а также подвижного железнодорожного состава.

¹²⁸ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления. С. 10–11.

¹²⁹ См.: Международное публичное право. Сборник документов: В 2 т. М., 1996.

С учетом причин, побудивших законодателя криминализировать это деяние, а также оснований, характера и способов установления уголовно-правового запрета, особенностей его юридической природы рассматриваемое деяние следует отнести к категории преступлений международного характера, а не международных преступлений, как ошибочно полагают отдельные исследователи (А. И. Чучаев). В литературе эти деликты принято считать с некоторой долей условности разновидностями воздушного и морского терроризма¹³⁰.

Динамика анализируемых преступлений характеризуется следующими данными. Если с 1993 по 1996 г. в среднем ежегодно фиксировалось 3–4 таких преступления, то в 1997 г. их зарегистрировано 20, в 1998 г. – 18, в 1999 г. – 10, в 2000 г. – 12, в 2001 г. – 14, в 2002 г. – 10, в 2003 г. – 9, в 2004 г. – 7, в 2005 г. – 10, в 2006 г. – 8¹³¹.

Рассматриваемое преступление законодатель отнес к посягательствам на общественную безопасность. Это, конечно, гораздо ближе к истине, чем отнесение угона механических транспортных средств (ст. 166 УК) к разряду преступлений против собственности. Но можно ли считать абсолютно точным объектом данного преступления общественную безопасность как таковую?

Нам представляется, что *объект* анализируемого преступления намного специфичнее: им является не общественная безопасность в широком смысле этого термина, а общественная безопасность в сфере функционирования (движения и эксплуатации) транспортных средств. Этим понятием охватывается достаточно разнообразный спектр охраняемых уголовным законом отношений, включающих в себя жизнь и здоровье людей, имущество, безопасность и безаварийность транспортной деятельности. Такому пониманию объекта преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, близка позиция Д. А. Семенова, который определяет его как общественную безопасность (в сфере эксплуатации транспорта, использования источников повышенной опасности)¹³².

Ясно, что при такой трактовке рассматриваемое деяние переходит в разряд классических транспортных преступлений. Между прочим, абсолютно правильно, с нашей точки зрения, поступили законодатели Украины и Латвии, поместившие аналогичную норму в главы своих УК о транспортных преступлениях.

Особое значение для квалификации угонов имеет правильное определение *предмета* посягательства. В теории наблюдается отнюдь не единообразный подход к оценке этого важного признака состава преступления.

Воздушное судно – это любой вид летательного аппарата, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды, независимо от его ведомственной принадлежности и формы собственности: самолет, вертолет, дирижабль, аэростат, планер, дельтаплан, воздушный шар и т. д.¹³³

Судно водного транспорта (морские и речные суда) есть любое самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства для перевозок грузов, пассажиров, багажа, специального назначения – буксировки судов, разведки и добычи полезных ископаемых, строительной, лоцманской и ледокольной проводки, спасательных операций и т. д., в том числе судно-смешанного типа (река – море). Оно может находиться в ведении или собственности как юридического, так и физического лица (в том числе суда

¹³⁰ См.: Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 176–177; Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 70–71.

¹³¹ См.: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 207; Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 374; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 538; Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 347.

¹³² См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 2001. С. 311.

¹³³ См.: СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

на воздушной подушке, подводных крыльях, экранопланы, способные к автономному плаванию подводные аппараты).

Нет единства мнений среди теоретиков относительно маломерных морских и речных судов. Ряд ученых полагают, что они не могут быть предметом рассматриваемого преступления, предлагая квалифицировать подобные действия по ст. 166 УК РФ (С. И. Улезко, Н. И. Ветров, В. П. Малков). Другие – приходят к выводу, что за угоны и таких плавсредств ответственность должна наступать по ст. 211 УК (А. А. Тер-Акопов, С. В. Дьяков).

Последняя точка зрения представляется нам единственно верной. Дело в том, что в советский период угоны водно-транспортных средств были криминализованы лишь в УК Латвии (ст. 297). В УК РСФСР 1960 г. на сей счет имелся пробел, поэтому практика вынуждена была квалифицировать подобные действия чаще всего по ст. 213 УК (нарушение действующих на транспорте правил), реже – по ст. 212¹ УК (угон транспортных средств).

С принятием УК РФ 1996 г. ситуация резко изменилась. В ст. 211 УК не содержится никаких ограничений ни по категориям водно-транспортных средств, ни по субъекту. В связи с этим нет ни малейших оснований для того, чтобы искусственно разрывать единое понятие водно-транспортных средств и одну часть угонов морских и речных судов квалифицировать по ст. 211, а другую – по ст. 166 УК.

С учетом изложенного к предмету анализируемого преступления необходимо отнести и так называемые «маломерные суда». В соответствии со ст. 11.7 КоАП РФ под *маломерным судном* следует понимать самоходные суда валовой вместимостью менее 80 регистровых тонн с главным двигателем мощностью менее 55 киловатт (75 лошадиных сил) или с подвесными моторами независимо от мощности, парусное несамоходное судно валовой вместимостью менее 80 регистровых тонн, а также иное несамоходное судно (гребную лодку грузоподъемностью 100 и более килограммов, байдарку грузоподъемностью 150 и более килограммов и надувное судно грузоподъемностью 225 и более килограммов). Маломерными судами признаются моторные катера, лодки, мотоботы, катамараны, яхты, водные мотоциклы и т. п. В предмет рассматриваемого преступления не входят гребные весельные шлюпки и иные плавсредства, приводимые в движение мускульной силой человека.

Под *железнодорожным подвижным составом* понимаются локомотивы, грузовые вагоны, пассажирские вагоны локомотивной тяги и мотор-вагонный подвижной состав, а также иной предназначенный для обеспечения осуществления перевозок и функционирования инфраструктуры железнодорожный подвижной состав, за исключением трамвая и фуникулера (ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»).

У специалистов разногласия возникают и по поводу оценки угона летательных аппаратов и морских судов, принадлежащих военно-воздушным и военно-морским силам России. По мнению ряда криминалистов (Н. Иванов, М. Михайлов, Б. А. Куринов), воздушные и морские суда Министерства обороны РФ нельзя отнести к предмету рассматриваемого преступления. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы в главе УК РФ о преступлениях против военной службы имелась норма об ответственности за угон военно-воздушных и военно-морских судов. Поскольку такой нормы там нет, а в ст. 211 УК, в свою очередь, нет никаких ограничений на этот счет, то и летательные аппараты, равно как и морские корабли, принадлежащие Министерству обороны, следует отнести к предмету рассматриваемого преступления.

Ссылка на Гаагскую конвенцию, которая не распространяется на воздушные суда, занятые на военной службе, не может быть признана достаточно убедительным аргументом. Во-первых, деяния, предусмотренные международными соглашениями, становятся уголовно наказуемыми лишь после трансформации их во внутригосударственное законодательство, а на этом этапе возможны некоторые отклонения от буквального текста соот-

ветствующей конвенции. Они вполне допустимы в законотворческой практике суверенных государств. Именно такой подход продемонстрировал российский законодатель в процессе криминализации угона воздушных и морских судов. Во-вторых, Гагская конвенция не распространяется и на воздушные суда, занятые на таможенной и полицейской службах. Придерживаясь логики рассуждений критикуемых авторов, пришлось бы и эти суда исключить из перечня предметов преступления, предусмотренного ст. 211 УК, что привело бы к неоправданному сужению круга субъектов этого деяния.

Соверши военный летчик сегодня нечто подобное тому, что сделал майор В. Беленко, угнавший 6 сентября 1976 г. с одного из дальневосточных военных аэродромов МиГ-25 в Японию, его действия квалифицировались бы по ст. 211 УК.

Предметом данного преступления не могут быть автомобили, трамваи и иные механические транспортные средства, перечисленные в примечании к ст. 264 УК. Угон этих видов транспортных средств (без цели их хищения) квалифицируется по ст. 166 УК.

Объективная сторона преступления выражается в неправомерном завладении (угоне или захвате с целью угона) судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Преступление в обеих его формах может быть совершено только путем активных действий.

Неправомерность не является, строго говоря, обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления: законодатель в диспозиции ст. 211 УК этот термин не употребляет. Однако ясно, что по сути своей действия по угону или захвату транспортных средств не могут не быть неправомерными. Вместе с тем законность подобных действий (в отличие от ст. 166 УК) должна быть ограничена лишь случаями завладения транспортными средствами, принадлежащими виновному на праве собственности или находящимися в его правомочном владении (легкомоторные самолеты, дельтапланы, маломерные морские и речные суда). Завладение транспортным средством при наличии указанных обстоятельств исключает состав угона. В остальных случаях (закрепление транспортного средства за угонщиком по роду его деятельности, возможность им распоряжаться) уголовная ответственность по ст. 211 УК может иметь место.

Так, работник авиапредприятия С. после распития спиртных напитков решил покатать свою невесту Г. на самолете Ан-2, который был за ним закреплен по роду его деятельности. Посадив Г. в самолет, он совершил самовольный взлет. Через 30–35 мин. полета самолет упал и разрушился. Г. получила телесные повреждения. Действия С. судом были квалифицированы по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (нарушение правил безопасности движения воздушного транспорта). Квалификация была бы намного более точной, справедливо считает В. Е. Эминов, если бы С. был привлечен к ответственности и за угон воздушного судна¹³⁴.

Под *угоном* следует понимать неправомерное самовольное завладение соответствующим транспортным средством, находящимся на земле, на воде или в воздухе, и перемещение его в пространстве по избранному виновным маршруту.

В связи с этим более чем спорным представляется мнение тех ученых, которые в характеристику угона как признака объективной стороны привносят субъективные моменты, указывая на использование транспортного средства «в личных или иных антиобщественных целях»¹³⁵. Цели и мотивы угона не представляются конститутивными признаками рассматриваемого преступления, поэтому указание на них при определении понятия угона совершенно излишне, оно может только дезориентировать практику. Не совсем точным является и вывод о том, что угон предполагает незаконное перемещение транспортного средства

¹³⁴ См.: Эминов В. Е. Предупреждение авиационных происшествий. М., 1990. С. 74.

¹³⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С. 454.

в другую географическую точку¹³⁶. При таком подходе по ст. 211 УК крайне затруднительно было бы квалифицировать действия лиц, угоняющих транспортное средство без четкого представления о месте его будущей остановки. Между тем, как резонно заметил по этому поводу В. М. Хомич, применительно к угону воздушных средств составом рассматриваемого преступления «охватывается не только угон самолетов в иное место, но и случаи, когда места взлета и посадки судна совпадают»¹³⁷.

Столь же неудачной следует признать и другую попытку ограничения понятия угона, когда он связывается только с насильственным завладением транспортным средством или с его захватом. В данном случае родовое понятие угона подменяется одной из его разновидностей. Но вряд ли прав и А. И. Чучаев, подвергший критике эту концепцию на том основании, что «насильственный способ установления незаконного контроля над судном не охватывается понятием угона, а служит обязательным признаком захвата транспортного средства»¹³⁸. Разумеется, без насилия захват невозможен, и в этом смысле насилие действительно является признаком, имманентно присущим захвату. Но захват есть всего лишь один из способов угона. Поэтому захват транспортного средства, не пресеченный на этой стадии, а завершившийся его угоном, будет являться одновременно и насильственным угоном данного транспортного средства. Следовательно, угон может быть как ненасильственным, так и насильственным.

В теории уголовного права и судебной практике известные сложности возникли в связи с определением момента окончания рассматриваемого преступления. *Оконченным* оно признается по общему правилу с момента завладения транспортным средством и начала перемещения его в пространстве, независимо от продолжительности такого перемещения и пройденного расстояния.

Для квалификации по ст. 211 УК не имеет принципиального значения, в состоянии покоя или в движении находилось угоняемое транспортное средство. Оно может находиться в этот момент в полете, на взлетно-посадочной полосе аэродрома, в ангаре; у причальной стенки в порту, на рейде, на якорной стоянке в открытом море, в движении по фарватеру реки; в депо, на станции, на перегонных путях и т. д.

Угон морских, речных судов, железнодорожного подвижного состава, находящихся в состоянии покоя, признается оконченным с момента начала движения. Те же самые транспортные средства, уже находящиеся в движении, будут считаться угнанными с момента установления виновными лицами контроля за процессом его движения. При этом отнюдь не обязательно окончание этого преступления связывать с моментом отклонения от заданного маршрута. Маршрут в силу ряда причин может и не меняться, но угон будет налично.

Некоторым своеобразием отличается определение момента окончания угона воздушного судна. Такой угон может осуществляться не только во время нахождения самолета на земле, но и в период пребывания его в полете. Момент окончания указанных разновидностей угона будет неодинаков.

Угон воздушного судна, находящегося на земле, признается оконченным с момента начала полета. По мнению ряда исследователей, воздушное судно считается находящимся в полете с момента запуска двигателей для взлета до момента остановки воздушного судна после посадки (Н. Иванов, М. Михайлов). Другие специалисты начало полета связывают с моментом закрытия всех внешних дверей воздушного судна до момента открытия любой из этих дверей для выгрузки (С. Дьяков, Ю. Рупин). Анализ международных конвенций и ведомственных нормативных актов приводит к выводу, что правильной является вторая

¹³⁶ См.: Ромашев Ю. С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море. М., 2001. С. 117.

¹³⁷ Хомич В. М. Уголовная ответственность за угон транспортных средств. Минск, 1982. С. 67.

¹³⁸ Чучаев А. И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1988. С. 150.

точка зрения. В ведомственных нормативных актах, действующих на воздушном транспорте России, воспроизводится ряд положений Гаагской и Монреальской конвенций, которые в совокупности именно так трактуют момент начала и окончания полета. И хотя положения ведомственных нормативных актов (равно как и международных конвенций) служат лишь ориентиром для судебной практики, полностью игнорировать их нельзя. Исходя из современных целей и задач уголовно-правовой политики в сфере борьбы с такой опасной разновидностью транспортных преступлений, как угоны воздушных судов, следует признать вполне оправданным расширительное толкование некоторых признаков объективной стороны рассматриваемого преступления, в результате которого момент его окончания переносится на более раннюю стадию.

Угон судна, находящегося на земле, может быть осуществлен не только лицами из числа экипажа судна или обслуживающего персонала авиапредприятия, но и посторонними гражданами, незаконно проникшими на его борт. Именно так 27 мая 1987 г. бывшим работником Аэрофлота С., обманным путем проникшим на летное поле аэродрома, был угнан в Швецию самолет Аэрофлота АН-2. В другом случае Г. и П., тайно пробравшись на борт самолета Аэрофлота Л-200, угнали его в Турцию.

Ненасильственный угон воздушного судна, находящегося в полете (практически его могут осуществить только члены экипажа), окончен уже с момента фактического использования судна как транспортного средства в интересах преступника: изменение маршрута, неподчинение диспетчерской службе, другим средствам контроля и сопровождения в полете и т. д.

Уголовно наказуем как угон транспортных средств за границу (речь, естественно, идет главным образом о воздушных и морских судах), так и такой угон, который связан с незаконным завладением судном и полетом (плаванием) на нем в пределах территории России. На практике чаще всего угоны воздушных судов совершались с целью вылета на них за пределы страны. С указанной целью был совершен и один из первых угонов советского воздушного судна. 15 октября 1970 г. отец и сын Б., применив оружие, вынудили экипаж самолета АН-24, выполнявшего рейс по маршруту Батуми – Сухуми, совершить посадку на аэродроме города Трабзон в Турции. Ту же цель преследовали члены семьи О., когда 8 марта 1988 г. предприняли попытку захвата и угона в Лондон самолета ТУ-154, выполнявшего рейс Иркутск – Курган – Ленинград¹³⁹.

Захватом следует считать насильственное завладение транспортным средством, находящимся на земле или в воздухе, с целью его угона. Нетрудно убедиться, что угон и захват как способы совершения преступления хотя и тесно связаны между собой, но полностью не совпадают. Захват есть начальный момент насильственного угона и в этом смысле всегда предшествует ему. Однако с учетом повышенной степени общественной опасности преступления законодатель признает его окончанным уже с момента захвата судна (при наличии, конечно, цели на последующий его угон). Захват признается окончанным преступлением с момента насильственного завладения транспортным средством, независимо от места его нахождения.

Захват как насильственная акция преследует цель установления *контроля* над транспортным средством. Контроль может быть как непосредственным, когда управление транспортным средством берет на себя сам преступник, так и опосредованным, когда управление остается в руках членов экипажа воздушного, морского или речного судна, машины ста железнодорожного локомотива, но они вынуждены выполнять команды угонщика.

Насилие как элемент захвата может быть физическим и психическим. Оно должно иметь определенную степень выраженности.

¹³⁹ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления. С. 223–224.

Физическое насилие в простом составе преступления (ч. 1 ст. 211 УК) охватывается понятием «насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего». Таким насилием, как известно, являются побои, легкий вред здоровью, не вызвавший кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, а также иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы.

Психическое насилие (применительно к ч. 1 ст. 211 УК) есть угроза причинения насилия. Угроза должна быть наличной, действительной, реальной, но она не может простираться дальше возможности причинения того вреда, который охватывается понятием «насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего».

Потерпевшими могут быть члены экипажа воздушных, морских, речных судов, работники поездной бригады, пассажиры, а также иные лица, например представители охранных служб, обслуживающий персонал аэродрома, вагонного депо, морвокзала и т. п. Применением физического насилия преступник преследует цель парализовать волю и нейтрализовать сопротивление лиц, имеющих отношение к угоняемому транспортному средству, с тем чтобы установить несанкционированный контроль над ним. В тех же целях применяется и угроза насилием, которая может выражаться в высказывании намерения причинить физический вред той или иной степени тяжести.

Применение насилия в иных целях (не как средства захвата транспортного средства и установления контроля над ним) не может влечь ответственность по ст. 211 УК. Например, причинение физического вреда пассажиру после состоявшегося акта угона или захвата транспортного средства по мотивам мести за ранее оказанное им сопротивление должно квалифицироваться по статьям о преступлениях против личности.

В ряде случаев можно говорить о *стадиях* совершения рассматриваемого преступления. Так, неудавшаяся попытка угона или захвата транспортного средства (попытка завести мотор самолета, проникнуть в кабину тепловоза, установить контроль над морским судном и т. п.) должна квалифицироваться как покушение. Например, при совершении рейса по маршруту Москва – Брянск С. попытался захватить самолет Як-40, однако его попытки с применением силы и угроз проникнуть в пилотскую кабину не увенчались успехом и воздушное судно приземлилось в аэропорту назначения, где преступник был задержан¹⁴⁰.

С *субъективной стороны* угон и захват транспортных средств с целью угона могут быть совершены только с прямым умыслом. Что касается психического отношения виновного к последствиям, то здесь возможен как умысел (прямой или косвенный), так и неосторожность (легкомыслие или небрежность).

Для совершения данного преступления в форме угона цель и мотив обязательными признаками субъективной стороны не являются. Они могут быть учтены лишь в процессе индивидуализации наказания. На практике ими чаще всего выступают желание покинуть Родину, стремление совершить захват заложников, избавиться от уголовного преследования, корыстные побуждения и т. п. В истории отечественной авиации зафиксирован даже случай угона самолета с целью самоубийства.

Захват транспортного средства должен иметь в качестве конститутивного признака цель угона. Отсутствие таковой не дает оснований для квалификации содеянного по ст. 211 УК.

Если угон воздушного или морского судна совершен гражданином России с целью государственной измены, необходима дополнительная квалификация по ст. 275 УК РФ. Так же по совокупности следует квалифицировать угон, сопряженный с незаконным пере-

¹⁴⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 513.

сечением Государственной границы РФ (ст. 322 УК), похищением человека (ст. 126 УК), захватом заложника (ст. 206 УК).

Субъект преступления – любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектами преступления могут быть и работники соответствующих видов транспорта: члены экипажей воздушных, морских и речных судов, персонал поездных бригад, все иные лица, могущие иметь доступ к транспортному средству в связи с выполнением своих служебных или профессиональных обязанностей.

Квалифицированными видами преступления признаются те же деяния (угон или захват), совершенные: а) группой лиц по предварительному сговору; в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия; г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Понятие *группы лиц, совершающих преступление по предварительному сговору*, уже давалось ранее.

Под *насилием, опасным для жизни или здоровья людей*, понимается такое воздействие на организм потерпевшего, которое сопровождается причинением ему физического вреда любой степени тяжести: от легкого до тяжкого, а также истязанием. *Угроза насилием* в данном случае может выразиться в наглядно продемонстрированном намерении не только причинить потерпевшим упомянутые виды физического вреда, но и лишить их жизни.

В реальной действительности подобные угрозы воплощаются обычно в высказывание решимости причинить смерть, телесные повреждения членам экипажа или пассажирам угоняемого транспортного средства либо взорвать, поджечь или иным способом уничтожить его. Так, именно под угрозой взрыва самолета, следовавшего рейсом Ленинград – Мурманск, Л. потребовал у членов экипажа изменить маршрут и произвести посадку в Стокгольме. Опасаясь реальной угрозы взрыва, летчики вынуждены были исполнить требование Л. и изменить маршрут полета. Через несколько минут после этого Л. был обезоружен пассажиром В.¹⁴¹

Следует иметь в виду, что как в описанных ситуациях, так и в других подобных случаях применение насилия или угроз его применения как способа угона или захвата транспортного средства полностью охватывается признаками состава преступления, предусмотренного ст. 211 УК, и дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности по общему правилу не требует.

Понятие *оружия*, с применением которого может совершаться квалифицированный вид анализируемого преступления, уже раскрывалось выше. Под *предметами, используемыми в качестве оружия*, понимаются предметы, которыми потерпевшему могут быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья (бритва, нож, вилка, ножницы и т. д.).

Особо квалифицированным видом преступления признается угон или захват с целью угона, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Понятие *организованной группы* уже неоднократно давалось ранее при комментировании других составов преступлений.

Под *смертью человека* понимается гибель хотя бы одного потерпевшего. *Иные тяжкие последствия* включают в себя причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью многих людей, уничтожение или повреждение транспортных средств или иного ценного имущества как результат аварий, крушений и катастроф, дезорганизацию работы транспорта на длительный срок и т. п.

¹⁴¹ Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 1994. С. 31.

Указанные последствия могут быть как результатом насилия в процессе захвата, так и следствием нарушения правил безопасности в ходе управления угнанными транспортными средствами. Однако в любом случае наступившие последствия должны находиться в причинной связи с действиями виновного по угону или захвату транспортного средства.

Наступление перечисленных в ч. 3 ст. 211 УК последствий не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности или собственности, за исключением ситуации, когда виновный в процессе угона совершает убийство. Норма сформулирована таким образом, что предусматривает ответственность лишь за неосторожное причинение смерти потерпевшим, умышленное лишение их жизни требует дополнительной квалификации по ст. 105 УК.

Угон воздушного судна, сопровождающийся наступлением последствий, указанных в различных частях ст. 211 УК, надлежит квалифицировать по той части статьи, которая предусматривает ответственность за наиболее тяжкое из наступивших последствий. По совокупности могут квалифицироваться лишь действия, совершенные в разное время, если наступившие последствия явились результатом нескольких взаимно не связанных между собой преступных актов.

Сложнее ответить на вопрос, возможна ли квалификация угона транспортного средства по совокупности с нарушением правил безопасности его движения и эксплуатации (ст. 263 УК)? В литературе на этот счет высказаны полярные суждения: одни авторы полагают, что такая квалификация возможна, другие считают ее недопустимой. На первый взгляд может показаться, что по аналогии с квалификацией действий угонщиков автотранспортных средств, причиняющих в результате нарушения правил безопасности движения определенные последствия (их действия, как известно, квалифицируются по ст. 166 и 264 УК), так же следует поступать и с лицами, угоняющими другие виды транспортных средств. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что эти ситуации несопоставимы и метод аналогии здесь неприменим.

Некоторые особо квалифицированные виды угона воздушных, морских, речных судов, подвижного железнодорожного транспорта – составы материальные. В качестве преступных результатов в них фигурируют и гибель людей, и иные тяжкие последствия. Угон, далее, практически всегда связан с нарушением правил безопасности движения или эксплуатации упомянутых видов транспорта, чаще всего – в виде уклонения от установленного маршрута движения. Поэтому угон повлекший наступление указанных в законе последствий, может рассматриваться как особый случай нарушения условий безопасности движения и эксплуатации анализируемых видов транспортных средств и в соответствии с правилами о конкуренции общей и специальной норм должен квалифицироваться только по ст. 211 УК. В данном случае состав угона полностью поглощает деяние, предусмотренное ст. 263 УК, и дополнительной квалификации по этой норме не требуется.

Несколько иначе должна решаться проблема квалификации действий лиц, нарушающих в процессе угона правила международных полетов. Поскольку правила международных полетов нарушаются не во всех случаях угона, а в тех случаях, когда они все же нарушаются, вред причиняется другому объекту (неприкосновенности Государственной границы России), то несоблюдение этих правил в процессе угона воздушного судна требует дополнительной квалификации по ст. 271 УК.

К. Массовые беспорядки (ст. 212 УК)

Высокая степень общественной опасности массовых беспорядков определяется рядом обстоятельств: во-первых, самим фактом существования трудно поддающейся внешнему контролю большой массы людей, что уже влечет за собой значительную психологическую

напряженность в определенном регионе или районе проживания людей, во-вторых, стихийным характером поведения участников толпы, который сопряжен с массовым уничтожением и повреждением имущества, причинением физического вреда здоровью, а нередко и смерти значительному числу людей, дезорганизацией деятельности органов власти и управления, транспорта, иных жизнеобеспечивающих сфер общества, в-третьих, неблагоприятной тенденцией массовых беспорядков к росту, особенно в условиях общей экономической, политической, социальной и психологической неустойчивости и нестабильности общества.

В УК РФ 1996 г., так же как и в ранее действовавших Уголовных кодексах, не содержится определения понятия массовых беспорядков, что вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности. В связи с этим Ю. Н. Демидов отмечал, что само понятие «массовые беспорядки» довольно неопределенно. Видимо, при формулировании названия рассматриваемого преступления предпочтительнее было бы использование термина «гражданские беспорядки», а в тексте диспозиции соответствующей законодательной нормы – понятия «толпа»¹⁴².

Массовые беспорядки – это нарушение установленного порядка в публичных местах, совершаемое множеством лиц (толпой). Соответствующий порядок поведения устанавливается законами РФ и субъектов Федерации, разрабатываемыми местными органами власти и управления правилами поведения в местах массового скопления людей. Массовые беспорядки связаны, прежде всего, с действиями толпы (множества лиц), которая применительно к анализируемому составу в специальной литературе практически не рассматривается.

Понятие массы людей, скопища, толпы достаточно условно. В уголовно-правовой теории XIX в. понятие «скопище», которое после 1917 г. трансформировалось в понятие «массовые беспорядки», связывалось с массой людей. Так, например, Н. С. Таганцев писал: «Понятие скопища означает объединение ради общих действий или ради общей цели более или менее значительного числа лиц, массы людей; причем понятие множества не может быть определено какими-либо признаками, особо указанными в законе, а устанавливается по обстоятельствам каждого случая»¹⁴³. Позже, уже в советское время, А. Н. Трайнин при характеристике массовых беспорядков отмечал: «Массы – меняющаяся толпа со свободным доступом и свободным выходом участников»¹⁴⁴. В русском языке понятие *толпы* определяется как «скопление людей, сборище»¹⁴⁵. По мнению А. Соловьева, количество людей при массовых беспорядках должно быть таким, чтобы в любой момент перекрыть движение транспорта, пешеходное движение, сорвать проведение массового мероприятия, нарушить работу различных учреждений и организаций, т. е. контролировать положение на определенной значительной территории¹⁴⁶. В зарубежном уголовном законодательстве подходы к численному определению толпы (если ее рассматривать как количественный синоним массы) различны: либо вообще не указываются (УК ФРГ, Франции и др.), либо колеблются от трех (Примерный Уголовный кодекс США 1962 г.) до двенадцати (Акт об охране общественного порядка Великобритании 1986 г.) человек.

Таким образом, из изложенного можно сделать вывод, что теория российского уголовного права не связывает понятие толпы с какими-либо количественными характеристиками. Полагаем, что невозможно формализовать количественные критерии толпы и, соответственно, состава преступления массовых беспорядков. Конечно, в зависимости от того,

¹⁴² См.: Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 года. В редакции Н. С. Таганцева. СПб., 1901. С. 267.

¹⁴³ См.: *Познышев С. В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923. С. 200.

¹⁴⁴ См.: *Трайнин А. Н.* Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и социалистического порядка. М., 1927. С. 110.

¹⁴⁵ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 695.

¹⁴⁶ См.: *Соловьев А.* Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47.

насколько велика толпа, может быть причинен больший или меньший вред правоохраняемым объектам. Однако с содержательных позиций более важным представляются другие свойства толпы. Во-первых, относительная связанность какой-либо *общей идеей*, что придает толпе определенную направленность, возможность быстро реагировать на новые призывы и достаточно легко менять свой интерес. Во-вторых, в целом *стихийный характер* сбора людей, что не исключает наличия и организационных моментов, но они, как правило, касаются не всей толпы, а ее костяка, который по сравнению с толпой может быть весьма немногочисленным. В-третьих, *трудноуправляемость* большого массива людей, что может привести к потере контроля со стороны ее руководителей над поведением толпы и, соответственно, к стихийному развитию событий, быть может, даже выходящих за пределы первоначально задуманного. Все эти обстоятельства в совокупности и лежат, прежде всего, в основе криминализации массовых беспорядков и определяют их высокую общественную опасность.

Вместе с тем следует иметь в виду, что простое нарушение общественного порядка массой людей еще не составляет преступления, предусмотренного ст. 212 УК. Такого рода действия могут образовывать административное правонарушение, наказуемое в соответствии со ст. 20.2 КоАП РФ. Для применения норм УК РФ необходимо, чтобы массовые беспорядки сопровождалась насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти.

Второй характерной чертой массовых беспорядков является то обстоятельство, что они выступают в качестве реакции на определенные действия органов власти. Следует отметить, что этот признак был выделен уже в ст. 77 УК РСФСР 1922 г. и специально подчеркивался исследователями того периода¹⁴⁷. В последующие годы это обстоятельство как бы ушло в тень и нередко игнорировалось судебной практикой. Статья 212 УК РФ 1996 г. предусматривает в качестве условия ответственности за массовые беспорядки невыполнение законных требований представителей власти. Правда, это положение содержится не в описании традиции одного простого состава массовых беспорядков, а в ч. 3, где предусматривается ответственность за призывы к неподчинению власти, массовым беспорядкам и насилию над гражданами. В целях ясного и недвусмысленного понимания массовых беспорядков было бы более предпочтительным предусмотреть этот обязательный признак при описании именно организационной деятельности и участия в массовых беспорядках. Вместе с тем даже такая формулировка закона, на наш взгляд, дает вполне достаточные основания для вывода о привлечении к уголовной ответственности по ст. 212 лишь при условии законного характера действий органов власти. Незаконность предъявляемых требований к участникам и организаторам толпы должна влечь за собой освобождение их от уголовной ответственности по ст. 212 УК.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

Объективная сторона массовых беспорядков выполняется только путем активных действий, выражающихся в нарушении множеством лиц (толпой) установленного порядка в публичных местах, сопровождаемых насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти (ч. 2) либо в организации соответствующих массовых беспорядков (ч. 1), либо в призывах к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно в призывах к насилию над гражданами (ч. 3).

¹⁴⁷ См.: Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 142.

Законодатель дифференцирует ответственность за массовые беспорядки в зависимости от характера и степени общественной опасности совершаемых виновными лицами действий: организаторы массовых беспорядков привлекаются по ч. 1 ст. 212, участники беспорядков – по ч. 2, а по ч. 3 привлекаются лица, призывающие к активному неподчинению законным требованиям представителей власти, к массовым беспорядкам, а равно к насилию над гражданами.

Подготовительная деятельность к массовым беспорядкам охватывает весьма широкий комплекс действий, направленных на то, чтобы собрать толпу и подготовить программу ее действий. Она включает в себя выбор места и времени совершения беспорядков, определение из числа участников массовых беспорядков лиц, ответственных за отдельные акции, подготовку агитационных плакатов и призывов, разработку планов действий, организацию связи, снабжения оружием, транспортом, другими подручными средствами, созыв участников массовых беспорядков и т. п.

Характерной особенностью этой формы организационной деятельности является то обстоятельство, что действия организаторов связаны с воздействием на неопределенно большой круг людей. В связи с этим возникает принципиально важный вопрос об отграничении организации от *подстрекательства и пособничества*. В теории уголовного права по этому поводу высказываются различные точки зрения. Согласно первой подстрекатели, пособники (и укрыватели в соответствующих случаях) в совершении погромов и других преступлений, совершенных во время массовых беспорядков, должны нести ответственность по соответствующим статьям за посягательство на личность, имущество и т. д. (М. П. Карпушин). Другие авторы считают, что лица, призывающие группу людей, толпу к совершению противоправных действий (если не установлено иных признаков их организаторской деятельности), должны привлекаться к уголовной ответственности за соучастие в массовых беспорядках в форме подстрекательства. Лица, непосредственно не участвовавшие в погромах, поджогах и иных подобных действиях, но своими усилиями способствовавшие их совершению (например, предоставлением транспортных средств, оружия, сведений о местонахождении объектов посягательств, укрытием орудий, предметов преступлений и т. п.) либо склонявшие путем угроз, просьб отдельных членов толпы к участию в массовых беспорядках, должны признаваться пособниками или подстрекателями (Ю. Н. Демидов).

При решении этого вопроса следует иметь в виду, что новый УК в ч. 3 ст. 212 предусматривает самостоятельную ответственность за призывы к массовым беспорядкам. Подробнее о характеристике этой специфической формы мы будем говорить ниже, сейчас же можно сделать общий вывод, что призывы есть не что иное, как подстрекательство к массовым беспорядкам. В специальной литературе утвердилось мнение, что «организатор первого вида (лицо, организовавшее совершение преступления. – В. К.) всегда действует и как подстрекатель, поскольку инициатива в совершении преступления, как и подыскание соучастников, всегда принадлежит ему»¹⁴⁸. Следовательно, если организационные действия, помимо элементов подстрекательства, включают в себя и действия, направленные на организацию преступления, то содеянное полностью охватывается понятием организации и квалифицируется только по ч. 1 ст. 212 УК. В тех же случаях, когда лицо ограничивается только подстрекательством (призывами к толпе, группе лиц) и не предпринимает усилий для организации массовых беспорядков, оно привлекается к ответственности по ч. 3 ст. 212 УК.

Лицо, которое непосредственно не принимает участия в погромах, поджогах и иных подобных действиях, но содействует участникам массовых беспорядков во время их совершения путем предоставления каких-либо средств совершения преступления (оружие, транспорт, продукты и т. п.), устранения препятствий либо советами или содействует таким же

¹⁴⁸ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 436.

образом руководителям совершения массовых беспорядков, должно привлекаться к ответственности за пособничество массовым беспорядкам. Более сложным представляется решение вопроса о квалификации действий лиц, которые содействовали указанными способами организаторам массовых беспорядков на стадии совершения подготовительных действий. В таких случаях по отношению к организаторам лицо выступает в качестве пособника, но относительно участников массовых беспорядков оно, в силу своих действий, выполняет организующую роль – создает необходимые условия для совершения погромов, поджогов и иных подобных действий. Мы полагаем, что в этом случае действия виновного лица должны квалифицироваться как организация массовых беспорядков.

Вторая форма организационной деятельности выражается в *непосредственном руководстве совершением массовых беспорядков*. К ним относятся действия, сопряженные с отдачей конкретных распоряжений по выполнению каких-либо необходимых мероприятий (доставка пищи, воды, медикаментов, спиртного, оружия, перекрытие путей движения для подразделений охраны безопасности, внутренних войск, совершение конкретных актов погромов, поджогов и других подобных действий), вербовка новых лиц в состав участников беспорядков, распределение людей на группы с постановкой им конкретных задач, направление движения толпы в определенное место и тому подобные действия. Виновное лицо при этом может принимать участие и в конкретных актах беспорядков, т. е. быть исполнителем (участником) массовых беспорядков. Однако это обстоятельство не меняет оценки его деятельности как организатора и не может служить основанием для квалификации его действий по совокупности ч. 1 и 2 ст. 212 УК. Вместе с тем это должно учитываться при назначении наказания.

В соответствии с законом массовые беспорядки должны сопровождаться насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти. При этом совершение *всех* указанных действий не является обязательным для наличия состава массовых беспорядков. В отличие от УК РСФСР 1960 г. в новом Уголовном кодексе перечень действий, сопровождающих массовые беспорядки, изложен исчерпывающим образом и расширительному толкованию не подлежит.

Насилие как обязательный фактор, сопутствующий нарушению установленного порядка в публичных местах и совершаемый множеством лиц (толпой), может быть как психическим, так и физическим.

Психическое насилие – это угроза применения любого по характеру насилия: причинения вреда здоровью или смерти, изнасилования или совершения мучительных действий, уничтожения или повреждения имущества, воспрепятствования занятию какой-либо деятельностью и т. п. Формы выражения угрозы могут быть различными: словесно, в том числе и в неопределенном виде, например «плохо будет», в демонстрации предметов, которые могут быть использованы для реализации высказанной угрозы, в показе действия едких, ядовитых или легковоспламеняющихся веществ и т. д. Угроза (психическое насилие) должна восприниматься потерпевшими реальной и осуществимой.

Под *физическим насилием* следует понимать совершение действий, связанных с ограничением свободы передвижения, причинением физической боли либо повлекших за собой последствия, предусмотренные ст. 112 и 115 УК. Относительно причинения смерти или тяжкого вреда здоровью представляется, что они выходят за пределы насилия, предусматриваемого массовыми беспорядками, и должны квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями УК. Такой вывод следует из сопоставления санкций ст. 212 и 105, 111 УК.

Законодатель оставил в числе действий, сопровождающих массовые беспорядки, *погромы*. Такое решение представляется не вполне уместным. Во-первых, смысловую

нагрузку этого слова достаточно сложно определить однозначно. Ни в законодательстве, ни в специальной литературе понятия погромов длительное время не давалось. Использование понятий порчи, уничтожения, приведения в непригодное состояние при характеристике погромов нам кажется не совсем удачным, поскольку по своему содержанию они являются взаимопересекающимися и поэтому не вносят достаточной ясности в вопросе об объеме понятия погромов. В русском языке под *погромом* понимается «реакционно-шовинистическое выступление против какой-нибудь национальной или иной группы населения, сопровождающееся разорением, грабежом имущества и массовыми убийствами»¹⁴⁹. Следовательно, для погромов характерны, во-первых, уничтожение или повреждение имущества, во-вторых, похищение имущества и, в-третьих, применение насилия. Кроме того, понятие погромов чаще всего ассоциируется с элементами националистических выступлений. И действительно, анализ судебной практики показывает, что погромы достаточно часто совершаются по мотивам национальной вражды или неприязни, однако эти мотивы далеко не исчерпывают тех побуждений, которыми руководствовались организаторы и участники массовых беспорядков. По опубликованным в специальной литературе данным, в 30 % случаев в основе беспорядков лежало недовольство низким уровнем жизни, в 22 – подверженность слухам, в 18 – недовольство работой органов власти и управления и только в 14 % – националистические побуждения¹⁵⁰.

Таким образом, в содержание погромов, если иметь в виду, что законодатель выделил насилие и уничтожение имущества наряду с погромами, входит лишь похищение имущества. Однако и в этом случае полной ясности нет, поскольку хищение не всегда включается в понятие погромов. Например, Ю. Н. Демидов считает, что преступное завладение имуществом в процессе погрома целесообразно рассматривать как часть единого преступного деяния, без дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за совершение имущественных преступлений, если при этом не было противоправных действий в отношении жизни и здоровья собственников. Если же в ходе учиненного погрома отдельные участники массовых беспорядков тайно или открыто с насилием над личностью присваивают себе имущество разграбляемого жилища, то в таких случаях их действия следует квалифицировать по совокупности преступлений¹⁵¹. По нашему мнению, сущность погромов связана с применением насилия и причинением имущественного вреда в процессе массовых беспорядков. Но эти признаки уже указаны законодателем в диспозиции ст. 212 в качестве самостоятельных, поэтому выделение погромов как еще одного самостоятельного признака теряет смысл и ничего не добавляет к пониманию сущности массовых беспорядков.

Поджоги как характеризующий массовые беспорядки признак – это совершение различных действий, приведших к возгоранию строений, транспортных средств, имущества, иных материальных ценностей. Под *уничтожением имущества* понимается приведение полностью в непригодное состояние сооружений, транспорта, коммуникаций, жилищ, предметов обихода и т. п. Под *применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств* в уголовном праве понимается использование их поражающих свойств для причинения физического вреда потерпевшим, разрушения различных объектов либо создания реальной возможности наступления таких последствий или устрашения населения. О понятии огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств говорилось выше при анализе терроризма и бандитизма.

¹⁴⁹ См.: Там же. С. 25.

¹⁵⁰ См.: Демидов Ю. Н. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁵¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711.

Оказание вооруженного сопротивления представителю власти выражается в активном противодействии законной деятельности представителей власти по поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо в принуждении этих лиц к выполнению явно незаконных действий, совершаемом с применением оружия, когда создается угроза их жизни или здоровью. *Вооруженность* означает наличие любого оружия (огнестрельного, холодного, метательного либо газового).

В соответствии с примечанием к ст. 318 УК *представителями власти* признаются должностные лица правоохранительного или контролирующего органа, а также иные должностные лица, наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости. Таким образом, к данной категории лиц следует относить депутатов законодательных органов всех уровней и их помощников, должностных лиц исполнительных и контролирующих органов (контрольные органы Президента РФ, глав администраций субъектов РФ) различных уровней, работников правоохранительных органов (прокуратуры, МВД, суда, ФСБ, федеральных органов таможенной службы). Представителями власти следует признавать также и сотрудников различных общественных организаций и объединений, которые по специальному полномочию наделяются на время осуществления своих функций правомочиями представителя власти (народные дружинники, общественные помощники и инспектора и т. п.), а также военнослужащих, привлекаемых в соответствии с Законом РФ от 24 сентября 1992 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» и Законом РФ от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих»¹⁵² к обеспечению общественной безопасности и общественного порядка.

Ответственность за непосредственное участие в массовых беспорядках предусматривается в ч. 2 ст. 212 УК. Таким образом, законодатель дифференцированно подходит к оценке характера и степени общественной опасности, учитывая различную функциональную роль организаторов и участников массовых беспорядков. Под *участием* в массовых беспорядках следует понимать непосредственное совершение участниками толпы во время нарушения установленного порядка актов насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также вооруженного сопротивления представителям власти. Совершение перечисленных действий вне нарушения толпой установленного порядка исключает наличие массовых беспорядков, и виновные лица в таких случаях должны привлекаться к ответственности за совершение соответствующих преступлений (против личности, собственности, порядка управления и т. д.). С другой стороны, не могут квалифицироваться по ст. 212 УК и действия лиц (участников толпы), которые находились в районе совершения массовых беспорядков, но не выполняли вышеуказанных действий. Они могут привлекаться к ответственности только на общих основаниях, т. е. когда в их действиях есть признаки иных, помимо массовых беспорядков, составов преступлений.

В ч. 3 ст. 212 УК предусматривается специфическая форма массовых беспорядков: *призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами*. Строго говоря, к массовым беспорядкам относится только лишь один вид действий, названных в этой части статьи, – призывы к массовым беспорядкам. Что же касается призывов к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и призывов к насилию над гражданами, то они по существу являются конкретными видами призывов к массовым беспорядкам. Вместе с тем следует отметить, что они могут быть и не сопряжены с массовыми беспорядками, поэтому законодатель и выделил их наряду с призывами к массовым беспорядкам.

¹⁵² См.: Абдульманов А. Ответственность за массовые беспорядки // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 43.

рядкам. Как уже ранее отмечалось, по своим существенным свойствам данные действия есть не что иное, как подстрекательство к массовым беспорядкам.

Призывы – это «обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую идею, политическое требование, лозунг»¹⁵³. Таким образом, призывы образуют публичное обращение в целях возбуждения желания совершения определенных действий у части населения. Они могут совершаться с помощью средств массовой информации, путем подачи сигналов, составления и оглашения требований, программ, петиций и т. п., а также непосредственно через микрофоны на собраниях, митингах и т. д. Обязательным условием ответственности по ч. 3 ст. 212 УК является направленность призывов на совершение определенных, прямо указанных в законе действий. Призывы к совершению иных действий квалифицируются как подстрекательство к другим преступлениям (терроризму, убийству и т. д.).

Законодатель сформулировал ч. 1 и 3 ст. 212 по принципу *формальных* составов, и поэтому эти преступления будут окончены с момента организации беспорядков либо с момента оглашения призывов. В отличие от сказанного преступление, предусмотренное ч. 2 рассматриваемой нормы, будет окончено с момента совершения указанных в ней действий – применения насилия, совершения погромов, поджогов и т. д.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Однако содержание умысла у виновных лиц может быть различным. Организатор и подстрекатель всегда действуют только с прямым умыслом. В специальной литературе было высказано мнение, что организатор может руководствоваться и косвенным умыслом (Ю. Н. Демидов). Нам представляется, что такая позиция противоречит общей теории соучастия. Законодателем организационная и подстрекательская деятельность признается оконченным преступлением с момента организации массовых беспорядков или подстрекательства к ним. Волевое отношение виновного лица к факту организации массовых беспорядков при этом выражается только в желании их организации. Совершение в процессе массовых беспорядков актов насилия, погромов, поджогов и иных подобных действий находится за пределами состава этого преступления и, следовательно, не может влиять на оценку субъективного отношения виновных лиц. Однако для вменения в вину организаторам последующих актов насилия, погромов и т. д. необходимо установить, что они охватывались их умыслом. Таково требование ч. 5 ст. 35 УК. Волевое отношение в этом случае может выражаться как в желании, так и в сознательном допущении таких последствий или в безразличном отношении к ним.

Участники массовых беспорядков могут действовать как с прямым, так и с косвенным умыслом. Характер целей и мотивов, которыми руководствуются организаторы и участники беспорядков, в законе не описывается. Следовательно, они могут быть различными, в том числе и у разных субъектов. Исключением являются лишь цели антигосударственного характера. В реальности это могут быть, как уже ранее отмечалось, недовольство социально-экономическими условиями жизни, деятельностью государственных органов, хулиганские побуждения, национальная неприязнь и т. п.

Субъект массовых беспорядков общий, т. е. вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Участники массовых беспорядков, совершившие конкретные акты насилия, погромы, поджоги и т. д., могут привлекаться к ответственности и по достижении 14 лет, если в соответствии с законом ответственность за эти конкретные преступления установлена с данного возраста.

¹⁵³ См.: *Галенская Л. Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972; *Бондаренко Н. А.* Ответственность по советскому законодательству за особо опасные нарушения международных конвенций в области мореплавания. М., 1973; *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М., 1979; *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. Владивосток, 1984.

Массовые беспорядки являются сложным преступлением. По подсчетам А. Абдульманова, в ходе массовых беспорядков может совершаться более 20 видов преступлений, которые являются результатом различной направленности антиобщественной деятельности участников массовых беспорядков¹⁵⁴. Поэтому возникает вопрос об отграничении рассматриваемого деяния от смежных составов преступлений и квалификации по совокупности. Поскольку насилие над гражданами и представителями власти, уничтожение и повреждение имущества, применение оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств являются обязательными признаками объективной стороны массовых беспорядков, постольку названные действия охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 212 УК, и не требуют дополнительной квалификации. Совершение иных преступлений (бандитизм, незаконный оборот оружия или радиоактивных материалов, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды и т. д.) требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК. Как ранее отмечалось, выходит за пределы массовых беспорядков и причинение смерти и тяжкого вреда здоровью.

Л. Пиратство (ст. 227 УК)

Пиратство как самостоятельный состав преступления в отечественном законодательстве появилось впервые лишь с принятием УК РФ 1996 г. Между тем представители уголовно-правовой доктрины уже давно предлагали криминализировать это опасное деяние¹⁵⁵. В отсутствие подобного состава пробельность уголовного законодательства компенсировалась путем применения к соответствующим ситуациям норм об ответственности за бандитизм, разбой, посягательства на жизнь и здоровье.

Пиратство как деяние, направленное против судоходства и мореплавания, наносит серьезный материальный ущерб и подрывает принцип свободы и безопасности судоходства в открытом море. Высокая степень общественной опасности пиратства заключается, кроме того, еще и в том, что оно зачастую сопряжено с причинением вреда жизни и здоровью членам экипажа и пассажирам захваченных судов, вносит элементы дезорганизации в нормальную работу водного транспорта. Пираты создают навигационные опасности, оставляя суда, в том числе и полностью загруженные танкеры, на пути без команды, повышая риск столкновения и посадки на мель. Данный вид криминальной деятельности потенциально опасен еще и потому, что может нанести серьезный ущерб окружающей природной среде, когда преследуются суда с экологически опасными грузами. По данным береговой охраны США, прямые финансовые потери от пиратства в экстерриториальных водах ежегодно составляют около 450 млн долларов.

По сведениям Центра пиратства Международного морского бюро, расположенного в Малайзии, количество случаев морского пиратства с 1994 г. выросло более чем в два раза, составив от 200 до 400 эпизодов в год в течение последних пяти лет. Так, только в 2003 г. было зарегистрировано 445 нападений на суда, что на 20,3 % больше, чем в 2002 г.¹⁵⁶ Особенно активно пираты действуют в южных районах Тихого океана, где нападения на рыболовные суда, яхты, грузовые теплоходы и пассажирские лайнеры совершаются флотилиями быстроходных катеров, экипажи которых имеют автоматы, пулеметы и даже пушки. Известны случаи, когда нападениям морских разбойников подвергались океанские лайнеры, имеющие на борту по 600 и более членов экипажа и пассажиров. Россия имеет выход к трем океанам

¹⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Сидоренко В. Ф.* Морское пиратство. СПб. 2004. С. 341–348, 3–4.

¹⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 138.

¹⁵⁶ См.: *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 135.

и 14 морям, а ее береговая линия превышает 100 тыс. километров. Российские суда торгового и рыбопромыслового флота осуществляют свои рейсы во всех районах Мирового океана.

Пиратство является одним из старейших видов международных уголовных преступлений, борьба с которым проводилась еще в древние века. Уже тогда в силу большого материального ущерба и человеческих жертв это деяние считалось опасным преступлением и наказывалось весьма жестоко – виновных лиц либо топили, либо вешали на рее корабля без суда и следствия. Такая практика была прекращена только в конце XIX в., когда пиратов стали доставлять в крупные порты для отправления над ними правосудия. Не подвергалось преследованию как пиратское нападение каперство, т. е. нападение, совершаемое частновладельческим морским судном. Каперские суда получали от военно-морских ведомств воюющих государств специальный патент, разрешающий экипажу судна в период войны нападать на любые суда противника и нейтральных стран, перевозящих контрабанду, захватывать груз и судно, топить их и т. п. Каперство было запрещено в 1865 г. Декларацией о морской войне¹⁵⁷.

Соглашения договорились распространить его принципы и на нападения, совершаемые подводными судами и самолетами. Однако в силу недостаточной правовой определенности, и прежде всего в вопросе о том, какие именно суда и самолеты должны рассматриваться как пиратствующие, данное Соглашение не получило всеобщего одобрения. Вместе с тем в международной практике тех лет под морским пиратством понималось всякое насильственное действие против лиц и грузов, которое совершалось без надлежащего разрешения в море частным судном против другого судна¹⁵⁸. В юридической литературе пиратство определялось по-разному¹⁵⁹.

Статус пиратства как международного уголовного преступления, а также правовые основы борьбы с ним были закреплены в решениях Женевской конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. В соответствии со ст. 15 Конвенции 1958 г. под *пиратством* понимается:

1) любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный а) в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту, б) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства;

2) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, если тот, кто этот акт совершает, знает обстоятельства, в силу которых это судно или этот летательный аппарат является пиратским судном или пиратским летательным аппаратом;

3) любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотриваемого в пунктах 1 или 2 настоящей статьи. Такое же определение пиратства воспроизведено без изменений и в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Несколько позже международным сообществом была выработана и сформулирована противоправность весьма сходных с пиратством деяний, которые также совершались в открытом море. Этим вопросам, в частности, была посвящена Римская конвенция 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоход-

¹⁵⁷ См.: Панов В. П. Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. М., 1993. С. 65.

¹⁵⁸ См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 142; см. также: Допилко С. О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. С. 12.

¹⁵⁹ Подробнее об этом см.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 148–149.

ства, и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. Согласно Конвенции и Протоколу, государства-участники взяли обязательство установить уголовные наказания за следующие деяния: а) акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасности плавания данного судна; б) захват судна и осуществление контроля над ним силой или угрозой силой или путем любой другой формы запугивания; в) разрушение судна, нанесение ему или его грузу повреждения, которое может угрожать безопасности плавания данного судна; г) помещение или совершение действий в целях помещения на борт судна устройства или вещества, которое может разрушить это судно или причинить судну или его грузу повреждение, которое угрожает безопасности плавания этого судна; д) разрушение морского навигационного оборудования или создание серьезных помех его эксплуатации, если такие акты могут угрожать безопасности плавания судна; е) сообщение заведомо ложных сведений, которое создает тем самым угрозу безопасности плавания судна; ж) нанесение ранения любому другому лицу или убийство его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из вышеперечисленных преступлений; з) покушение на совершение таких деяний, подстрекательство к их совершению, а также угроза принуждения физического или юридического лица совершить какое-либо действие или воздержаться от него, совершить какое-либо из упомянутых преступлений, если эта угроза может угрожать безопасности судна. Действие Римской конвенции не распространяется только на военные, полицейские и таможенные корабли.

Отдельные авторы вышеперечисленные деяния условно называют способами совершения морского разбоя или пиратства¹⁶⁰. Однако, в отличие от Конвенции, Протокол носит факультативный характер. Согласно ст. 2 Протокола как морской разбой квалифицируются: насильственный или путем запугивания захват стационарной платформы на континентальном шельфе или осуществление контроля над ней; совершение акта насилия против лица на стационарной платформе, разрушение платформы или нанесение ей повреждения, если такие действия могут угрожать ее безопасности; помещение на платформу устройства или вещества, могущих разрушить платформу или создать угрозу ее безопасности.

В Женевской конвенции 1958 г. предусматриваются и определенные силовые меры, разрешаемые в отношении пиратского судна. Так, согласно ст. 19 Конвенции, в открытом море или любом другом месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства, любое государство может захватить пиратское судно, или пиратский летательный аппарат, или судно, захваченное посредством пиратских действий, находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. Вместе с тем осуществление указанных действий становится возможным при обязательном соблюдении двух условий: во-первых, преследовать, останавливать и задерживать соответствующие суда, арестовывать виновных лиц и имущество вправе только военные корабли и летательные суда, а также суда и самолеты, находящиеся на государственной службе и на то уполномоченные; во-вторых, как это прямо вытекает из вышеизложенного, преследование не может осуществляться в национальных водах иного государства. Государство, которое задержало пиратское судно, осуществляет в отношении виновных уголовное преследование и наказание преступников. Оно может выдать виновных, судно, имущество, передать доказательства их вины другому государству при наличии соответствующего обращения. В соответствии с положениями Римской конвенции в качестве наказания за указанные выше деяния предусмотрено заключение под стражу.

Согласно ст. 15 Женевской конвенции 1958 г. и ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. пиратство есть акт, «направленный против какого-либо другого судна либо

¹⁶⁰ См.: *Карпец И. И.* Указ. соч. С.182; см. также: *Международное уголовное право.* М., 1995. С. 121–122.

против лиц или имущества, находящихся на их борту, в открытом море или за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства». При этом на квалификацию содеянного как пиратства не влияют ни принадлежность судна (государственное, частное), ни его грузоподъемность.

В Конвенциях 1958 и 1982 гг. речь идет о нападении на *другое судно*. Однако в специальной литературе высказываются и иные точки зрения, основанные на позиции, что такое ограничение вряд ли оправданно. Так, А. И. Коробеев, ссылаясь на законодательство других стран, и в частности на законодательство США, пишет: «Морским пиратством необходимо признать как нападение с целью захвата другого судна, лиц, имущества, находящегося на его борту, так и завладение (попытку завладения) данным судном его пассажирами или членами экипажа»¹⁶¹. По нашему мнению, если акт нападения осуществляется на гражданском судне за пределами государственной границы, то содеянное должно расцениваться как пиратство. Такое решение обусловлено, во-первых, спецификой пиратства как преступления открытого моря и, во-вторых, существенно изменившимися по сравнению с XIX – первой половиной XX в. условиями правового регулирования действий, совершаемых на суше и на море.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

С *объективной стороны* пиратство определяется в УК РФ как нападение на морское или речное судно, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. В действующем Кодексе термин «нападение» как способ совершения преступления описывается в трех статьях: 162, 209, 227. При этом в ст. 209 УК законодатель говорит просто о нападении, в ст. 227 – о нападении, совершенном с применением насилия либо с угрозой его применения, а в ст. 162 – о нападении, соединенном с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Полагаем, что понятие *нападения* при пиратстве следует в целом толковать так же, как и при бандитизме.

Нападение не обязательно должно быть сопряжено с реальным применением физического насилия. Для признания пиратства достаточно будет установить наличие и иных силовых методов воздействия (остановка или задержание судна, его преследование, досмотр и т. п. действия). В содержание нападения включается также и создание реальной угрозы применения физического насилия (запугивание потерпевшего применением физического насилия). Физическое насилие при этом по своему характеру может выражаться в ограничении свободы передвижения, связывании, причинении различного вреда здоровью и других подобных действиях в отношении членов экипажа, пассажиров. Однако следует иметь в виду, что не всякое причинение вреда здоровью либо угроза его причинения, совершаемые на судне, рассматриваются как пиратство, а только такие, которые направлены на завладение судном или имуществом, находящимся на его борту.

Применение насилия с иными целями образует признаки преступлений против личности и т. д. Причинение смерти не охватывается составом пиратства и должно квалифицироваться по совокупности со ст. 105 УК. В международной практике в настоящее время пиратством признаются: насильственный захват и задержание судна, причинение физического вреда экипажу и пассажирам, потопление судна, насильственное завладение имуществом членов экипажа и пассажиров захваченного судна, захват пассажиров в качестве заложников с целью получения выкупа за них, обстрел судна и т. п.

Указанные выше международные конвенции и практика относят к пиратству также нападения с воздуха, с летательных аппаратов, выразившиеся в обстреле и бомбардировке судна. Иной точки зрения придерживался И. И. Карпец, который считал, что действия преступников, уничтожающих корабль и людей, на нем находящихся, путем налета с воздуха,

¹⁶¹ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч. С. 88.

скорее, сходны с действиями террористов¹⁶². Соответствующий вывод он делал на основе сравнения нападения на море с аналогичными действиями на суше, когда совершаются налеты на аэродромы, убийства с тем, чтобы захватить заложников и скрыться. Такого рода действия квалифицируются как терроризм. Поскольку в этих случаях различно только место совершения преступления, но не цель и не характер его, постольку содеянное, по его мнению, следует рассматривать как терроризм.

Полагаем, что при оценке такого рода действий необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, УК РФ 1996 г., равно как и ранее действовавший Кодекс, предусматривает в качестве самостоятельного преступления террористический акт, для которого характерным является цель оказания воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Если нападения с воздуха совершаются с вышеозначенной целью, то такого рода действия следует квалифицировать как терроризм. Во-вторых, необходимо устанавливать содержание целей, которые преследуют виновные, осуществляя нападения с летательных аппаратов. В случаях, когда они соответствуют целям пиратства – завладения чужим имуществом – и обстрел с воздуха сопряжен с последующей высадкой и захватом судна, то такие общественно опасные действия следует расценивать как пиратство.

Как и в статьях о разбое и бандитизме, законодательная конструкция пиратства сформулирована по принципу *усеченного* состава, поэтому пиратство будет окончательным преступлением с момента совершения нападения. Реально это означает, что окончательным преступлением следует считать уже сам факт насильственного задержания судна, несмотря на то, что впоследствии оно может быть и отпущено, а также преследование судна, сопровождаемое применением физического или психического насилия. В связи с этим вызывает возражения по причине чрезмерно расширительного толкования высказанная в свое время точка зрения, что любое неправомерное действие в открытом море, подготавливающее это нападение, а также любое неправомерное осуществление власти в открытом море, наносящее ущерб пользователю открытого моря, представляют собой акт пиратства. Подготовка нападения (оборудование судна, набор экипажа, приобретение оружия, выход в район предполагаемого нападения и т. п. действия) по прямому указанию ст. 30 УК могут расцениваться только как приготовление к пиратству. Согласно ч. 2 этой же статьи уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Простое и квалифицированное пиратство относится к тяжким преступлениям, а особо квалифицированное – к особо тяжким, поэтому совершение приготовительных к пиратству действий влечет за собой применение мер уголовного наказания.

Субъективная сторона пиратства характеризуется только умышленной формой вины и, более того, только прямым умыслом. Об этом свидетельствует указание в ст. 227 УК на *специальную цель* нападения – завладение чужим имуществом. Виновное лицо сознает, что оно совершает нападение на морское или речное судно для завладения чужим имуществом и желает действовать таким образом.

Чужое имущество – это обобщенное понятие, в качестве которого может выступать само судно, его агрегаты и оборудование, перевозимый груз, личные вещи пассажиров и членов экипажа. Если нападение совершается с иными целями, например осложнения отношений или провоцирования конфликта с другим государством, захвата заложника и т. п., то содеянное должно получать иную уголовно-правовую оценку. В отличие от Конвенции 1958 г. российский законодатель, указав на цель нападения, сузил пределы субъективной стороны. Согласно ст. 15 указанной Конвенции пиратство как преступление международного характера совершается с *личными* целями, которые чаще всего выражаются в корыстных побуждениях, мести или ненависти.

¹⁶² См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С 140

Субъектом пиратства является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъектами преступления могут быть граждане России, иностранцы, а также лица без гражданства. В специальной литературе доминирует точка зрения, что субъектом пиратства не может быть лицо, представляющее какое-либо государство. Иначе говоря, судно или самолет, с которых осуществляется нападение, могут быть только частного владения. Когда же нападение осуществляется военными либо государственными судами и кораблями, то такого рода действия нельзя квалифицировать как пиратство, поскольку это не будет соответствовать ни характеристике содеянного, ни степени его опасности для международного сообщества.

Мнение о том, что действия, в частности военных судов, не могут рассматриваться как действия частных лиц, а должны квалифицироваться как агрессивные действия со стороны государства, которому принадлежат совершившие нападение военные корабли, было высказано еще в 60-х годах XX в. и получило, за редким исключением, полную поддержку в среде специалистов. Позже, в 1972 г., Л. Н. Галенская писала: «Невозможно оспаривать противоправность нападений государственных судов и военных кораблей на суда других стран в открытом море. Однако бороться с такими действиями надо не путем подведения их под понятие пиратства... а квалифицируя их как опаснейшее международное преступление, чреватое угрозой миру и безопасности народов»¹⁶³.

Мы полагаем, что правы те авторы, которые ограничивают субъектный состав пиратства только частными лицами. Во-первых, согласно ст. 16 Конвенции 1958 г. и ст. 102 Конвенции ООН 1982 г., экипаж военного корабля рассматривается как пиратский только тогда, когда он поднимает мятеж, устанавливает контроль над судном и совершает нападения. Таким образом, для квалификации действий как пиратства имеет принципиальное значение тот факт, по собственной ли инициативе капитана или экипажа, или же по специальному полномочию государства они действуют. Во-вторых, как совершенно справедливо отмечает А. И. Коробеев, и военные и государственные суда управляются людьми, которые находятся на государственной службе, и, следовательно, они представляют интересы государства и выполняют его волю¹⁶⁴. Пиратство же по прямому указанию Конвенций 1958 и 1982 гг. сопряжено с личными целями, в частности с корыстными. Поэтому когда виновные лица устанавливают контроль над судном с такими целями, то оно утрачивает статус государственного и ответственность должна наступать уже не за те действия, на совершение которых эти лица были уполномочены государством, а за действия, совершаемые по собственной инициативе, т. е. за пиратство. Если же пиратские нападения совершаются с одобрения государства, то, как и любые другие акты агрессии, нападения такого рода должны влечь за собой политическую и материальную ответственность государств и уголовную ответственность за преступления против личности, собственности и т. п. непосредственных исполнителей.

Статья 227 УК предусматривает ответственность за три вида пиратства – простой, квалифицированный и особо квалифицированный. *Квалифицирующими признаками* пиратства являются совершение его неоднократно либо с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 227 УК). Понятие данных квалифицирующих признаков было рассмотрено при анализе терроризма и захвата заложника. Вместе с тем применительно к последнему признаку необходимо сделать следующее замечание. Законодатель не упоминает в ч. 2 ст. 227 УК боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, что следует считать пробелом закона. Однако по своим поражающим свойствам и эффективности указанные предметы не уступают, а иногда и превосходят отдельные виды оружия.

¹⁶³ Подробнее об этом см.: Векленко С. В. Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством. Омск, 1998. С. 5–6.

¹⁶⁴ Подробнее об этом см.: Базаров Р. А., Рагулин А. В. Уголовно-правовая характеристика хулиганства. Уфа, 2005. С. 62 и далее; Векленко С. В. Указ. соч. С. 57–59.

Во избежание расширительного толкования понятия оружия следовало бы указать в диспозиции ч. 2 ст. 227 также боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Особо квалифицирующими признаками пиратства являются совершение его организованной группой либо наступление в результате пиратского нападения смерти человека по неосторожности или иных тяжких последствий. Содержание этих признаков было рассмотрено при анализе квалифицированного вида терроризма.

§ 4. Преступления против общественного порядка

В отличие от предыдущих кодексов, УК РФ 1996 г. предусмотрел всего две статьи, содержащие ответственность за посягательства на общественный порядок, – ст. 213 (хулиганство) и ст. 214 (вандализм). 8 декабря 2003 г. Федеральным законом диспозиция ст. 213 была серьезно видоизменена, и фактически это деяние стало направленным не столько на общественный порядок, сколько на общественную безопасность, поскольку речь идет уже не просто о нарушении общественного порядка, а о действиях, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, т. е. об общеопасном преступлении. В связи с этим резко сократилось и количество преступлений, квалифицируемых как хулиганство. В 2006 г. было зарегистрировано 28 645 случаев уголовно наказуемого хулиганства (для сравнения: в 1999 г. в России было зарегистрировано 128 701 случай хулиганства). Хулиганские действия (с учетом вышесказанного) и вандализм причиняют существенный вред *общественному порядку*, который представляет собой систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения. Совершение этих преступлений приводит к нарушению общественного спокойствия, причинению физического вреда личности и имущественного ущерба.

А. Хулиганство (ст. 213 УК)

В научной литературе встречается много достаточно аргументированных точек зрения на происхождение слов «хулиган» и «хулиганство». Одни авторы утверждают, что слово «хулиган» возникло от наименования двух кланов американских и индейских племен, кочевавших между Техасом и Калифорнией, – хулиганов и апашей, которым за их упорное сопротивление завоеватели приписали самые отрицательные качества. По мнению других, термин «хулиган» происходит от древнерусского слово «хула» – то, что порочит, и французского “gens” – люди. Кличку «хулиган» давали крепостным крестьянам, слугам и другим лицам, которых хотели опорочить, унижить. Однако большинство лингвистов и юристов считает, что «хулиган» и «хулиганство» – иностранные слова. Произошли они от английского “Hooligan” – фамилии ирландской семьи, жившей в конце XVIII в. в Лондоне и известной своей грубостью¹⁶⁵.

Хулиганство на протяжении длительного времени традиционно описывалось законодателем с использованием большого количества оценочных признаков, что на практике нередко приводило к необоснованному расширению сферы применения соответствующей статьи. Законодательная неопределенность признаков хулиганства, непосредственная практика применения нормы судебными органами логично привели к появлению предложений об исключении соответствующей статьи из УК¹⁶⁶. Законодатель не воспринял такие рекомендации и сохранил в УК 1996 г. норму о хулиганстве. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. диспозиция ст. 213 УК была существенно изменена. Последние изменения были внесены в ст. 213 УК Федеральным законом от 24 июля 2007 г. В новой редакции

¹⁶⁵ В связи с этим Р. А. Базаров и А. В. Рагулин предлагают дополнить п. «а» ч.2 ст. 213 указанием на такой квалифицирующий признак, как нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью, а также уничтожение или повреждение имущества (см.: Базаров Р. Л., Рагулин А. В. Указ. соч. С. 75).

¹⁶⁶ См.: Иванов Н. Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8.

диспозиция ст. 213 выглядит следующим образом: «1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Объект преступления – система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения.

С объективной стороны хулиганство означает действия, направленные на грубое нарушение общественного порядка, выражающие явное неуважение к обществу.

Грубое нарушение общественного порядка отражает степень нарушения общественного порядка и означает значительность, серьезность нарушения. Поскольку это понятие оценочное, постольку его содержание определяется в конкретном случае на основании всех обстоятельств дела с учетом места, времени и способа совершения действий, их интенсивности и продолжительности, а также иных обстоятельств. В судебной практике грубым нарушением общественного порядка признаются такие действия, которые совершаются в общественных местах и сопряжены с нарушением покоя граждан, срывом массовых мероприятий, нарушением работы транспорта, общественного спокойствия в течение продолжительного периода времени и т. д.¹⁶⁷

Явное неуважение к обществу означает открытое, демонстративно-пренебрежительное игнорирование лицом общепринятых форм поведения человека в обществе. Вследствие отмеченных обстоятельств хулиганство чаще всего совершается в местах массового нахождения людей (на улице, в транспорте, местах отдыха, проведения публичных мероприятий и т. п.), хотя этот признак в законе не определяется как конститутивный¹⁶⁸. Нанесение оскорблений, побоев, причинение легкого вреда здоровью и другие подобные действия, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников и знакомых, вызванные личными неприязненными отношениями или неправильными действиями потерпевших и т. п., должны квалифицироваться по статьям УК о преступлениях против личности. Такого рода действия могут быть расценены как хулиганство лишь в случаях, когда они связаны с желанием виновного таким образом грубо нарушить общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу.

Характерной чертой хулиганства является его *публичность*, которая проявляется либо в совершении соответствующих действий в присутствии людей, либо в их отсутствие, но при ознакомлении с результатом хулиганских действий членов общества (например, при уничтожении или повреждении имущества).

Обязательным признаком хулиганства в соответствии со ст. 213 является *определенный способ* совершения преступления: применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Указав на это обстоятельство, законодатель тем самым определил четкие критерии отграничения уголовно наказуемого хулиганства от мелкого хулиганства.

Под *применением* оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать использование поражающих свойств соответствующих предметов для причинения физического вреда потерпевшим либо в качестве средства психологического давления и устрашения потерпевших. Под предметами, используемыми в качестве оружия, сле-

¹⁶⁷ См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 1999. С. 424.

¹⁶⁸ Некоторые авторы полагают, что совершение действий в общественном месте является обязательным признаком хулиганства. См.: *Егоров В. С.* Уголовная ответственность за хулиганство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 17.

дует понимать как предметы хозяйственно-бытового назначения (кухонные ножи, топоры, бритвы и т. д.), так и любые иные предметы, применяемые для причинения физического вреда человеку (дубинка, палка, камень и т. д.), вне зависимости от того, были ли они приготовлены и приспособлены заранее или нет. Исключение из числа конститутивных признаков указания на применение насилия, а также уничтожения или повреждения имущества повлекло за собой и изменение правил квалификации хулиганства, сопряженного с применением насилия либо уничтожением или повреждением имущества. Если ранее дополнительной квалификации требовало лишь умышленное причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, то теперь дополнительной квалификации требует также причинение легкого вреда здоровью, побоев, равно как и уничтожение или повреждение имущества¹⁶⁹.

Так, в определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 4 февраля 1998 г. по делу Д. сказано: «Суд обоснованно квалифицировал действия виновного по совокупности преступлений как хулиганство, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 213 УК РФ), и применение насилия, опасного для здоровья, в отношении представителя власти (ч. 2 ст. 318 УК РФ)». Как установлено судом, и это не оспаривалось в протесте, Д., совершая хулиганские действия, оказал сопротивление представителю власти – работнику милиции В., ударил его молотком по голове, причинив легкий вред здоровью. Поскольку в данном случае Д. знал, что В. – работник милиции, представитель власти, но несмотря на это применил по отношению к нему насилие, опасное для его здоровья, суд правильно квалифицировал действия осужденного дополнительно и по ч. 2 ст. 318 УК РФ¹⁷⁰.

Законодатель, формулируя диспозицию ст. 213 УК, не указывает на обязательность наступления в результате совершения хулиганских действий каких-либо последствий (*формальный состав*). Поэтому хулиганство будет оконченным с момента совершения действий, грубо нарушающих общественный порядок, выражающих явное неуважение к обществу, которые сопровождаются применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Субъективная сторона хулиганства характеризуется прямым умыслом и специальным мотивом. В литературе высказывается мнение о возможности совершения хулиганства с косвенным умыслом¹⁷¹. Думается, что такая позиция вступает в противоречие с теорией вины в формальных составах преступлений. Признание хулиганства как преступления с формальным составом исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом, поскольку невозможно, совершая определенные действия по своей воле, не желать совершения этих действий. Виновное лицо сознает, что совершает с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, действия, которые грубо нарушают общественный порядок, выражают явное неуважение к обществу, и желает их совершения.

Хулиганский мотив выражается в открытом, демонстративном вызове окружающим, стремлении виновного противопоставить свои собственные интересы интересам общества, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним, показать свою вседозволенность, безнаказанность, жестокость. Его необходимо отличать от иных побуждений. Так, Верховный Суд РФ отменил приговор в отношении А. на том основании, что в судебном заседании установлено, что он действовал не из хулиганских побуждений, а в связи с личными неприязненными отношениями с потерпевшим¹⁷². Нередко в качестве *повода* для хули-

¹⁶⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

¹⁷⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1. С. 16.

¹⁷¹ См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 2004. С. 442.

¹⁷² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 10. С. 5.

ганских действий виновный использует поведение потерпевших, а иногда даже провоцирует последних на какие-либо действия, чтобы использовать их в качестве предлога для совершения преступления.

Федеральным законом от 24 июля 2007 г.¹⁷³ к числу обязательных признаков состава хулиганства было отнесено также совершение вышерассмотренных действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Такое законодательное решение вызывает, по меньшей мере, недоумение. Во-первых, в старой редакции была определенность в понимании объекта посягательства хулиганства – применение оружия создает угрозу в большей степени общественной безопасности, нежели общественному порядку. В новой редакции правовая природа хулиганства ока залась раздвоенной: если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то оно тяготеет к преступлениям против общественной безопасности. Когда же грубое нарушение совершается по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то это преступление против общественного порядка.

Во-вторых, имеется определенная неясность и в вопросе о том, должно ли грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, обязательно совершаться одновременно и с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо будет достаточно только определенного способа или определенного мотива. По мнению Верховного Суда РФ, для квалификации деяния как хулиганства по ст. 213 УК необходимо установить наличие либо определенного способа, либо мотива (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»¹⁷⁴).

Наконец, в-третьих, самое главное. В юридической литературе в субъективном смысле мотив понимается как основание для принятия решения действующим лицом, осознанная (или неосознанная) причина его поступка¹⁷⁵. В принципе, полимотивация, т. е. множественность мотивов в одном и том же поступке, вполне возможна. Однако возникает вопрос юридической оценки такой ситуации. Применительно к квалифицирующим признакам убийства по мотивам его совершения в доктрине уголовного права сложилось устойчивое мнение, что квалификация определяется тем мотивом, в пользу которого избран волевой акт и принято решение¹⁷⁶. Такого же решения придерживается и судебная практика. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» говорится: «По смыслу закона квалификация по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определен-

¹⁷³ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

¹⁷⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 21. Ст. 2456.

¹⁷⁵ См.: Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 49.

¹⁷⁶ См.: Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам СПб., 2003. С. 203; см. также: Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 29; Наумов А. В. Мотивы убийств. Волгоград, 1969. С. 75; Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. 1999. С. 80–81.

ного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ». Таким образом, даже при квалифицирующем преступлении обстоятельствах юридическое выражение квалификации определяет один главный, доминирующий мотив. Тем более это должно быть в основном составе преступления. Поэтому введение в число обязательных признаков преступления, и в частности хулиганства, двух мотивов является абсолютным нонсенсом, грубо нарушающим правила законодательной техники.

В судебной практике и доктрине уголовного права традиционно считалось, что определяющим природу хулиганства является именно хулиганский мотив. Введение в число обязательных признаков мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы не только раздваивает природу хулиганства, о чем говорилось ранее, но и создает серьезные сложности в правоприменении. Теперь для привлечения к ответственности по ст. 213 УК правоохранительным органам необходимо доказывать наличие двух взаимоисключающих друг друга мотивов. Недоказанность одного из них будет автоматически означать и отсутствие в действиях лица состава хулиганства. С учетом всего вышеизложенного полагаем, что данная законодательная новелла вряд ли будет способствовать повышению уровня эффективности борьбы с хулиганством.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК, – общий. За квалифицированное хулиганство ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК наступает по достижении 14-летнего возраста.

Б. Вандализм (ст. 214 УК)

Ответственность за вандализм в самостоятельной статье УК предусматривается в российском уголовном законодательстве впервые. По УК 1960 г. соответствующие действия чаще всего квалифицировались как хулиганство.

Вандализм – бессмысленно жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей – представляет общественную опасность, прежде всего, в силу дерзкого, человеконенавистнического надругательства над нормами общественной нравственности. Понятие «вандализм» происходит от термина «вандалы» – так называлась группа германских племен, завоевавших в 429–439 гг. Северную Африку и основавших там раннефеодальное королевство. Вандалы прославились тем, что в 455 г. разграбили Рим, бессмысленно уничтожив многие памятники античной культуры¹⁷⁷.

Объект преступления – система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, в сфере социального общения.

Объективная сторона вандализма проявляется в двух формах: в осквернении зданий и иных сооружений и в порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Осквернение выражается в нанесении на здания (жилые дома, производственные корпуса, учреждения, культурно-просветительные заведения и т. п.) и иные сооружения

¹⁷⁷ См.: Федеральная целевая программа «Ядерная и радиационная безопасность России на 2000–2006 гг.», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2000 г. № 149 // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1037.

(памятники, мемориальные комплексы и т. п.) надписей, рисунков и изображений, носящих циничный, непристойный характер и глубоко оскорбляющих окружающих людей. Надписи, рисунки и изображения должны содержать тексты, стихотворения, карикатуры и т. д., вступающие в резкое противоречие с общественной нравственностью. Оценку соответствующих надписей и изображений как глубоко оскорбляющих общественную нравственность судебно-следственные органы должны давать с учетом конкретных обстоятельств дела (характера здания или иного сооружения, места и объема их размещения, содержания надписей, рисунков и изображений и т. п.).

Под *порчей имущества* следует понимать его уничтожение или повреждение аналогично тому, как это имеет место при хулиганстве. Необходимо только помнить, что закон к предмету данной разновидности вандализма относит имущество на *общественном транспорте* (в автобусах, трамваях, троллейбусах, электропоездах и т. п.) или *в иных общественных местах* (в кинотеатрах, концертных залах, учебных аудиториях и т. п.). Данное имущество не обязательно должно быть государственным или муниципальным. Однако уничтожение или повреждение личного транспорта, частных построек при определенных условиях должно квалифицироваться по ст. 167 УК как уничтожение или повреждение чужого имущества.

Оконченным вандализм признается с момента совершения действий по осквернению зданий или иных сооружений либо порчи имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо сознает, что оно учиняет на зданиях или иных сооружениях осквернительные надписи, рисунки, изображения и т. п. либо осуществляет порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах и желает этого. *Мотивы* такого поведения на квалификацию не влияют и могут быть различными: хулиганские побуждения, месть, ненависть и т. п.

Субъект преступления – лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Федеральным законом от 10 мая 2007 г. «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹⁷⁸ ст. 214 была дополнена ч. 2 следующего содержания: «2. Те же деяния, совершенные группой лиц, а равно по мотиву идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, – наказываются ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет». Суть этих признаков была раскрыта при анализе ст. 105 и 131 УК.

От смежных составов преступлений вандализм отличается, прежде всего, содержанием надписей и изображений и местом их учинения, а также местом повреждения или уничтожения зданий или иных сооружений. Уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий квалифицируются по ст. 244 УК. Аналогичные действия в отношении памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, образуют деяние, предусмотренное ст. 243 УК. Совершение оскорбительных надписей и изображений в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей должно квалифицироваться по ст. 319 УК.

¹⁷⁸ См.: СЗ РФ. 1997. № 49. Ст. 5600.

§ 5. Преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности

Преступления данной группы посягают на специфическую категорию общественных отношений, которые являются частью отношений общественной безопасности и регламентируют порядок производства отдельных видов работ, а также связанные с этим порядком правила безопасности труда. Некоторые виды производства в силу свойств и специфики технологических процессов обладают потенциально высокой степенью опасности причинения вреда физическим и имущественным благам личности и общества и поэтому требуют соблюдения особых мер предосторожности при их выполнении. Точное и неукоснительное соблюдение специальных мер предосторожности является необходимым условием предотвращения наступления общественно опасных последствий.

В качестве характерных признаков данной группы преступлений выделяются следующие обстоятельства. Во-первых, соответствующие правила безопасности закрепляются в иных отраслях права и поэтому диспозиции статей УК формулируются как бланкетные. Во-вторых, рассматриваемая группа преступлений может совершаться только с неосторожной формой вины.

А. Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК)

Объектом данного преступления является установленный нормативными актами порядок по обеспечению безопасности размещения, проектирования, строительства и эксплуатации объектов атомной энергетики. Данная норма впервые выделяется в уголовном законодательстве. Соответствующие деяния ранее квалифицировались либо по статьям о преступлениях против личности, либо по статьям о должностных преступлениях.

С развитием атомной энергетики, использованием атомной энергии в мирных и оборонных целях, применением источников ионизирующего излучения в медицине, промышленности и сельском хозяйстве одной из важнейших составляющих национальной безопасности государства становится обеспечение ядерной и радиационной безопасности¹⁷⁹. Вместе с тем каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде.

Правовые основы и принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии, содержатся в Федеральном законе от 21 ноября 1995 г. с последующими изменениями «Об использовании атомной энергии»; Федеральном законе от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» и Постановлении Правительства РФ от 22 февраля 2000 г. «О Федеральной целевой программе “Ядерная и радиационная безопасность России на 2000–2006 годы”».

К объектам атомной энергетики относятся: места нахождения ядерных установок; сооружения и комплексы с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортабельные средства; сооружения и комплексы с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными

¹⁷⁹ См.: СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2171.

стендами; сооружения, комплексы, полигоны, установки и устройства с ядерными зарядами для использования в мирных целях; другие содержащие ядерные материалы сооружения, комплексы, установки для производства, использования, переработки, транспортирования ядерного топлива и ядерных материалов; не относящиеся к ядерным установкам комплексы, установки, аппараты, оборудование и изделия, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение; не относящиеся к ядерным установкам и радиационным источникам стационарные объекты и сооружения, предназначенные для хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранения или захоронения радиоактивных отходов; машиностроительные изделия, содержащие ядерные материалы и предназначенные для получения тепловой энергии в ядерном реакторе за счет осуществления контролируемой ядерной реакции; облученные в ядерном реакторе и извлеченные из него тепловыделяющие сборки, содержащие отработанное ядерное топливо (ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 1995 г.). Отнесение указанных объектов к перечисленным категориям определяется эксплуатирующей организацией и фиксируется в соответствующем документе в порядке, установленном федеральными органами исполнительной власти в области государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии.

С объективной стороны преступление выражается в нарушении определенных правил безопасности, которое создает опасность смерти человека или радиоактивного заражения окружающей среды. *Правила безопасности* – это специальные требования, выполнение которых обязательно при осуществлении любого вида деятельности в области использования атомной энергии (соблюдение ядерной, радиационной, технической и пожарной безопасности, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия граждан и т. п.). Соответствующие правила регламентируют весь технологический процесс деятельности объектов атомной энергетики, начиная с их размещения, проектирования и заканчивая строительством и эксплуатацией объектов. Перечень федеральных норм и правил в области использования атомной энергии утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 1511 с последующими изменениями¹⁸⁰.

¹⁸⁰ См.: СЗ РФ. 1999. № 27. Ст. 3365.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.